

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

1 • 2020

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy chief editor*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoynosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.P. Malysheva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Tetsuya, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, PhD, associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.П. Мальшева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

С. Тэцуя, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, PhD, доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

В.Ф. Блохин

- «По лире вдохновение, по чину удовольствие»,
или Как уездное дворянское собрание пыталось вразумить
Министерство внутренних дел Российской империи 12

Е.В. Доля

- Правовой спор в Верховном суде США за право владения
Свято-Николаевским кафедральным собором в Нью-Йорке
в отражении документов ГА РФ (1950–1960 гг.) 31

Г.А. Хаберл-Яковлева

- «Социалистические страны теряют время
в экономическом соревновании с капитализмом»:
Письмо В. Ульбрихта Л.И. Брежневу как пролог
к заключению ОСВ-1 51

С.Б. Филимонов

- Вехи векового пути: основные этапы истории
исторического образования в ведущем вузе
Республики Крым 68

Историография, источниковедение, и методы исторического исследования

Е.Д. Браун

- Античные образы в английской ренессансной историографии
(на примере «Истории Генриха VII» Бернара Андре) 75

История культуры в документальном наследии

Е.Н. Гурьянова

- О состоянии духовного образования в Таврической губернии
в конце XIX – начале XX в.: историографический аспект 86

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

<i>В.Б. Прозорова</i>	
Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в.	95
<i>Г.А. Двоеносова</i>	
Цифровой документ: старая сущность в новом явлении	115

У книжной полки

<i>Е.В. Волков</i>	
Документальное исследование о «брате-генерале»: новое в биографике Белого движения	126
<i>Т. И. Хорхордина</i>	
Ученый-мыслитель Ольга Михайловна Медушевская: Душа и Символ Историко-архивного института (Об издании научного наследия О.М. Медушевской)	140

In memoriam

<i>С. Петкова, Т.И. Хорхордина</i>	
Память о Друге	155

CONTENTS

Russian History

V. Blokhin

- «By lyre an inspiration – by rank a pleasure»
or How nobility uyezd assembly tried to reason
the ministry of the Interior of the Russian Empire 12

E. Dolya

- Legal dispute in New York State Courts for Ownership
of St. Nicholas Cathedral in New York as stated
in the GA RF documents (1950–1960) 31

G. Haberl-Yakovleva

- “Socialist countries waste time in the economic competition
with capitalism”. The letter of W. Ulbricht to L.I. Brezhnev
as a prologue to the conclusion of the SALT-1 agreement 51

S. Filimonov

- Milestones of the centuries-old path: the main stages
of the history of historical education in a leading university
of the Republic of Crimea 68

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

E. Braun

- Images of Antiquity in English Renaissance historiography
(On the example of Bernard Andre’s “History of Henry VII”) 75

History of culture in documentary heritage

E. Guryanova

- On the status of religious education in the Tauride province
in the late 19th – early 20th centuries: historiographical aspect 86

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

V. Prozorova

French National Archives: the probability of setting up its model
in other countries in the 20th century 95

G. Dvoynosova

Digital document: an old entity in a new phenomenon 115

Book Reviews

E. Volkov

Documentary research on the “brother-general”:
New biographical studies on the White movement 126

T. Khorkhordina

Philosopher of Science Olga Medushevskaya: the Soul
and the Icon of the Institute for History and Archives
(devoted to the Publication of the scientific heritage
of O.M. Medushevskaya) 140

In memoriam

S. Petkova, T. Khorkhordina

Memory of a friend 155

«По лире вдохновение, по чину удовольствие», или Как уездное дворянское собрание пыталось вразумить Министерство внутренних дел Российской империи

Валерий Ф. Блохин

*Брянский государственный университет,
Брянск, Россия, blohin.val@yandex.ru*

Аннотация. Цель представленного исследования заключается в знакомстве читателей с редким документом, относящимся к истории подготовки отмены крепостного права в России. Письмо брянских дворян, датированное концом января 1858 г., было обнаружено в личном фонде сотрудника редакции «Правительственного вестника» Павла Никитича Тиханова, и до этого момента оно оставалось не известным для историков и не вводилось в научный оборот. Проблема понимания предстоящей реформы и ее последствий получила отражение в проектах, подаваемых отдельными землевладельцами, в более поздних документах губернских дворянских комитетов, но реакция на первые царские рескрипты, особенно на имя петербургского военного генерал-губернатора, нашла отражение лишь в общих оценках настроений в отчетах губернских администраций в Петербург.

Анализ взаимодействия правительственных структур и поместного дворянства возможен при использовании инструментария микроистории, в чем и может помочь рассматриваемый документ. Ценность такого рода материалов обусловлена возможностью осуществления проверки и дополнения оценок, содержащихся в исследовании процесса подготовки главной реформы XIX в. в России, в выявлении господствовавших общественных настроений в среде провинциального дворянства, его готовности следовать правительственным решениям.

Ключевые слова: отмена крепостного права в России, провинциальное дворянство, рескрипт, Министерство внутренних дел, предводители дворянства, дворянские собрания, проекты улучшения быта помещичьих крестьян

Для цитирования: Блохин В.Ф. «По лире вдохновение, по чину удовольствие», или Как дворянское уездное собрание пыталось вразумить Министерство внутренних дел Российской империи // История и архивы. 2020. № 1. С. 12–30. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-12-30

«By lyre an inspiration – by rank a pleasure»¹ or How nobility uyezd assembly tried to reason the Ministry of the Interior of the Russian Empire

Valeriy F. Blokhin

Bryansk State University, Bryansk, Russia, blohin.val@yandex.ru

Abstract. The purpose of the presented study is to inform the readers with a rare and unique document that was related to the history of preparing the abolition of serfdom in Russia. The letter from the Bryansk nobility of landowners, dated back to the end of January 1858, was discovered among the private papers of Pavel Nikitich Tikhanov, the editorial staff member of the «Pravitel'stvennyi Vestnik» («Government Bulletin»), and until the moment it has remained unknown to historians and has not been introduced into scientific use. The problem of understanding the forthcoming reform and its consequences was reflected in the projects submitted by separate landowners, as well as in the more recent documents of the gubernial (provincial) nobility committees, but the reaction to the first tsarist rescripts, especially addressed to the St. Petersburg Military Governor–General, was only reflected in the general assessments of sentiments mentioned in the gubernial administrative reports sent to St. Petersburg.

The analysis of the interaction between the government structures and the landed gentry is possible when implementing microhistory methodology, and the document under discussion can be of great use here. The value of such materials results from their ability to verify and supplement the assessments contained in the study of the process of preparing the main reform of the 19th century in Russia, in revealing the prevailing social sentiments among the provincial nobility and its willingness to follow government decisions.

Keywords: abolition of serfdom in Russia (emancipation of serfs in Russia), provincial nobility, rescript, Ministry of the Interior of the Russian Empire, marshals of the nobility, nobility assemblies, projects to improve the everyday life of landlord peasants

For citation: Blokhin, V. (2020), “ ‘By lyre an inspiration – by rank a pleasure’ or How nobility uyezd assembly tried to reason the Ministry of the Interior of the Russian Empire”, *History and Archives*, no. 1, pp. 12–30. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-12-30

¹ “By lyre an inspiration – by rank a pleasure» (По лире вдохновение, по чину удовол'ствие) – the common phrase of 19th century in Russia.

Введение

Накануне реформы отмены крепостного права в России соборания дворянства, которые являлись основной его корпоративной организацией, превратились в провинции в объект особого внимания со стороны чиновников Министерства внутренних дел. Причиной тому явилось визирование 20 ноября 1857 г. Александром II высочайшего рескрипта виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову. На смену слухам и связанным с ними страхам пришел первый официальный документ, подписанный царем, свидетельствующий о том, что отмена крепостного состояния в России являлась неизбежной.

Дальнейшее развитие событий в подробностях воспроизведено самими участниками подготовки и реализации реформы, дореволюционными и советскими авторами, современными отечественными и зарубежными историками.

Поскольку в данном контексте для нас более важными являются проблемы отношений официальной власти с «деятелями сословно-дворянского направления», сошлемся на работы историков И.А. Христофорова и М.Д. Долбилова, рассмотревших динамику реформаторских и контрреформаторских тенденций во внутренней политике России.

В монографии И.А. Христофорова присутствует ряд эпизодов, связанных с деятельностью брянских и орловских дворян: В.А. Краинского, С.И. Мальцова, В.В. Апраксина в рамках Орловского дворянского комитета [Христофоров 2002, с. 64–66]. В статье М.Д. Долбилова дворяне Орловской губернии включены в число лидеров «конституционно-аристократического течения дворянства 1850 – начала 1860-х гг.» [Долбилов 2000, с. 34].

На наш взгляд, несомненный интерес представляют выводы И.А. Христофорова о направлениях дальнейших исследований аграрных реформ. Он отмечает, что «...макроподход оправдан и необходим, но должен опираться на солидную базу множества микроисследований, в противном случае он рискует вылиться в поток отвлечённых рассуждений» [Христофоров 2013, с. 41]. В нашей статье как раз и ставится задача показа восприятия потрясших страну событий на уровне некоторой части даже не губернского-провинциального, а уездного дворянства.

Свобода пуще неволи

Вслед за первым рескриптом, две недели спустя, 5 декабря 1857 г., Александром II подписан еще один такой же документ, но теперь на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора П.И. Игнатьева. В нем говорилось о желании петербургского дворянства «улучшить и упрочить быт своих крестьян точным определением их обязанностей и отношений к помещикам»². Тогда же был подготовлен циркуляр министра внутренних дел, в котором содержалось предложение губернаторам «бдительно следить за распространителями ложных известий, которые могут нарушить общественное спокойствие, и в нужных случаях принимать самые решительные меры для пресечения зла в начале»³.

Тексты рескрипта на имя Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора и министерского циркуляра были размножены и разосланы по России 8 декабря 1857 г. Сигнал от министерства был получен, и теперь от дворян остальных территорий, где существовала крепостная зависимость, ожидалось проявление инициативы для скорейшего продвижения по стране «рескриптной кампании». В каждой из таких губерний предполагалось создать комитет под председательством губернского предводителя дворянства для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян»⁴. Для их формирования необходимо было провести уездные и губернское собрания.

Дворянские собрания: proetcontra

«Положение о порядке Дворянских собраний, выборов и службы по оным», регламентировавшее порядок избрания должностных лиц, приведшее в соответствие с государственными должностя-

² С-Петербургскому военному генерал-губернатору // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 4.

³ 1857 года 8 декабря № 42. Начальникам губерний // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 137.

⁴ Виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (За 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). СПб., 1861. Т. 1. С. 2.

ми и наградами дворянскую службу, было принято еще в декабре 1831 г. Тогда же был определен круг вопросов, которые разрешалось затрагивать на собраниях. Впрочем, он не отличался от ранее разработанных регламентаций, установленных еще Жалованной грамотой дворянству 1785 г., сводясь к «выборам чиновников в разные должности»⁵. Во время так называемых «обыкновенных» собраний дворянам позволялось «делать совещания о своих нуждах и пользах и представлять об оных чрез губернского предводителя начальнику губернии, Министерству внутренних дел, а в случаях важных и приносить всеподданнейшие прошения Императорскому Величеству»⁶.

Подача прошений имела строгую процедуру. Их следовало приносить в конверте, адресованном «в собственные руки Императорского Величества», «...если же для объяснения жалобы признано будет нужным вызвать депутатов, то дворянство присылает их числе не более трех и сии депутаты имеют быть снабжены уполномочием, подписанным губернским и уездным предводителями, с подробным означением в оном всех предметов, ходатайству их порученных»⁷.

Такой довольно сложный порядок был создан, в том числе для того, чтобы оградить собрания от обсуждения главного вопроса – изменения существовавших в России учреждений, являвшихся основой государственной системы. Прерогатива их постепенного совершенствования принадлежала исключительно императору.

Обыкновенные губернские собрания дворянства проходили раз в три года, обычно в декабре или январе, когда завершены все сельскохозяйственные работы, и в условиях российского бездорожья и распутицы можно гарантированно добраться до губернского центра. Уездное дворянство оповещалось за четыре месяца до намеченной даты встречи в губернии и проводило свои собрания.

На основе специального разрешения начальника губернии, по ходатайству губернского предводителя, в экстренных случаях могли собираться чрезвычайные собрания, на которых строго допускалось обсуждение только тех вопросов, ради которых они были созваны⁸. Правда, допускалось также подавать просьбы и жалобы на основаниях, одинаковых с обыкновенными собраниями.

⁵ Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 6 (1831). Ч. 2. № 4989. С. 249.

⁶ Там же.

⁷ Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным. С. 249.

⁸ Там же. С. 250.

Именно такие чрезвычайные собрания должны были состояться в губерниях, чтобы вслед за дворянством Западных и Петербургской губерний инициировать проявление активности в сторону ходатайств помещиков о начале процедуры улучшения быта помещичьих крестьян. Для правительства было очень важным добиться, чтобы такой почин исходил из самих губерний, однако при этом существовала угроза возможного превращения собраний в дискуссионную трибуну, в попытки отстоять в них позиции дворянства.

На дворянских собраниях было запрещено обсуждение предстоящей реформы отмены крепостного права, такие права были предоставлены губернским комитетам, которые состояли из выбранных представителей с мест и назначенных правительством чиновников. Эпизод с Тверским губернским собранием, на котором, несмотря на запрет, такое обсуждение состоялось, явился имевшим административные последствия исключением.

Неопределенность предписаний и смутные слухи

В царских рескриптах, направленных в провинцию, еще не использовалось слово «освобождение», речь шла об «улучшении быта», но из сопроводительной бумаги министра внутренних дел следовало, что под этим сочетанием слов подразумевалась отмена личной зависимости крестьян. В присланных текстах постановка главного вопроса – земельного – отличалась неопределенностью и противоречивостью. Историк крестьянской реформы, Л.Г. Захарова, следующим образом оценила содержание этой неопределенности: «За помещиками сохранялась собственность на землю, крестьянам предоставлялось право выкупа только усадьбы и право пользования наделом. Но каковы условия этого пользования, как надолго сохраняется надел и, главное, какова конечная цель – “вечное” пользование аналогично инвентарям юго-западных губерний или обезземеливание по остзейскому типу – эти вопросы оставались открытыми» [Захарова 1989, с. 9]. Однако смысл послания был в другом, и он для большинства заинтересованных лиц лежал на поверхности: было очевидным, что распространение реформы на другие губернии становилось неизбежным.

Доходившие в провинцию из столицы слухи, которые чаще всего вызывали у поместного дворянства чувство тревоги и беспокойства, теперь обрели реальное очертания. В Отчете за 1858 г., представленном III Отделением Александру II, сказано следующее: «Первые Высочайшие рескрипты об изменении крестьянского быта произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали; но выраженное

официально оно озаботило даже тех, которые прежде одобряли означенную меру»⁹. Так, например, орловский, тульский, воронежский, тамбовский, калужский и курский губернские предводители даже решили конфиденциально согласовать друг с другом свои действия в отношении правительственных инициатив.

Во время состоявшейся между ними переписки орловский предводитель В.В. Апраксин отмечал отсутствие общего взгляда дворянства губернии по поводу грядущего освобождения. Однако при этом он опасался, что правительство может решить, что «мысль об изменении формы управления подчиненными крестьянами, с целью устройства и улучшения быта их, навела на нас панический страх, или, что еще хуже, не составляет для нас предмета живого интереса»¹⁰. В этом случае, по его мнению, «правительство поставлено будет в необходимости само заняться решением предложенного нам вопроса»¹¹.

В.В. Апраксин, следуя высказанным им соображениям, поспешил собрать 28 декабря 1857 г. в Орле уездных предводителей дворянства. На встрече был озвучен текст царских рескриптов и министерских предписаний, с которыми предводители в свою очередь должны были ознакомить дворянство в уездах. Датой для обсуждения полученных результатов назначено 1 февраля грядущего 1858 г.¹², но чиновники из Петербурга торопили с сообщениями о господствовавших в провинции настроениях, и уже 19 января 1858 г. в Министерство внутренних дел из Орла было доложено, что планируемое улучшение быта помещичьих крестьян встречено «...с покорностью и убеждением в необходимости введения рано или поздно этой меры повсеместно»¹³.

Однако в отчете также отмечено, что большая часть помещиков «выражает опасение за неприкосновенность прав на свою собственность, если останутся те основания, какие указаны...»¹⁴. Собственно, отчет из Орла подтверждал выводы, предоставленные царю III Отделением: «Большая часть помещиков смотрит на это дело, как на несправедливое, по их мнению, отнятие у них собственности и как на будущее их разорение»¹⁵, а также: «У многих таилась

⁹ Политическое обозрение за 1858 год: О крестьянском деле // Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006. С. 475.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Ед. хр. 6. Л. 4.

¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 1. 1857. Ед. хр. 6. Л. 4.

¹² Там же. Л. 1 об. – 2.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Политическое обозрение за 1858 год: О крестьянском деле // Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006. С. 475.

и доселе еще таится мысль, что само правительство, увидев разные неудобства объявленной меры, может быть, ее отменит»¹⁶.

Опасения были представлены в довольно общем виде и разобратся в их сути не представлялось бы возможным, если бы не письмо брянского дворянства в адрес уездного предводителя Владимира Ростиславича Демидова. Оно было получено 31 января 1858 г. за подписью 29 брянских дворян. Копия текста была предусмотрительно сохранена попечителем хлебных запасных магазинов в Брянском уезде, коллежским регистратором Дмитрием Ивановичем Козелкиным и передана издателю первой брянской газеты «Брянский вестник» (1894–1897 гг.), собирателю древностей Павлу Никитичу Тиханову, в личном фонде которого, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге, она находится¹⁷.

Письмо, несомненно, отражает общие настроения дворянства на раннем этапе подготовки отмены крепостного права, во всяком случае, центральных губерний России. К сожалению, это редкий случай, когда подобного рода документ полностью сохранился, поскольку губернаторы старались смягчать оценки настроений, проявлявшихся на подведомственной им территории, и не были заинтересованы в распространении критических оценок деятельности правительства.

Документ интересен также тем, что критические настроения и в дальнейшем характерны для представителей брянского уездного дворянства, а такие его деятели, как С.И. Мальцов и В.А. Краинский, были известны своими оппозиционными проектами, представленными в Орловский губернский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян. Если судить по стилю и риторике письма, можно предположить, что автором его был Василий Андреевич Краинский, сменивший в 1859 г. В.Р. Демидова на посту уездного предводителя дворянства, а в 1862 г. отстраненный по суду по формальному обвинению в недостаточном внимании к дворянской опеке уезда. В.А. Краинский являлся в дальнейшем идейным соратником и корреспондентом автора знаменитого обращения к царю в 1865 г. от имени московского дворянства, тайного советника, графа В.П. Орлова–Давыдова.

Приведем полный текст письма, поскольку его автор или авторы хотели выглядеть убедительными, надеясь, что могут повлиять на предпринимаемые правительственные меры и попытались выстроить целую систему доказательств своей правоты, подчинив поставленной цели логику изложения документа.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 777 (П.Н. Тиханов). Ед. хр. 326. Л. 12–17.

«Есть ли какая возможность привести в исполнение проект в Орловской губернии?»

Этот вопрос стал ключевым для брянских дворян, подписавших письмо, и весь текст, предваряющий ответ на него, они постарались сделать убедительным, не оставлявшим сомнений в правоте и аргументированности авторских выводов.

Милостивый государь, Владимир Ростиславич!¹⁸

Получено 31 января 1858 года

Вследствие почтительного приглашения Вашего Превосходительства нам сделанного изложить мнение наше по поводу установления в С-Петербургской губернии точных и правовых отношений между тамошними помещиками и их крестьянами – имеем честь отвечать, что мы наравне со всем дворянством Орловской губернии встретили с благоговейным сочувствием обнародованный по этому предмету Высочайший рескрипт, последовавший на имя г. санкт-петербургского военного генерал-губернатора. Хотя в деле такой государственной и общественной надобности желательно было бы иметь больше времени для обсуждения такого обширного предмета, но и в краткий, данный Вами срок нескольких дней – нельзя не остановиться на вопросах первой важности, а именно: 1 – о самом происхождении известного права в России, 2 – о мерах, принятых в упразднении его как в соседственных нам государствах Европы, так и в некоторых губерниях нашего собственного Отечества, и 3 – есть ли какая возможность привести в исполнение в Орловской губернии проект, начертанный для С-Петербургской?

По первому вопросу следует обратиться к нашей отечественной истории.

Народ русский в начале своего государственного существования окружен был племенами варварскими, которых должен был истреблять, чтобы не быть от них истребленным, но принятое в России христианство уже противное пролитию крови людей беззащитных, потому предки наши, не предавая более смерти своих военнопленных – делали их рабами или холопами, селили на своих землях и крестили, отчего произошло самое название крестьянина (здесь и далее подчеркнуто в тексте письма. – В. Б.).

¹⁸ Владимир Ростиславович Демидов – брянский предводитель дворянства, а документ находится у Дмитрия Ивановича Козелкина. (По официальным данным, в 1850–е в Орловской губернии жил (и служил попечителем хлебных запасных магазинов в Брянском уезде) коллежский регистратор Дмитрий Иванович Козелкин.)

Сверх того, у помещиков было много купленных иноземных рабов, которыми даровали соседственные народы: их также селили и крестили, были и свободные поселяне, поступившие по добровольному договору со всем потомством в крепостное состояние к помещикам. Затем остальная часть поселян в древней России, хотя сравнительно меньшая, зато более несчастная, состояла из вольных смердов, скитальцев от колыбели до могилы, переходивших от одного владельца к другому и гибнувших тысячами во время голода и других народных бедствий, когда все их покидали, а правительство не было в состоянии им помочь.

В правление, известное мудростью своих законодательных и административных мер, при царе Федоре Ивановиче, последовал государственный закон 1593 года, в котором укреплены за помещиками это бродячее население как для спасения их от конечного истребления, так и для доставления им равного благосостояния с помещичьими крестьянами. Если прибавить к тому, что большая часть нынешних государственных крестьян принадлежала также помещикам, от которых поступила во владение монастырей, а от последних отобрана в казну, дворянство русское может с благородною гордостью сказать, что оно вскормило, воспитало и сохранило народ русский.

Если настоящее время требует начать постепенное освобождение крестьян из крепостного состояния, то дворянству же принадлежит благородное право довершить свой великий отечественный подвиг создания государственного могущества России под благодетельным покровом Самодержавной власти. Но в этом переходном состоянии необходима самая мудрая осторожность, чуждая всякой поспешности опередить время, ибо ошибки, произведенные в этом случае с самыми великодушными побуждениями – не могут быть исправлены веками.

Переходя ко второму вопросу о бывших уже примерах упразднения крепостного состояния, мы видим, что в Пруссии крестьяне всегда имели собственные свои земли, принадлежавшие им в общинном владении, особо от помещичьих, но они обязаны были барщинными работами и податями в пользу помещиков. Все эти повинности и подати выкуплены были или уступкою помещику по оценке части крестьянских земель, или денежным вознаграждением. При недостатке же собственных средств – крестьяне уплачивали помещику весь капитал при пособии ссуды, произведенной от правительства. Вся эта честная, справедливая и безобидная для обеих сторон операция произведена в период времени от 1807 по 1640 год.

В Австрии, напротив, выкуп барщинных повинностей произведен поспешно наугад – что выйдет. Вся стоимость их разделена была на три части: одну треть отнесли на самих помещиков, взамен тех издержек, какие лежали на них по управлению своих имений; другую треть выдали им не государственными, не областными облигациями по номинальной цене, между тем как в обращении те не имели целой

третьей части своей ценности; наконец, остальную треть вознаграждения обязали выплатить самих крестьян, но как последние никогда не имели у себя никаких готовых капиталов, поэтому произвольная и поспешная мера австрийского правительства привела только к непрерывным продажам крестьянских и господских земель в Венгрии и Галиции, уравнивая таким образом все сословия в общем разорении.

В наших остзейских губерниях уничтожение крепостного состояния произведено с самой благоразумной постепенностью, без всякого нарушения права собственности помещиков на принадлежащую им землю. Здесь, как во всех просвещенных странах Европы, предоставлена личная свобода заключения взаимных условий между землевладельцем и рабочим классом народа. Нельзя не заметить, что в Эстляндии и особенно в Лифляндии крестьяне уже вольные захотели иметь все – и права свободного сословия, обязывающие их к свободному производительному труду, и все выгоды крепостного состояния, живущего с половинным трудом на счет владельца. По всей вероятности, время уравнило бы взаимные отношения обеих сторон на бесчисленные желания согласить два несочетаемых термина – свободы и выгод крепостного состояния – повели только к некоторой запутанности этого дела. Зато в Курляндии, где не было поднято этих вопросов, – все осталось в благоустроенном порядке, которому, впрочем, издавна благоприятствовала местность расселения крестьян малыми участками или фермами, которые помещики нашли выгодным отдавать крестьянам в оброчное состояние.

Все эти указания ведут к разрешению настоящего вопроса: возможно ли привести в исполнение по Орловской внутренней земледельческой губернии проект устройства крестьян по губернии Санкт-Петербургской – фабричной, заводской, торговой и приморской?

Про безвозвратную потерю половины дворянской собственности

Ответ на ключевой вопрос о возможности реализовать в Орловской губернии проект отмены крепостной зависимости, предложенный властью для столичной Санкт-Петербургской губернии, содержался в самой постановке проблемы авторами письма. Орловская губерния не являлась фабричной, не обладала такими же торговыми возможностями, и уж тем более не имела выхода к морю. Довершали аргументацию, а точнее – предваряли ее, авторские рассуждения об особенностях использования земель под огороды. За всем этим, однако, скрывалась главная проблема, обозначенная в дальнейшем тексте: будут ли крестьяне, обеспеченные землей, заинтересованы в работе на помещика? Сохранит ли поместное дворянство свои нынешние доходы?

«На первом плане представляется обязательная продажа крестьянам усадебных мест и строений, и сверх этого огородов, по мнению господина Министра внутренних дел. Но как последних в Орловской губернии в собственном смысле почти не существует, и крестьяне разводят нужные им овощи плодосменно на конопляном и зерновом поле, следственно вопрос этот упраздняется сам собою; при уступке же крестьянам усадебных мест в крепостную их собственность и всей состоящей в их пользовании земли в их же собственность фактическую – помещикам остается одно номинальное право без применения: по этому расчету с первого раза отделится безвозвратно половина дворянской собственности.

Крестьяне, навсегда обеспечившиеся и не связанные с помещиками никакими взаимными интересами перестанут отбывать урочные работы помещику, или станут работать так, чтобы господское земледелие было в убыток владельцу. После бесчисленных попыток и доказанной невозможности ежедневно судиться с крестьянами, правительство вынуждено будет, чтобы положить какой-нибудь конец беспорядкам – вызвать новый выкуп всей занимаемой крестьянами земли, который поведет в свою очередь к третьему выкупу – барщинской повинности, но с такими расщербками, что окончательной уплате никто из ныне живущих помещиков дожидаться не может, ни сам, ни его наследники.

Затем у помещиков останется только половина их поземельной собственности, которую они должны будут обрабатывать наймом, на что нужно употребить, считая основной и оборотный капитал на коммерческом расчете, по крайней мере, еще на половину состояния из половины сохранившейся у них собственности, так что у них останется только четвертая часть их состояния и на ней все долги частные, казенные и кредитным установлениям. Такое положение равняется совершенному уничтожению дворянства. И когда совершится бедствие, угрожающее этому сословию, тогда возникнет бедствие еще большее: ничтожный продукт обеспечения, оставленный частному и общественному кредиту, на одной частице дворянского достояния, вместо целого имущества, поведет ко всеобщей несостоятельности заимодавцев, кредитных установлений и самого государства, которое не может вынести несколько лет сряду разорения помещичьих хозяйств без потери до 60 миллионов рублей серебром, выручаемых заграничною хлебною торговлею, что в общем балансе с привозом составит до 120 миллионов ежегодной утраты, не говоря уже о той более страшной крайности, если при упадке земледелия, хотя временном, у нас не останется способов собственного продовольствия, обеспеченного, как и заграничная хлебная торговля, одними помещичьими хозяйствами. Человеку не дано изменить тех последствий, какие сами логически истекают из первоначальных причин: мудрость человеческая может только не создавать этих причин.

Но какую же пользу получают крестьяне от такого государственного, политического и общественного переворота? Нельзя сомневаться, что они будут разорены первые. По степени еще свойственного им невежества они всех скатившихся на них выкупов платить не смогут, но если бы даже захотели, то не могут, ибо потребных на то громадных капиталов само правительство не имеет: как же требовать от крестьян, чтобы они создали их из ничего? Поэтому крестьянские участки должны будут продаваться так точно, как помещичьи. Наконец, после всеобщего банкротства *несостоятельности* образуется в России, может быть лет через 60 – новое сословие землевладельцев, которых благосостояние основано будет на нищенстве дворянской и крестьянской, нельзя даже надеяться, что подобное всеобщее несчастье можно будет остановить мерою законодательною: всякое посягательство на право собственности, даже с благонамеренным побуждением – несравненно превосходит то зло, которое желают отвратить, оставляя за всеми недовольными право справедливой жалобы и тем, увеличивая сумму народных бедствий».

К проблеме первой революционной ситуации

Брянские дворяне, естественно, не могли подозревать, что позднее советские историки обозначат конец 1850-х гг. как «первую революционную ситуацию в России». Зато до них со всей очевидностью дошли нигде не публиковавшиеся, но передававшиеся из уст в уста слова, произнесенные Александром II перед московскими дворянами, и послужившие основой для советской исторической концепции: «...чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует. <...> Я думаю, что и вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»¹⁹. Брянские дворяне явно не разделяли опасений императора и надежд будущих историков на близость крестьянской революции.

«В настоящее время говорят, что нужно что-нибудь сделать, чтобы утешить народное волнение, но просвещенное правительство наше понимает, что никакая законодательная мера не может быть принята под влиянием народного своеволия, покамест оно продолжается. Сверх того, теперешнее волнение в народе не имеет ничего общего с благородною обязанностью дворянства упрочить благосостояние своих крестьян: это смущение произведено злонамеренными внушениями о безграничной свободе, сообразной с младенческими понятиями

¹⁹ Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

простого народа, а именно – ничего не делать, ничего не платить и никому не повиноваться.

Таких требований никакие пожертвования прав собственности удовлетворить не может, и потому если гг. предводителям дворянства угодно будет ходатайствовать о дозволении установить правильные взаимные отношения между нами и крестьянами нашими, то смеем уверить, что благородному ходатайству их по этому предмету мы вполне сочувствуем, как разумной потребности времени, которой со всею доброю волей удовлетворяем ныне сами и готовы определить ее в неизменных формах закона, с утверждения Правительства.

Но как для обсуждения предстоящего дела еще не было разрешено создание губернского собрания дворянства, коего постановления обязательны для всех дворян, поэтому нельзя не желать, чтобы испрошено было предварительное разрешение господина Министра Внутренних Дел – возможно ли будет благоговейно повергнуть Его Величеству всеподданнейший адрес наш об устройстве правильных отношений между нами и крестьянами нашими, с устранением вопроса об изменении поземельной помещичьей собственности, так точно как вопрос этот был изъят от всякого сумления в остзейских губерниях при освобождении тамошних крестьян из крепостного состояния. Имея такой достойный уважения пример, мы не можем решиться отыскивать неведомых ответов, когда имеем ближайшие к нам, оправданные временем и практическим применением их к делу.

Если Его Высокопревосходительство удостоит нас своим разрешением, тогда нужно дозволить нам достаточное число уездных дворянских совещаний для обсуждения всех местных потребностей без увлечения и поспешности, которые могут принести одни только ошибки: учреждение комитета без этих первоначальных данных – не ускорит, напротив, замедлит разрешение этого дела. По составлении проектов на уездных совещаниях и по обсуждении их со всеми местными сведениями, заимствованными от каждого помещика, уже возможно будет без всякой нескромности просить дозволения о созвании губернского собрания дворянства, которого ныне отдельно спрашиваемые личности, хотя бы обличенные общественным званием – не имеют никакого права заменить в деле, относящемся до дворянского сословия.

Губернское собрание дворянства, сосредоточив у себя подробные по губернии сведения, будет иметь уже всеми сознанную возможность благоговейно повергнуть Его Величеству всеподданнейшие предположения свои об упрочении благосостояния не одного, но обоих сословий, дворянского и крестьянского, без опасения за их общее разорение, без потрясения государственного и общественного кредита и тем исполнить благолюбивую волю Всемиловейшего Государя во всем ее обширном и благодетельном смысле.

С истинным почтением имеем честь быть Вам, милостивый Государь, покорнейшие слуги (по листам: к сему нашему общему дворянскому письму):

Поручик Иван Климов

подпоручик Николай Васильев

поручик Александр Безобразов

подпоручик Павел Гаврилов

по уполномочию полковницы Натальи Дмитриевой Преженцовой

поручик Иван Климов

по уполномочию коллежской секретарши Настасьи Григорьевой Гавриловой – подпоручик Павел Гаврилов

по уполномочию капитанши Александры Ивановой Золотницкой – капитан Петр Золотницкий

по уполномочию полковника Константина Петровича Пременцова – поручик Иван Климов

по уполномочию коллежской регистраторши Аграфены Васильевой Надеиной – капитан Петр Золотницкий

штабс–капитан Афанасий Бахтин

по уполномочию девицы Ольги Васильевой Безобразовой – капитан Петр Золотницкий

по уполномочию поручицы Александры Егоровны – муж ее поручик Василий Краинский

титулярный советник Николай Роговцов

по личному прошению муж капитан Афанасий Бахтин

флота лейтенант Федор Потресов

штабс–ротмистр Франц Исаевич

Николай Савицкий согласен, если все одобрят

штабс–капитан Бахтин

майор Яков Гудима

коллежский секретарь Алексей Зиновьев

Капитан Вуйхман (?) (знак вопроса в копии письма. – В.Б.)

поручик Алексей Савицкий (?) (знак вопроса в копии письма. – В.Б.)»

Смиренномудрие

Рассуждения дворян о государственной политике, намеки на дискуссию с самим императором заметно напугали предводителя брянских дворян В.Р. Демидова: «Свидетельствую, что я предъявлял это письмо многим помещикам Брянского уезда, как только имел случай; но по 5 число февраля сего 1858 г. никто более не подписался. Предводитель дворянства Демидов, и как брянский помещик не изъявляю на изложенные мнения согласия, потому что они могут быть стеснительны для общего положения. Владимир

Демидов». Помимо сделанного сообщения в Орел, предводитель уездного дворянства изменил текст последней страницы письма, на которой содержались конкретные предложения брянских дворян. Теперь речь шла только о продлении сроков оповещения уездного дворянства о предстоящем губернском собрании, намеченном на 20 мая.

«К сему подшита в копии другая редакция заключения письма.

Из всех вышеприведенных обстоятельств и соображений Ваше Превосходительство легко может убедиться как многообразно и многосложно предложенное нам дело, и что само Правительство может справедливо осудить нас в поспешном разрешении такого предмета, который требует продолжительного и спокойного обсуждения, а потому смеем уверить Ваше Превосходительство, что вполне сочувствуя благим видам правительства относительно устройства быта помещичьих крестьян, как разумной потребности времени, мы вместе с тем находим справедливым в тесном смысле закона и права, чтобы все дворяне уезда участвовали в этом деле, между тем как в настоящий краткий срок не могли быть оповещены не только отсутствующие в других губерниях, но и проживающие в самом уезде и за которых никто не имеет права изъять своего согласия.

Для точного исполнения видов правительства, мы считаем необходимым и справедливым иметь честь просить Ваше Превосходительство ходатайствовать чрез высшее начальство о дозволении нам немедленного вызова всех дворян уезда на 20 число мая месяца сего года и достаточного числа дворянских уездных совещаний для обсуждения всех местных потребностей и способов прочного устройства предложенного нам дела, по крайней мере в продолжение некоторого времени по составлении проектов на уездных совещаниях и по обсуждении их со всеми местными сведениями, заимствованными от каждого помещика уже возможно будет без всякой нескромности просить дозволения о созвании губернского собрания дворянства, которого ныне отдельно спрашиваемые личности, хотя бы обличенные общественным званием, не имеют никакого права заменить в деле, относящемся до каждого члена дворянского сословия.

Губернское собрание дворянства, сосредоточив у себя подробные по губернии сведения, будет иметь уже всеми сознannую возможность благоговейно повергнуть всеподданнейшие предположения свои об упрочении взаимного благосостояния обоих сословий, дворянского и крестьянского, без опасения за их общее разорение, без потрясения государственного и общественного кредита и тем исполнить благолюбивую волю Всемилостивейшего Государя во все ее обширном и благодетельном смысле.

С глубочайшим уважением имеем честь быть Вашего превосходительства покорнейшие слуги (подписали):

Поручик Иван Климов

капитан и кавалер Дмитрий Кузьмин

коллежский секретарь Алексей Федоров Зиновьев

майор Александр Правиков

по доверенности коллежской регистраторши Аграфены Васильевой

Надеиной – капитан Петр Иванов Золотницкий

капитан Аркадий Правиков

коллежский секретарь Николай Васильев Пантин

подпоручик Павел Михайлов Гаврилов

поручик Алексей Савин

поручик Александр Николаев Безобразов

флота лейтенант Федор Васильев Пётрсов

по доверенности жены моей Александры Яковлевой Ганич – капитан

Федор Крестьянович (sic) Ганич

коллежский регистратор Сергей Алексеев Латушкин

коллежский регистратор Гаврилов

штабс-капитан Афанасий Бахтин

коллежский секретарь Николай Лукашов

по доверенности штабс-капитанши Авдотьи Судейкиной – капитан

Федор Крестьянович Ганич

по доверенности жены моей Александры Алексеевой – штабс-капитан

Афанасий Бахтин

по доверенности полковницы Натальи Дмитриевой Пременцовой –

поручик Иван Климов

по доверенности ротмистра Николая Иванова Бахтина – коллежский

секретарь Алексей Зиновьев

по доверенности майорши Федосьи Ильиной Гудимы – поручик Алек-

сандр Николаев Безобразов

по доверенности капитанши Александры Ивановой дочери Золотниц-

кой – капитан Дмитрий Кузьмин

по доверенности коллежской секретарши Настасьи Григорьевой Гав-

риловой – подпоручик Павел Гаврилов

по доверенности подпоручицы Ольги Петровой Орденовой – коллеж-

ский секретарь Алексей Федоров Зиновьев

по доверенности матери моей коллежской ассессорши Латушкиной –

сын ее коллежский регистратор Сергей Алексеев Латушкин

по доверенности матери моей поручицы Варвары Савицкой – сын ее

дворянин Николай Савицкий

по доверенности жены моей поручицы Александры Егоровой – муж ее

поручик Василий Краинский

коллежский регистратор Николай Талыгин

губернский секретарь Василий Надеин

1858 года февраля 22 дня удостоверяю действительность подписей рук.
Брянский уездный предводитель дворянства Владимир Демидов».

Под письмом в новой редакции также было собрано 29 подписей, но при общем совпадении фамилий его пописавших дворян, всё же было 9 расхождений. Подверженный правке документ был помечен новой датой – 22 февраля 1858 г., т. е. прошел почти месяц со времени составления первого письма.

Заключение

Одной из важных составляющих крестьянской реформы 1861 г. явилась проблема различного понимания грядущих перемен и их последствий. Практика секретных комитетов, при помощи которых во времена Николая I и в начале царствования Александра II власть готовила преобразования в аграрных отношениях, неминуемо порождала огромное число слухов и предположений и в среде крестьянства, и среди помещного дворянства. Собственно секретность проводимых обсуждений и выносимых в их ходе решений должна была обеспечить предотвращение тревожных настроений, но эффект получался совершенно противоположный.

Большое количество дворянских проектов и пожеланий, созданных в процессе подготовки реформы, свидетельствует о том, что главные проблемы готовившихся преобразований находились не в плоскости борьбы реформаторов и крепостников, а в противоречиях, вытекавших из практики функционирования помещичьих хозяйств, личного опыта помещиков и компетенции реформаторских предположений.

Это не означает, что в среде помещного дворянства не было значительного числа тех, кто вообще отрицал необходимость отмены крепостного права, ведь реформа практически при любых обстоятельствах должна была сказаться на благополучии многих представителей высшего российского сословия. Однако поскольку с самого начала работа над будущей реформой проходила при непосредственном участии царя и членов его семьи, решиться на открытое противостояние сторонники сохранения прежних отношений в деревне не посмели.

Позднее, с созданием губернских дворянских комитетов, центр реформаторских коллизий переместился туда, но и в этой ситуации речь скорее шла о более и менее радикальных преобразованиях, а не отказе от них вообще. Поэтому фиксирование каждого из проявлений отдельных фактов «прорыва наружу» оппозиционности на ранних стадиях подготовки реформы имеет особое значение для

объективной оценки ситуации, в которой происходила разработка предстоящих преобразований.

Письмо брянских дворян, адресованное своему предводителю, а на самом деле преследовавшее цель явиться своеобразным сигналом из провинции для верховной власти, в итоге не достигло ожидаемого его авторами результата. Однако оно помогает нам на микроуровне выявить реальное взаимодействие правительственных структур и поместного дворянства.

Литература

- Долбилов 2000 – Долбилов М.Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 32–50.
- Захарова 1989 – Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3–24.
- Христофоров 2002 – Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам: конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. 441 с.
- Христофоров 2013 – Христофоров И.А. Российская деревня и аграрные реформы в зеркале микро- и макроистории // Российская история. 2013. № 1. С. 33–47.

References

- Dolbilov, M.D. (2000), “Class program of the noble ‘oligarchs’ in the 1850–1860s”, *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 32–50.
- Zakharova, L.G. (1989), “Autocracy, bureaucracy and reforms of the 60s of the 19th century in Russia”, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 3–24.
- Khristoforov, I.A. (2002), “*Aristokraticeskaya*” *oppozitsiya velikim reformam. Konecz 1850 – seredina 1870-x gg.* [The “aristocratic” opposition to the great reforms. Late 1850 – mid 1870s]. Moscow, Russia.
- Khristoforov, I.A. (2013), “Russian village and agrarian reforms in the mirror of micro and macro history”, *Rossijskaya istoriya*, no. 1, pp. 33–47.

Информация об авторе

Валерий Ф. Блохин, доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет, Брянск, Россия; 241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; blohin.val@yandex.ru

Information about the author

Valeriy F. Blokhin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Bryansk State University, Bryansk, Russia; bld. 14, Bezhitskaya Str., Bryansk, Russia; blohin.val@yandex.ru

Правовой спор в Верховном суде США
за право владения Свято-Николаевским
кафедральным собором в Нью-Йорке
в отражении документов ГА РФ
(1950–1960-е гг.)

Евгений В. Доля

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть одну из страниц истории Русской православной церкви на территории Соединенных Штатов Америки, а именно судебное противостояние между Американским экзархатом Русской православной церкви и автономной Американской митрополией за право владения Никольским кафедральным собором в г. Нью-Йорк, которое продолжалось более 10 лет (конец 1940 – начало 1960-х гг.). Автор попытался рассмотреть и проанализировать в этом процессе позицию религиозных деятелей, советских властей и официальных властей США и гражданского общества, судей различных инстанций и адвокатов, советских, американских и мировых средств массовой информации, представляющих в суде стороны. Автор попытался понять, почему Нью-Йоркский кафедральный собор и судебный процесс долгие годы оставались в центре внимания мировой общественности. Акцентируется особое внимание на материалах процесса ранее неопубликованных, прежде всего из Фонда Р-6991 (Фонд Совета по делам религий) Государственного архива Российской Федерации, а также Фонда 129 (Фонд Реферантуры по США) Архива внешней политики Российской Федерации, а также на толковании американским правосудием тех или иных законов, определяющих взаимоотношения религиозных организаций и гражданских властей США.

Ключевые слова: Экзархат Русской православной церкви в США, Никольский кафедральный собор в Нью-Йорке, судебный процесс за право владения Никольским собором

Для цитирования: Доля Е.В. Правовой спор в Верховном суде США за право владения Свято-Николаевским кафедральным собором в Нью-Йорке в отражении документов ГА РФ (1950–1960-е гг.) // История и архивы. 2020. № 1. С. 31–50. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-31-50

Legal dispute in New York State Courts for ownership of St. Nicholas Cathedral as stated in the GA RF documents (1950–1960)

Evgeniy V. Dolya

*Russian state University for the Humanities,
Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

Abstract. The article presents some interesting facts about the history of the Exarchate of the Moscow Patriarchate in the United States of America. Much attention is given to the trial connected with the possession and use of St Nicholas Cathedral, which lasted for more than 10 years. The author discusses the positions taken in this law suit by the Russian Orthodox Church and the religious figures, the Soviet authorities and the Russian emigration, the American officials and the civil society, the judges and lawyers, etc. It is noted that the trial has remained the focus of world public and media for many years. The author pays special attention to the materials of the legal dispute not previously published and, first of all, to the materials from the Fund of the Council for Religious Affairs (F – P6991) of the State Archives of the Russian Federation, as well as to the materials from the US Reference Fund (F – 129) of the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. The paper also presents a detailed analysis of the American interpretation of the laws defining the relations between the religious organizations and the civil authorities of the United States of America.

Keywords: the Exarchate of the Russian Orthodox Church in the USA, St Nicholas Cathedral in New York, the trial of the possession and use of the Cathedral

For citation: Dolya, E.V. (2020), “Legal dispute in New York State Courts for ownership of St. Nicholas Cathedral in New York as stated in the GA RF documents (1950–1960)”, *History and Archives*, no. 1, pp. 31–50. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-31-50

Дискуссии по вопросу в Верховном суде США

27 декабря 1950 г. помощник заведующего отделом США МИД СССР Л. Карцев сообщал Г.Г. Карпову: «Апелляционный суд штата Нью-Йорк, рассмотрев дело, принял решение передать Свято-Николаевский собор во владение феофиловской церкви. В ответ на это решение, экзархат Московской Патриархии намеревается передать дело на рассмотрение апелляционного Верховного суда США¹.

¹ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 720. Л. 245.

2 февраля 1951 г. Г.Г. Карпов сообщал первому замминистра иностранных дел СССР А.А. Громыко, что «архиепископ Макарий обратился к патриарху Алексию с просьбой срочно перевести 15 000 американских долларов для оплаты адвокатов, приглашенных в связи с пересмотром в Верховном суде США дела о Нью-Йоркском соборе. В связи с этим Совет просит сообщить Ваше мнение о целесообразности выплаты этой суммы. Кроме того, Совет просит запросить телеграфом мнение посла СССР в США тов. Панюшкина по поводу процесса и выяснить, что может Советское Посольство предпринять для возвращения собора экзархату»². Видимо, серьезно рассматривались возможности повлиять на затянувшийся процесс через дипломатические каналы. Но в этом случае политическая составляющая могла стать определяющим моментом.

12 февраля 1951 г. заместитель заведующего Советом по делам РПЦ В.С. Карпович указывал: «Дело о Свято-Николаевском соборе экзархат московской патриархии передал на вторичное рассмотрение... суда штата Нью-Йорк. В случае отказа в иске дело будет передано в Верховный суд США. Для немедленной выплаты гонорара адвокатам для ведения дела в апелляционном и Верховном суде потребуется 15000 долларов и эта сумма необходима сейчас»³. 4 марта 1951 г. арх. Адам (Филипповский) писал Патриарху Алексию (Симанскому), что апелляционный суд штата Нью-Йорка поддержал противников Московской патриархии⁴. 6 июня 1951 г. арх. Макарий (Ильинский) телеграфировал Патриарху, что Верховный суд принял апелляцию⁵. Слушание дела о Свято-Николаевском кафедральном соборе Верховным судом началось лишь 1 февраля 1952 г. Однако члены суда пожелали основательно изучить вопрос, и дальнейшее обсуждение было вновь отложено.

27 июня 1952 г. зампреда Совета по делам РПЦ С.К. Бельшев писал министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому о прибывшем в Москву архиепископе Адаме, который сообщил: «в связи с рассмотрением в Верховном суде США дела о Нью-Йоркском соборе экзархат должен до 1 июля с. г. по требованию противной стороны внести «бонд» (залог) в сумме 5000 американских долларов. Совет... просит... выяснить... действительную необходимость взноса такой суммы...»⁶. Архиепископ Адам пояснил, что

² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 845. Л. 14.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 886. Л. 4.

⁵ Там же. Д. 980. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 32.

зalog возвратят после окончательного вынесения решения Верховного суда, и адвокат Адлер постарается договориться об уменьшении суммы⁷.

В справке Совета по делам церкви при СМ СССР указывалось, что в связи с отсутствием до сих пор решения верховного суда, «леонтиевцы» требуют выполнить решения суда и передать им собор незамедлительно. Адвокат Адлер пытается убедить их оставить собор, по крайней мере, во временном владении экзархата, предлагая залог в 5000 долларов на судебные издержки, в том случае, если решение верховного суда будет принято в пользу «леонтиевцев». Суд, в свою очередь, требует от противной стороны внесения аналогичного (по сумме) залога. Таким образом, стороны искали точки соприкосновения и вне стен суда, даже идя на дополнительные финансовые расходы. По просьбе арх. Адама (Филипповского) Патриархом на имя арх. Макария (Ильинского) была составлена доверенность⁸ о представлении Патриархии в «судебных и иных учреждениях». В связи с этим Г.Г. Карпов 9 августа 1952 г. обратился с запросом в посольство СССР в США, считает ли оно необходимым выдачу подобного рода доверенности, так как до этого экзарх доверенностью не обладал и не вызовет ли выдача ее каких-либо новых затруднений в деятельности Экзархата в США. Особенно волновал Г.Г. Карпова вопрос, нет ли каких-либо замечаний со стороны договорно-правового управления МИД по содержанию доверенности?⁹ Таким образом, вновь встал вопрос о привлечении к суду дипломатических кругов. Кроме того, сам факт выдачи доверенности свидетельствовал об эволюции взглядов Патриарха Алексия на судебный процесс и судьбу собора: в начале судебных разбирательств Патриарх скептически относился и к собору, и к исходу процесса. Но за прошедшие годы дело, рассматриваемое в нескольких судах, обсуждаемое на страницах мировой печати, воспринималось уже как «знаковое» не только для авторитета РПЦ, но и для престижа СССР. И МИД СССР настаивало на продолжении процесса, характеризуя Николаевский кафедральный собор как настоящий духовный центр Американского экзархата Московского Патриархата. 27 августа 1952 г. С.К. Бельшев сообщал министру иностранных дел А.Я. Вышинскому, что архиепископ Адам поставил вопрос перед патриархом «об отпуске дополнительно к 5000 долларов, внесенным в качестве залога, еще 10000 долларов на оплату услуг адвоката Адлера. Патриарх обусловил согласие на выплату

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ Там же. Л. 58–59.

⁹ Там же. Л. 57.

10 000 долларов адвокату Адлеру выигрышем им процесса. В случае проигрыша процесса Патриарх согласен выплатить только 5000 долларов»¹⁰.

Средства, затрачиваемые на судебный процесс, росли, неопределенность заставляла откладывать ремонт собора. Но вместо этого на первый план все настойчивее выдвигались политические аспекты. Так, в Совете по делам РПЦ при СМ СССР Г.Т. Уткиным 10 сентября 1952 г. была подготовлена справка, согласно которой «в выдаче экзарху митрополиту Макарию¹¹ доверенности на право владения имуществом нет необходимости. В настоящее время рассмотрение в верховном суде США дела о нью-йоркском соборе *принимает политический характер*. “Леонтиевцы” пытаются обосновать свои претензии утверждениями, что деятельность патриарха контролируется советским правительством. В связи с этим Адам просит патриарха прислать ему подборку копий документов, подтверждающих свободу действий Московской патриархии в ведении религиозных дел, а также право патриарха руководить русской православной церковью в качестве законного канонического первоиерарха. В числе этих документов могут быть копии законодательных актов об отделении церкви от государства, положения о патриархии и экзархатах, материалы об избрании патриарха... Адам просит передать патриарху его просьбу перевести экзархату в ближайшее время 3000 долларов для оплаты услуг адвоката Адлера»¹² (курсив наш. – Е. Д.).

В другой справке на основании сообщения «т. Зарубина [сотрудник МИД СССР. – Е. Д.] от 25.IX–1952 г.» Г.Т. Уткин писал, что из-за перебоев в выплате гонораров адвокат Адлер отказывается участвовать в процессе, который должен возобновиться «на будущей неделе». Адам просит срочно ответить, когда будут переведены деньги, т. к. в противном случае, дело можно и проиграть. Далее Г.Т. Уткин сообщал, что «26 сентября дана телеграмма Адаму о переводе денег. 27 сентября переведено 5000 долларов для Адлера»¹³. Об этом же переводе Г.Г. Карпов 27 сентября уведомил зам. министра иностранных дел Г.М. Пушкина¹⁴, поскольку МИД СССР внимательно отслеживал развитие ситуации, фиксируя каждое изменение, каждый новый факт¹⁵. Таким образом, переплетались

¹⁰ Там же. Л. 67.

¹¹ Архиепископ Макарий (Ильинский) в сан митрополита был возведен 31 июля 1952 г.

¹² ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 980. Л. 81.

¹³ Там же. Л. 83.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 980. Л. 84.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 42. П. 309. Д. 21. Л. 20–22, 33.

вопросы финансовый и политический, чего в самом начале процесса старались избежать обе стороны. И в первую очередь Московская патриархия, мало знающая о реалиях судебной практики в США. 2 октября 1952 г. В.С. Карпович писал зам. заведующего Отделом Американских стран МИД СССР В.И. Базыкину о направленных Московской патриархией на имя митрополита Макария документах «в связи с предстоящим в октябре с. г. рассмотрением в Верховном суде США дела о Свято-Николаевском соборе в г. Нью-Йорке»:

1. Речь председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров Советского Союза Г.Г. Карпова на Поместном Соборе 1945 г.

2. Положение об управлении Русской Православной Церкви. Москва, 1945 г.

3. G. Spasov. Freedom of Religion in the U.S.S.R. London, 1951.

4. Изменение Устава Архиепископии Русской Православной Церкви в Бельгии от 5.XI.1947 г.¹⁶, т. е. были запрошены и отправлены документы и дополнительная литература, которые бы свидетельствовали – РПЦ независима от власти. Устав Архиепископии РПЦ в Бельгии был отправлен, скорее всего, как образец взаимоотношений Матери–Церкви и митрополии (европейской), а также как образец деятельности последней.

7 октября 1952 г. состоялась встреча сотрудника Посольства СССР в США Н. Савченко с архиепископом Адамом. Последний сообщил, что 13 октября Верховный суд США начинает рассматривать дело о Свято–Николаевском соборе *«Решение... будет окончательным и апелляции не подлежит»*. По мнению адвоката Адлера, ...а также, по мнению самого Адама, все юридические и моральные права на стороне Экзархи... Адлер... согласился на сумму гонорара в размере 7,5 тысяч долларов вне зависимости от решения суда»¹⁷ (курсив наш. – Е. Д.) Несмотря на убеждение арх. Адама, что «все юридические и моральные права на стороне Экзархии», иной исход дела тоже брался в расчет. Именно поэтому рассматривались варианты и на случай неблагоприятного результата. В докладной записке С.К. Бельшева В.М. Молотову, М.А. Суслову, В.Г. Григорьяну от 27 августа 1952 г. говорилось, что «положение с собором тяжелое, так как ряд лет собор не ремонтировался и на восстановление его потребуется 30 тысяч долларов». («Приход сумм поступивших в Экзархат от Патриархии в 1952 г.» указывает сумму «адвокату Ф. Адлеру» в размере 32 тыс. 700 долларов, выплаченных постепенно в течение 1952 г.¹⁸). *«Покупка нового храма, в случае неблагоприят-*

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 980. Л. 86–87.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 1. Д. 980. Л. 120.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 123. Л. 27.

ятного для Московской патриархии решения Верховного суда США, обойдется в 30–50 тысяч долларов»¹⁹ (курсив наш. – Е. Д.).

В очередной раз, уже во время слушаний Верховным судом, в октябре 1952 г., судя по вопросам, задававшимся адвокатам Адлеру и Аркушу, стало понятным, что суд скептически относится к «Статье 5-С», считая ее противоречащей американской конституции. Судья Рид огласил причину судебного процесса: вопрос о праве владения и использования церкви в Нью-Йорке. Определение права на владение собором зависит, по убеждению Рида, от того, кто в действительности является главой американских церквей, и какие требования выдвигались для объединения Американской митрополии с матерью–церковью²⁰. Для объединения требовалось срочно созвать «Всеамериканский Собор»; выразить желание епархии объединиться с «Матерью Церковью», отказавшись от политического противостояния с Советским Союзом, а также избирать митрополита с одобрения Московского Патриарха. Избранному митрополиту патриархом могла быть предоставлена «расширенная власть»²¹. Американские общины на Кливлендском Соборе 1946 г. отказались выполнять эти распоряжения, постановив: несмотря на то, что «настоящим прекращается» признание административной власти Синода Русской Православной Церкви за рубежом, однако братские и духовные отношения и связи со всеми Русскими Православными Церквями за рубежом остаются²².

Но вопрос о собственности оставался открытым, в первую очередь – о владении Свято-Николаевским собором, который считался кафедральным. Судья Рид считал, что «Статья 5-С» дает право на передачу всех церквей во владение Русской Церкви в Америке, потому что эта церковь будет «наиболее последовательна в своих действиях»²³.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 873. Л. 133.

²⁰ Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al., (defendants). Decision. N.Y.: Pandick Press. Ink., 1953. P. 120.

²¹ Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al., (defendants). Decision. N.Y.: Pandick Press. Ink., 1953. P. 129.

²² Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al., (defendants). Decision. N.Y.: Pandick Press. Ink., 1953. P. 130.

²³ Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al., (defendants). Decision. N.Y.: Pandick Press. Ink., 1953. P. 134.

Не понятно, на основании чего был сделан подобный вывод, хотя Рид и пытался обосновать свое умозаключение: В США всем предоставлено право свободного выбора вероисповедания и отправления религиозных культов, а также свободного выбора быть сторонником любых религиозных принципов и вероучений, если они не нарушают законы страны и не ущемляют прав граждан. Закон обеспечивает право на образование религиозных (добровольных) объединений, а также для распространения религиозных доктрин, создание структур, служащих для решения спорных вопросов веры внутри того или иного объединения. Все, кто сплотился по своей воле в таком объединении, обязаны подчиняться высшей церковной власти, поскольку непосредственно связаны с ней²⁴. Не установлено, мог ли м. Вениамин быть и почитаться, как архиепископ. Не установлено, имел ли он право занимать собор. Было лишь установлено, что данный клирик не имеет права владеть собором, т. к. по законам Нью-Йорка, он принадлежит другим. Нью-Йорк не запретил церковь, находящуюся под советским контролем, ее управление или распространять свое учение повсюду, кроме этого кусочка собственности, по закону принадлежащему корпорации собора, – это позиция судьи Рида.

На наш взгляд, здесь настоящая эклектика законов, споров о месте и роли религии и Церкви в США, американских традиций, особенностей политического момента и пр. Причем юридические нормативы явно не превалируют. Но еще более эклектичными оказались последующие рассуждения судьи, а результаты процесса поражали противоречивостью (относительно хода последнего).

Решение суда было принято 23 ноября 1952 г., восемью головами против одного (судьи Рида). Восемь членов Верховного суда признали «Статью 5-С» противоречащей американской Конституции и отменили приговор Высшего апелляционного суда штата Нью-Йорк. Решение Верховного суда США по вопросу о применении «Статьи 5-С» к судьбе Свято-Николаевского кафедрального собора РПЦ имело значение, которое считалось историческим для религиозных общин всех вероисповеданий не только в штате Нью-Йорк, но и по всей стране [Казем-Бек 1957, с. 61]. Признав «Статью 5-С» противоречащей американской конституции, обеспечивающей религиозную свободу, Верховный суд США в Вашингтоне не подтвердил разделение церкви и государства.

3 февраля 1953 г. митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) писал митрополиту Макарию (Ильинскому), что

²⁴ Supreme Court, New York County. Saint Nicholas Cathedral of the Russian Orthodox Church in North America, (plaintiff), vs. John Kedroff, et al. (defendants). Decision. N.Y.: Pandick Press. Ink., 1953. P. 139.

на последнем заседании Священного Синода заслушано сообщение о скором окончании многолетнего судебного процесса по защите имущественных прав РПЦ на Свято-Николаевский Собор. Было принято решение о выражении благодарности от имени Священного Синода Русской православной церкви, адвокату Филиппу Адлеру, а также отмечено: «Верим, что Господь благословит успехом и соответствующие дальнейшие судебные мероприятия Экзархата по окончательному закреплению бесспорных юридических прав Русской Православной Церкви в Америке»²⁵. В письме настоятелю Свято-Николаевского Собора прот. Иосифу Дзвончику, митрополит Николай в тот же день сообщал о скором переводе пожертвованных «Святейшего Правительствующего Синода и русского верующего народа» на ремонт Свято-Николаевского Собора²⁶.

Однако обратиться к вопросам материально-техническим (связанным с ремонтом Свято-Николаевского собора) летом 1953 г. не удалось. 16 июля 1953 г. арх. Адам писал м. Николаю, что суд принял решение о возобновлении процесса по вопросу принадлежности собора. Подробности обещал сообщить 20 июля после приезда адвоката Адлера²⁷. В меморандуме адвоката Адлера, поданном м. Макарию, разъяснялось, что основным вопросом на новом разбирательстве будет статус Патриаршества – «подлинный» ли это церковный орган, или – «агентура» советской власти²⁸, т. е. уже открыто рассматривался политический аспект, от оценки которого зависело и решение вопроса о принадлежности собственности.

20 июля Адлер отправил м. Николаю более подробное письмо о постановлении апелляционного суда в Албани [Олбани] – столице штата Нью-Йорк. Решение Верховного суда явилось не в пользу Московской патриархии и «казалось, что это будет уже финал судебных тяжб». Но в постановлении Верховного суда была включена «своего рода оговорка, чисто легальной процедуры». Верховный суд решил признать «неконституционность» поправок... проведенных тайно против нас в 1945 и 1948 гг. Таким образом, мы выиграли дело (частично). Но вместе с тем этот апелляционный суд в Албани должен был решить еще чисто формальный, “домашний” вопрос», а именно, как высшая судебная инстанция штата Нью-Йорк разрешит дело собственности? Придерживаясь основного принципа «невмешательства к суверенной власти Штата, Верховный суд в Вашингтоне предписал рассмотреть все дело (в особенности по отношению к материальной стороне имущественных

²⁵ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 123. Л. 51.

²⁶ Там же. Л. 59–60.

²⁷ Там же. Л. 173.

²⁸ Там же. Л. 193.

прав) суду в Албани, как верховному суду Штата. В США действует “закон писанный” и “коммон лав” (т. е. неписанный), который использует в подобных случаях применяемую судебную практику. По “писаному” закону выиграли мы. Сейчас же штатный апелляционный суд предписал новое разбирательство, т. е. слушание дела изнова по линии процедуры “неписанного” закона... Таким образом, суд начнется опять с первой инстанции...”²⁹.

Встретившись с Адлером в 20-х числах июля 1953 г., арх. Адам сообщил м. Макарию, что разбирательство состоится не ранее конца января 1954 г.: столько времени нужно судьям, чтобы подготовиться к новому процессу. А потому, «...необходимо нам запастись массой документов». Адвокат Адлер также настаивал на том, что считает важным выступление на суде такого авторитетного знатока, как митрополит Григорий, выступавший на первых заседаниях процесса³⁰.

Через несколько дней Адлер подготовил «Меморандум по делу о Свято-Николаевском соборе», где, наряду с уже имеющимся объяснением архиепископа Адама, говорилось: «Разбиравшие дело судьи, основываясь на базисе коммон лов (суда по прецедентам практики судебной), имели право воспользоваться “дискрецией” (благоразумием) и решить устранение с Собора архиепископа, назначенного Патриархом, и восстановить архиепископа местного, выбранного митрополичьим округом, на том основании, что Патриархия не имеет “свободы” и не является “подлинной” религиозной властью... И раз низшие суды не применили эту теорию, и, напротив, выдали решение в пользу Вениамина, то Апелляционный суд решил отменить это постановление (суда) и назначил новое разбирательство с тем, чтобы разбирающие дело суды могли использовать свою дискрецию (благоразумие) по указанным выше соображениям... Разбор дела может других три года взять времени, проходя и новое разбирательство, – и апелляцию в апелляционный отдел (апелляционное отделение в Нью-Йорке), – затем апелляцию в апелляционный суд и по разрешению сей инстанции – апелляцию в Верховный суд Соед. Штатов»³¹.

Текст меморандума предупреждал представителей Американского экзархата РПЦ, что судебный процесс не закончен, и ставку необходимо сделать не только на терпение, но и на грамотных свидетелей, на документальные материалы. Адлер еще раз повторил свою просьбу о привлечении знающего эксперта, такого, как митрополит Григорий, который в состоянии дать показания по

²⁹ Там же. Л. 174–176.

³⁰ Там же. Л. 181.

³¹ Там же. Л. 191–193.

вопросам о: «1) истории патриаршества, в особенности с 1917 г. по нынешний день, 2) об организации и деяниях Собора 1945 г. и указал бы на правильность избрания Патриарха... 3) протоколы-записи о конференции с 1948 г. с указанием в нем участия других православных церквей, 4) соотношения церкви и правительства в Советском Союзе и Положение о патриаршестве, как «свободной» религиозной институции, – 5) Статус – Положение об официальном журнале Патриархии и его содержание, 6) данные о постройке Св.-Николаевского собора... 7) управление американской Архидиоцезией... 8) организация Карловацкого Синода, и все распоряжения и указы Патриархии по отношению к нему, 9) указ, датированный ноябрем месяцем 1920 г., – обстоятельства, из-за которых он был провозглашен, – цель и территория, на которую он выпускался»³².

Встает вопрос: почему ранее не были затребованы данные документы, и свидетели, разбирающиеся в тонкостях истории взаимоотношений РПЦ и государства? Неужели рассчитывали, что противоположная сторона не подаст апелляцию?

18 августа Адлер направил на имя митрополита Макария и архиепископа Адама дополнение к своему меморандуму, в котором обратился к особенной процедуре «мандабус», на основании которого апелляционный суд имеет право приказать низшему суду решать спорное дело в точном согласии с директивами, данным Высшим Судом, или же отменить всецело нарушение низшей инстанцией решения апелляционного суда. «Эта форма процедуры (“мандабус”) применяться должна только в тех случаях, в которых прибегают к помощи Высшего суда неуважения кассации постановления, выданного низшим судом и выданного в совершенном противоречии с децизией Высшего суда. В нашем случае мое мнение таково, что постановление, как его продиктовал судья Конвей, есть нарушение децизии Верховного суда, и ввиду того, что у нас нет другого способа оспаривать его (решение судьи Конвея) ни путем апелляции, ни путем посредством так называемой акции о “цертиорари”, единственным способом для нас остается просить о “мандабус”»³³. Протоиерей Иосиф Дзвончик в письме от 1 декабря 1953 г. сообщил патриарху Алексию, что Высший суд штата Нью-Йорк и Высший суд США отклонил пересмотр дела о соборе. По словам Дзвончика, расходы на возобновление дела в первой судебной инстанции составили бы 45–50 тысяч долларов, еще 42–45 тысяч требовалось на ремонт крыши и куполов. Дзвончик предлагал истра-

³² Там же. Л. 193–194.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 124. Л. 65.

тить суммы на приобретение нового помещения для собора для экзархата³⁴, т. е. в 1953 г. вопрос о владении Свято-Николаевским собором Нью-Йорка так и не был решен. Но необходимо было решить вопрос о поддержании в должном состоянии самого собора.

В 1954 г. Экзархат РПЦ в США, опираясь на финансовую поддержку Патриархата, приступил к капитальному ремонту собора. В связи с этим советник посольства СССР в Вашингтоне, посетивший собор, записал в своем дневнике (содержание записи было передано в Москву в МИД), что для ремонта – наружного и внутреннего – необходимо 50 тысяч долларов. Эти деньги можно было получить только от Патриархии (правильнее сказать – от советского правительства)³⁵ [Курков 2003, с. 245].

Таким образом, даже несмотря на юридическую неопределенность в вопросе принадлежности собственности, всерьез рассматривалась проблема капитального ремонта Свято-Николаевского собора (и возможности покупки нового здания).

Адвокат Филипп Адлер 16 января 1956 г. писал членам Экзаршего совета прот. Иосифа Гавриляка и прот. Василия Кречика, что разбор дела о соборе откладывается до 6 апреля 1956 г.: «Мне кажется, что дело будет слушаться в это время. Это дает Вам большую возможность достать необходимые документы и свидетельства, о которых я неоднократно писал вам...

Мне нужен компетентный свидетель, который смог бы установить подлинность этих документов и дать свое свидетельство относительно них.

Если, по какой-либо причине, нельзя вызвать из-за границы специального свидетеля, я просил бы как можно скорее известить меня об этом, чтобы я мог построить свою работы соответствующим образом. Если это будет необходимым и неизбежным, *я могу вести дело без свидетелей из-за границы, но мне бы не хотелось делать так*»³⁶.

Адвокату явно не хватает знаний, документы (без дополнений и объяснений) своей роли в полном объеме сыграть не могут, необходим человек, с хорошим знанием истории православия, истории РПЦ и английского языка, который смог бы в ходе процесса (и при консультации адвоката) дать, с опорой на документы, объективные

³⁴ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР / Ред. Н.А. Кривова; сост. Ю.Г. Орлова, О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. В 2 т. Т. 1: 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 661.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 224. Л. 39.

³⁶ Там же. Д. 9. Л. 230–231.

ответы по вопросам принадлежности, финансирования, службы в Свято-Николаевском соборе.

После смерти митрополита Феофила в 1950 г. его преемником стал митрополит Леонтий (Туркевич), который вновь возбудил дело весной 1956 г. «Примирение враждующих сторон невозможно», – так считали к этому времени обе стороны³⁷. Но слушание дела откладывалось неоднократно, так как адвокат Адлер пытался обеспечить приезд на суд свидетелей и экспертов РПЦ, а также поступления запрошенных документов, которые еще было необходимо перевести на английский язык. Адлер считал, что может выиграть процесс теперь лишь только в одном случае, а именно в случае вызова в суд двух свидетелей, способных доказать суду, что церковь в СССР отделена от государства³⁸. Адлер также сделал все, чтобы дело было отложено «до более поздней даты»³⁹.

Еще 11 февраля 1956 г. Г.Г. Карпов обратился в МИД СССР с просьбой оказать содействие в командировании в США двух своих представителей для выступления в суде в качестве свидетелей по делу о Свято-Николаевском соборе в Нью-Йорке⁴⁰. Предлагалось послать епископа Смоленского Михаила (Чуба) и профессора Ленинградской духовной академии Л.Н. Парийского⁴¹. 4 апреля 1956 г. управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Николай Колчицкий подготовил справку, согласно которой «церковь в СССР отделена от государства» на основании Декрета советского правительства от 23 января 1918 г., а также статьи 124 Конституции СССР⁴². Был собран комплект документов, запрошенных адвокатом Адлером⁴³, ускоренным порядком тексты перево-

³⁷ Там же. Д. 1199. Л. 190.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1430. Л. 51.

³⁹ Там же. Л. 52.

⁴⁰ Там же. Л. 22.

⁴¹ Там же. Л. 24, 32; Д. 1431. Л. 29, 30.

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 199. Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 295–296. В том числе: протоколы Собора 1917 г. «с отметками, какие выдержки относятся к нашему делу»; протоколы Собора 1945 г. «с отметками об изменениях, которые произошли в управлении церковных епархий»; указ Патриарха о назначении Платона архиепископом в сентябре 1923 г.; указы Патриарха о неканоничности Карловацко-го Синода, Платона, Феофила, Леонтия; «Исповедь» Патриарха Тихона; заявление Патриарха Сергия в 1927 г.; «Обмен письмами между Патриархом Сергием и митрополитом Евлогием относительно “лояльности” Церкви заграницей»; письмо Патриарха Алексея Сталину от 19 мая 1944 г.; речь Г.Г. Карпова на Московском Соборе 1945 г.; назначение Вениамина Архиепископом; документы, которыми обменялись Патриарх и Митрополит

дились на английский язык и визировались. В ЦГИА г. Ленинграда были подобраны документы начала XX в., связанные с вопросами сбора средств на возведение храма (письма епископа Алеутского и Аляскинского Тихона в Священный Синод, письма К.П. Победоносцева, письма, отправленные в министерство финансов), финансовые ведомости, справки по переводу средств⁴⁴, – все эти документы также готовились для передачи адвокату Ф. Адлеру.

10 мая 1956 г. получено известие о том, что епископу Михаилу (Чубу) и Л.Н. Парийскому отказано в визах, так как – по мнению американской стороны – можно было обойтись свидетельскими показаниями, данными под присягой⁴⁵. 14 мая того же года экзархом РПЦ в США назначен архиепископ Борис (Вик), а настоятелем собора – протоиерей Василий Кречек. Считалось, что они примут на себя основную тяжесть (после адвоката) в будущем процессе⁴⁶, который был перенесен с июня на октябрь 1952 г. (Архиепископу Борису, однако, в ноябре 1955 г. отказано в выдаче американского паспорта⁴⁷).

9 августа 1956 г. Г.Г. Карпов обратился к управляющему делами СМ СССР с просьбой выслать на имя советского посла в США копии (переведенные и заверенные) неопубликованных до этого времени: постановления СНК СССР № 993 от 14 сентября 1943 г. о создании Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР, и постановления об утверждении Положения о Совете № 1095 от 7 октября 1943 г.⁴⁸ (Тогда же, в августе, Ф. Адлер затребовал из Москвы 22 наименования документов, раскрывающих историю и деятельность РПЦ, и Американского экзархата с 1905 по 1945 гг., а также взаимоотношения Московской Патриархии с советской властью⁴⁹.)

В сентябре 1956 г. вновь был поднят вопрос о возможности поездки в США экспертов, готовых выступить на суде, даже – при согласии на их гражданские и культовые ограничения во время их пребывания в Нью-Йорке. Настойчивость в решении вопроса об экспертах доказывает, что РПЦ придавала этому вопросу важное значение. Однако и при повторном обращении в американское посольство возникли затруднения – необходимо было сдать отве-

Григорий с Митрополичьим округом во время переговоров в 1948 г., о возможности единения; и др.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 196. Л. 156–168, 171–173, 176, 179–192.

⁴⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1430. Л. 71–72, 135.

⁴⁶ Там же. Л. 79.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 224. Л. 98.

⁴⁸ Там же. Д. 199. Л. 152, 156–157, 263.

⁴⁹ Там же. Л. 295–296.

чатки пальцев, что советская сторона посчитала откровенной дискриминацией⁵⁰. В связи с очередной неудачей, встал вопрос о целесообразности дальнейшего судебного разбирательства (9 ноября)⁵¹.

Однако новый раунд слушания дела был начат 27 ноября 1956 г. судьей Генри Эпстином [Казем-Бек 1957, с. 64]. После заседания 12 декабря 1956 г., судья предложил адвокатам обеих сторон подать ему «бриф», т. е. все изложить в письменной форме. Московскую Патриархию – в «брифе» противостоящей стороны – открыто обвинили в связях с коммунистами⁵².

В феврале 1957 г., после очередного судебного заседания, Г.Г. Карпов стал сомневаться в том, есть ли ясная перспектива окончания этого процесса⁵³. Такие сомнения подкреплялись еще и слухами, что и адвокаты – Адлер и Аркуш, и судья первой инстанции Эпстинтесно контактируют друг с другом и попросту «выкачивают» деньги у истцов и ответчиков. Решение суда ожидалось только в первой половине апреля 1957 г. Независимо от того, в чью пользу суд вынесет решение, это дело будет перенесено в суд следующей инстанции, т. е. потребуются дополнительные расходы⁵⁴. Опасения не оправдались, судья Верховного суда штата Нью-Йорк Г. Эпстин принял, в июле 1957 г., решение по собору в пользу Американского экархата РПЦ. Судья заявил о свидетельских показаниях, доказавших, что Московская патриархия является главой существующего религиозного порядка, и собор находится под ее управлением. Судья Эпстин признал, что показания свидетелей не подтвердили утверждения истцов, и Московская патриархия является только частью властью большевистского (атеистического по сути своей) правительства, «собирающегося уничтожить Соединенные Штаты»⁵⁵.

Через несколько дней проигравшая – очередной раунд – сторона обжаловала решение суда. Это было ожидаемо, для очередных судебных разбирательств требовалось еще 10000 долларов⁵⁶. Слушания начались осенью 1957 г. Истцы задействовали уже пятерых адвокатов – Ч.Г. Таттл, Р.М. Аркуш, Т.А.Шоу, С.Г. Джонсон и У. Бокей, а также профессора истории Церкви, доктора наук М.Спинкаи начальника Европейского юридического отдела библиотеки Конгресса В. Гзовского⁵⁷.

⁵⁰ Там же. Л. 161, 262.

⁵¹ Там же. Л. 169.

⁵² Там же. Д. 224. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 39.

⁵⁴ Там же. Д. 224. Л. 65–66.

⁵⁵ Там же. Д. 225. Л. 88

⁵⁶ Там же. Л. 108

⁵⁷ Там же. Л. 137.

В письме м. Крутицкому и Коломенскому Николаю (от 24 февраля 1958 г.) прот. Иосиф Гавриляк отмечал, что адвокат Адлер взял за апелляцию 10 тысяч долларов, т.к. предполагалось исключительное участие адвокатов – без свидетелей и экспертов⁵⁸.

31 мая 1958 г. сотрудник Совета по делам РПЦ сообщал в МИД СССР о том, что поставлен вопрос о выделении 15000 долларов на расходы, связанные с продолжением судебного процесса⁵⁹. Урезались внутренние расходы⁶⁰.

7 июля 1958 г. было оглашено решение апелляционной коллегии Верховного суда штата Нью-Йорк. Суд единогласно вынес решение в пользу Московской патриархии⁶¹. 8 июля 1958 г. прот. Иосиф Гавриляк и адвокат Филипп Адлер отправили Патриарху Алексию и м. Николаю телеграмму о том, что Нью-Йоркский суд единогласно решил «в нашу пользу». Но «что будет дальше, не знаем»⁶².

Ряд членов Экзаршего Совета считали, что это решение кладет конец многолетней судебной тяжбе⁶³. Однако это было не так. В августе 1958 г. м. Леонтий (Туркевич) подал апелляцию. Судьи запросили Адлера прислать его показания⁶⁴. Прот. Иосиф Гавриляк писал м. Николаю (27 августа 1958 г.): «Очевидно, леонтьевская сторона надеется на суд в Албани, так как единственный раз несколько лет тому назад они выиграли апилл в Албани. Там же их адвокат Аркуш лет 13 тому назад провел закон, что все церковные имущества принадлежат митрополии, слышали, что за этот закон они хорошо заплатили. Закон этот был аннулирован высшим судом в Вашингтоне. Адлер все пошлет, и после 6 октября мы узнаем, что решит суд, если разрешат апилл, то суд будет в конце года, будут опять только одни адвокаты, если же не разрешат, то это будет конец, т.к. больше уже они не могут подавать на нас и нас судить. Хотя Адлер говорит, что они никогда не выиграют, но деньги это стоит...»⁶⁵.

В «Справке», составленной инспектором Совета В. Синицыным (12 ноября 1958 г.) отмечается, что судебная тяжба из-за принадлежности Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке *тянется на протяжении многих лет*, и Совет по делам РПЦ неоднократно обра-

⁵⁸ Там же. Д. 252. Л. 77.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 46. П. 121. Д. 41. Л. 12.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 252. Л. 109.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 46. П. 121. Д. 41. Л. 20; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 252. Л. 70.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 252. Л. 48.

⁶³ Там же. Оп. 1. Д. 1639. Л. 11; Оп. 2. Д. 252. Л. 49.

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 78.

⁶⁵ Там же. Л. 122.

шался в МИД СССР с просьбой выяснить положение в экзархате и высказать свое мнение о нормализации положения и по судебному процессу о соборе. В мае 1957 г. МИД (т. Солдатов) сообщил, что у противной стороны осталось только обжаловать дело в апелляционной коллегии Верховного суда США, на что они вряд ли пойдут⁶⁶. В сентябре 1958 г. МИД СССР *ставит задачу сделать Св. Николаевский собор действительным центром московской патриархии и расширять влияние среди православных верующих в США*. Предложение прекратить судебное разбирательство в одностороннем порядке не было поддержано, так как Свято-Николаевский собор был и оставался «мощнейшим центром» Американского экзархата Московской патриархии. Это в МИД СССР прекрасно понимали.

В апреле 1959 г. стало известно, что принятое судом решение вновь оспорено⁶⁷. Решение суда штата Нью-Йорк – в пользу Американской митрополии (четверо голосов против трех) – было озвучено 31 декабря 1959 г. Фактически возглавлявший Экзархат епископ Досифей (Иванченко) просил Москву выделить необходимые денежные средства для продолжения судебных разбирательств. Он ждал от председателя ОВЦС МП митрополита Николая (Ярушевича) распоряжения об обжаловании приговора в Верховном суде⁶⁸. Чуть позже в Москву была отправлена и копия решения суда⁶⁹. Из письма епископа Досифея (Иванченко) экзарху митрополиту Борису (Вику) от 1 января 1960 г. следовало, что адвокатом Адлером получена телеграмма из Олбани с сообщением о решении суда. «Условия для предстоящего процесса. При подаче заявления в Высший Суд, т. е. теперь же, необходимо уплатить 2500 дол[ларов]. (Следовательно, с предыдущими 2000 д[олларов], немедленно требуется 4500 дол[ларов].). Имеется в виду необходимость получить из всех инстанций Судов за все 12 лет процесса все материалы, прежде им представленные, что потребует и поездок и времени для перепечатания всех копий документов. Собранные документы и все предшествующие решения обрабатываются и составляется доклад Высшему суду с мотивированным заявлением адвоката. Все это представит целую книгу. Составление и печатание книги будут стоить 7500 дол[ларов], которые необходимо оплатить к 1 февраля с. г.

После этого начнется процесс, *который может длиться от 2-х до 5-ти лет*. Само собой разумеется, что за ведение дел в Высшем суде также придется платить тому же адвокату.

⁶⁶ Там же. Л. 195.

⁶⁷ Там же. Д. 1741. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Д. 281. Л. 121.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 46. П. 121. Л.1.

Такова печальная, но неизбежная действительность. *Это последний этап. Он не безнадешен для нас. Верховный Суд никогда не принимал во внимание проходящие политические мотивы и решает дела, блюдя законы.* Он же раз указал судам по нашему делу, что «Св.-Николаевский собор есть резиденция епископов, назначаемых Высшей Церковной Властью из Москвы» и трудно допустить, что он изменит признанное им положение.

К сожалению, в результате этого решения будут на несколько месяцев ухудшение нашего материального положения, пока люди оправятся от первого «шока» и поймут, что это еще не так страшно, как кажется.

Но когда все узнают, что, невзирая ни на что, мы не остановили ремонта, то это даст некоторый толчок для размышлений»⁷⁰ (курсив наш. – Е. Д.)

Из рапорта (от 13 марта 1960 г.), составленного епископом Нью-Йорским Досифеем (Иванченко) на имя митрополита Алеутского и Северо-американского Бориса следовало, что «с судом большие тревоги и много неясностей». В начале января 1960 г., когда было объявлено решение суда, «адвокат был полон сомнений», и выказал предположение о том, что «высший суд может отказать нам в принятии нашего обжалования, а, следовательно, мы должны к 31 марта передать Собор нашим противникам. В связи с этим я прекратил было (под предлогом Рождественских праздников) ремонт, дабы сберечь деньги на наем помещения для экзархата и для Каф[едрального] собора»⁷¹.

Точка в судебном процессе была поставлена 6 июня 1960 г., когда решением Верховного суда США Свято-Николаевский кафедральный собор окончательно был передан Московской Патриархии⁷².

Заключение

Дело Свято-Николаевского собора имело немаловажное значение в истории Американского экзархата РПЦ. За делом внимательно следили Министерство иностранных дел СССР, Совет по делам религий при Совете министров СССР и руководство Московской Патриархии. На судебные издержки отчислялись огромные, по тому времени, суммы. Отчисления шли как от Святейшего Патриарха, так и от правительства Советского Союза. Объяснить такое внимание, скорее всего, можно тем, что Собор являлся символом, не

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 301. Л. 8–9.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 301. Л. 28–29.

⁷² ГА РФ. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 301. Л. 83, 144, 153.

только административной церковной власти, но и ее исторического присутствия юрисдикции в США. Здесь сыграл свою роль знаменитый Аугсбургский принцип «чья власть, того и вера», трансформировавшийся в данном случае в «чей Николаевский собор, у того и главенство церковного управления».

Для Московской патриархии борьба за собор оставалось делом благочестия. М. Покровский отмечал, что «архитектурная и историческая ценность Свято-Николаевского собора это далеко не все наследие, Свято-Николаевский собор – *это символ нечто большего, чем просто здание. Это символ Православной веры во всей ее полноте, которая и является главным наследием* [Saint Nicholas Cathedral 1968, p. 96].

А для советских властей Свято–Николаевский собор был очередным стратегическим ходом, в деле укрепления на месте авторитета и значимости «советской» Церкви, а значит и советского государства, советской власти.

Благодарности

Автор выражает признательность за помощь в выполнении исследования, а также высказывание конструктивных критических замечаний при написании статьи, доктору исторических наук, профессору Т.И. Хорхординой (РГГУ) и доктору исторических наук, профессору митрополиту Клименту (Капалину)

Acknowledgements

The author is especially grateful to Dr. of Sci. (History), Professor T.I. Khorkhordina (RSUH) and Dr. of Sci. (History), Professor Metropolitan Kliment (Kapalin) for their help in carrying out the research, as well as for expressing constructive criticism when writing the article

Литература

- Казем-Бек 1957 – Казем–Бек А. К десятилетию одного судебного процесса // Журнал Московской патриархии. 1957. № 7. С. 56–65.
- Курков 2003 – Курков Н.В. Об одном памятнике русской архитектуры в Америке // Американский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2003. С. 241–246.
- Saint Nicholas Cathedral 1968 – St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy / Ed. by M. Pokrovsky. New–York: St.Nicholas Cathedral studygroup, 1968. 103p.

References

- Kazem-Beck, A. (1957), “*K desyatiletiiu odnogo sudebnogo protsessa*” [To a decade of one judicial process], *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, Moscow, Russia.
- Kurkov, N.B. (2003), “About one monument of Russian architecture”, *Amerikanskii Ezhegodnik – 2001*, Nauka, Moscow, Russia.
- Pokrovskii, M., ed. (1968), *St. Nicholas Cathedral of New York: History and Legacy*, St. Nicholas Cathedral study group, New-York, USA.

Информация об авторе

Евгений В. Доля, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, ул. Никольская, д. 15; ioad@yandex.ru

Information about the author:

Evgeniy V. Dolya, fellow applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ioad@yandex.ru

**«Социалистические страны теряют время
в экономическом соревновании с капитализмом»:
Письмо В. Ульбрихта Л.И. Брежневу как пролог
к заключению ОСВ-1**

Галина А. Хаберл-Яковлева
Москва, Россия, hagal@mail.ru

Аннотация. Статья впервые публикует письмо Вальтера Ульбрихта к Л.И. Брежневу от 17 ноября 1966 г. из Федерального архива Германии (Бундесархив) со статусом «строго доверительно». Письмо, содержанием 56 страниц, знакомит Л.И. Брежнева с важными актуальными проблемами взаимоотношений социалистических стран, и прежде всего ГДР, с империалистическими странами. Ульбрихт большое внимание уделяет международным отношениям, грозящих на тот исторический момент, с точки зрения автора, новой войной империализма против социалистических стран. Письмо отражает реальный страх Ульбрихта потерять ГДР как государство, и он намеренно подводит Брежнева к единственному выводу – военному усилению социалистического блока и стран Варшавского договора, который он должен возглавить. Экономику капиталистических стран Ульбрихт находит превосходящей исторически над экономикой соцстран и призывает не соревноваться с ней и не терять на это время. Социальные и идеологические основы стран социализма превалируют, по Ульбрихту, над капиталистическими в силу поддержки ими трудового народа. Большое внимание также уделено в письме возможности объединения ГДР и ФРГ, которое может произойти исключительно на основе победы социалистических идей в ФРГ, что на данный момент не предоставляется возможным.

Ключевые слова: В. Ульбрихт, Л.И. Брежнев, Варшавский договор, ГДР, экономические реформы, объединение ФРГ и ГДР, ДРСМД, ОСВ-1

Для цитирования: Хаберл-Яковлева Г.А. «Социалистические страны теряют время в экономическом соревновании с капитализмом»: Письмо В. Ульбрихта Л.И. Брежневу как пролог к заключению ОСВ-1 // История и архивы. 2020. № 1. С. 51–67. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-51-67

“Socialist countries waste time in the economic
competition with capitalism”.
The letter of W. Ulbricht to L.I. Brezhnev
as a prologue to the conclusion
of the SALT-1 agreement

Galina A. Haberl-Yakovleva

Moscow, Russia, hagal@mail.ru

Abstract. The article presents the first publication of Walter Ulbricht's letter to L.I. Brezhnev, dated November 17, 1966 from the Federal Archives of Germany, with the status “strictly confidentially”. The 56 page letter introduces Brezhnev to important topical problems, and mainly to the relations of the GDR with imperialist countries. Ulbricht pays great attention to the international relations that, as the author considers, are fraught at that historical moment with the danger of a new war of imperialism against the socialist countries. The letter reflects Ulbricht 's real fear of losing the GDR as a state, and he deliberately brings Brezhnev to the only conclusion – the military strengthening of the socialist bloc and the Warsaw Pact countries, with him at the head. The economy of the capitalist countries is thought by Ulbricht to prevail historically over the socialist sector economy and he calls for not competing with them so as not to waste time. According to Ulbricht, the social and ideological foundations of the socialist countries dominate over the capitalist ones due to the working people support. Much attention is also paid in the letter to the possibility of uniting the GDR and the FRG, which can happen exclusively on the basis of the victory of socialist ideas in the FRG, which, he notes, is not possible at the moment.

Keywords: W. Ulbricht, L.I. Brezhnev, Warsaw Pact, GDR, economic reforms, unification of West Germany and the GDR, INF Treaty, SALT-1

For citation: Haberl-Yakovleva, G.A. (2020), “Socialist countries waste time in the economic competition with capitalism’. The letter of W. Ulbricht to L.I. Brezhnev as a prologue to the conclusion of the SALT-1 agreement”. *History and Archives*, no. 1, pp. 51–67. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-51-67

Введение

Исследование темы международного научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР в исторический период 1965–1975 гг. подарило небольшое, но важное открытие. В Федеральном архиве Германии в Берлине, Лихтерфельде (Lichterfelde) найдено письмо Вальтера Ульбрихта к Л.И. Брежневу необычного

объема – 56 страниц¹. Письмо содержит важные политические, экономические и идеологические взгляды не только самого Ульбрихта, но также и членов правительства ГДР в ответственный для СССР период – осень 1966 г. Именно в это время начались реформы А.Н. Косыгина, перезаключен новый договор СССР с ГДР о научно-техническом сотрудничестве, которого не было ни у одной социалистической страны, начался второй этап Новой экономической системы (НЭС) в ГДР, которую инициировал сам Вальтер Ульбрихт. Важность и эксклюзивность этого письма заключается еще и в том, что именно В. Ульбрихт, как оказалось, стал организатором усиления военного блока Варшавского договора под руководством Брежнева, предложив Брежневу как Генеральному секретарю КПСС возглавить обороноспособность всего социалистического и демократического лагеря. Активная деятельность Брежнева в этом направлении выразилась заключением первого международного договора о ракетах средней и малой дальности в 1972 г. Таким образом, Вальтер Ульбрихт является «отцом» не только экономического плана развития ГДР на многие годы вперед, но без него не был бы заключен и ОСВ-1 в 1972 г., воплощенный в будущем в ДРСМД. Это он составил Брежневу долгосрочные программы по милитаризации социалистического блока, защите соцстран в ООН, определил задачи социалистического и демократического лагеря в Азии, Африке и Латинской Америке. Все это четко представлено в письме В. Ульбрихта. В настоящей статье исследуются и анализируются аргументы Ульбрихта, которые он демонстрирует Брежневу с целью обеспечить защиту ГДР как независимому государству. Автор и правительство ГДР, однако, выходят далеко за рамки только защиты первого немецкого социалистического государства.

Письмо датировано 17 ноября 1966 г. и содержит 56 страниц, что удивительно – Вальтер Ульбрихт никогда не писал таких длинных писем государственным деятелям. Письмо озаглавлено «Проект» (Entwurf). Это проект программы всего социалистического лагеря и мирового демократического движения на ближайшее будущее. Но у этого письма оказалось еще много других особенностей. Письмо находится в Бундесархиве на немецком и русском языках. Как правило, вся дипломатическая почта представляется в двух экземплярах и сопровождается переводом с языка оригинала на язык адресата. Так как с начала нулевых годов весь архив бывшей ГДР оцифровывается, это письмо можно найти на сайте Бундесархива. Оно представляет личность Ульбрихта

¹ Bundesarchiv, Berlin, Lichterfelde. BArch. DY 30/3288, pp. 36–90 // Бундесархив, Берлин, Лихтерфельде. DY 30/3288. Л. 36–90.

с неожиданного ракурса – прагматичного. Фанат немецкого социализма, преданный почитатель Сталина, энергичный хозяйственник и организатор Новой экономической системы ГДР (НЭС), Вальтер Ульбрихт оказался готовым положить на жертвенный алтарь новые немецкие технологии и импортозамещение ради идеи милитаризации социалистического блока. Однако, необходимо последовательно проследить его позицию, изложенную в письме.

Прологом письма послужили известные события – сразу после смещения Хрущева с должности лидера СССР в октябре 1964 г. Ульбрихт правильно оценил открывшийся момент новых возможностей. Его команда тут же, с октября 1964, начала активные переговоры с Советом Министров СССР (с А.Н. Косыгиным) по заключению нового соглашения по научно-техническому сотрудничеству СССР–ГДР. Такого нового договора не было ни у одной другой социалистической страны. Поэтому для перезаключения договора надо было ждать разрешения Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), и соглашение было подписано только 24 сентября 1965 г. Весь 1965 г. и до ноября 1966 Ульбрихт с членами правительства ГДР, продвигавшими интересы совместного международного научно-технического сотрудничества (МНТС), часто посещали руководителей СССР, советских специалистов и ученых. Только в 1966 г. немецкая правительственная делегация вместе с В. Ульбрихтом минимум три раза посетила Москву: весной, в начале сентября и в октябре. И вот 17 ноября 1966 г. Ульбрихт посылает *строго доверительное* (Strengvertraulich) письмо Брежневу Л.И. объемом 56 страниц, которое впервые (!) публикуется здесь. Посылает не Косыгину, с которым у него прямые профессиональные интересы по управлению народным хозяйством в интересах двухстороннего сотрудничества, а Первому секретарю ЦК КПСС, не имевшему никаких отношений к экономике страны и тем более к ГДР. Именно в это время, в ноябре, А.Н. Косыгин, Председатель Совета Министров СССР, принимает ответственное решение по методам управления МНТС и всего народного хозяйства страны. После детального анализа научно-технических связей с ГДР за весь 1965 и почти весь 1966 г., анализа экономического положения советского государства, Косыгин принял решение поступиться некоторыми принципами социалистической идеологии, и ввести новый метод управления в народном хозяйстве (на чем аргументированно настаивала именно немецкая сторона во главе с Ульбрихтом) – горизонтальное (нецентрализованное) управление [Хаберл-Яковлева 2013]. Фактически, по отношению к Косыгину, этим письмом Ульбрихт *предает* высокого партнера.

Письмо, объемом 56 страниц, резко отличается от привычной короткой переписки Ульбрихта с Хрущевым². Чаще всего Вальтер Ульбрихт посылал Хрущеву короткие сообщения (телеграммы): «Дорогой товарищ Никита Сергеевич! Мы намерены проводить VI съезд партии СЕПГ с 8 по 12 января 1963. Просим высказать мнение Президиума ЦК КПСС, подходит ли такое время с точки зрения ваших диспозиций. Просим принять делегацию Политбюро ЦК СЕПГ в конце октября или начале ноября в целях обсуждения проблем партийного съезда. С коммунистическим приветом, Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт. 15 сентября 1962 г.». Или короткое информативное письмо с повесткой дня этого съезда³. Вся корреспонденция между первыми секретарями в это время касалась исключительно партийных съездов, заседаний и их повесток дня. Вероятно, критерием отношения Вальтера Ульбрихта к Хрущеву была позиция генсека СССР к Сталину, которого Ульбрихт как минимум уважал. Многостраничное же послание к Брежневу Вальтер Ульбрихт начинает несколько загадочно, как бы изда- далеко, выбирая не статусный стиль общения («Bei unserem letzten Gespraech hatte ichangedeutet... при нашем последнем разговоре я намекнул на то, ...»)⁴. Письмо написано через два года после октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. В советском правительственном тандеме Косыгин–Брежнев Ульбрихт в конце 1966 четко делает ставку на Брежнева. Несомненно, Ульбрихт знал, что среди советских трудящихся и в 1965, и в 1966 огромный авторитет имел именно Косыгин. И в письмах к правительству они первым номером указывали фамилию Алексея Николаевича, а не Брежнева. Косыгин был широко известен в народе по его делам в Великой отечественной войне⁵, а Брежнев же закончил войну рядовым генерал-майором. И Ульбрихт, которого сослуживцы еще прозвали «старый лис», понял, что Брежнев авторитарен, любит лесть и власть, что он будет искать возможности «обойти» Косыгина на государственном поприще. И, главное, Брежнев был военный. Следовательно, за два года после Октябрьского пленума 1964 соотношение сил в руководстве СССР уже «дало трещину», если первый секретарь СЕПГ стал излагать свои личные (несомненно) и своего партийного сообщества убеждения главе КПСС, а не главе правительства СССР. При чем именно в то время, когда Косыгин приходил к трудному для

² BArch, DY 30/3288, p. 21. II, V, VII, VIII. Parteitag der SED. 1947–1971/ P. 36–146. / Бундесархив. DY 30/3288. Л. 21, 36–146.

³ Там же. Л. 1–35.

⁴ BArch, DY 30/3288, p. 92 / Бундесархив. Берлин. DY 30/3288. Л. 92.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 7. Д. 583: Переписка с гражданами.

него решению (за два года обдумываний) по изменению системы управления народным хозяйством, делая ставку на горизонтальное управление, включая МНТС СССР–ГДР. Ульбрихт встречался с Косыгиным точно трижды в 1966 г., и мог лично высказать ему сомнения в целесообразности научно-технического соревнования с капиталистическим миром, но не сделал этого.

Письмо разбито на несколько разделов: 1) «О развитии соотношения сил»; 2) «К вопросу соглашения о нераспространении ядерного оружия»; 3) «О проблеме европейской безопасности»; 4) «О некоторых особенностях положения ГДР»; 5) «О развитии в Западной Германии». В конце письма сделаны «Некоторые выводы» и даны «Предложения» – их пять: «Солидарность с Вьетнамом», «Укрепление единства социалистических стран», «Международное коммунистическое движение», «Разрядка напряженности, разоружение и мирное сосуществование» и «Европейская безопасность».

Письмо Вальтер Ульбрихт начинает сразу с международных изменений в соотношении экономических, политических и военных сил между социализмом и империализмом. И если в экономике соцстран, как утверждает Ульбрихт, все идет лучше, чем раньше, то политические и военные проблемы обострились. И вот здесь Ульбрихт явно говорит неправду: «В ряду положительных факторов, влияющих на развитие соотношения сил, на переднем плане стоят научно-технический прогресс и все возрастающее внедрение новых методов планирования и руководства социалистическим народным хозяйством в сложных условиях научно–технического прогресса (далее – НТП). Об этом свидетельствуют хорошие результаты выполнения планов не только в Советском Союзе и в ГДР, но и в большинстве других социалистических государств Европы»⁶. Ульбрихт говорит неправду, так как: 1) Косыгиным еще не был сформирован пакет экономических реформ в стране (по крайней мере, в МНТС); 2) сам Вальтер Ульбрихт, как главный координатор экономики ГДР, не доверял «успехам» в народном хозяйстве СССР Хрущевского времени, а после отставки бывшего советского главы прошло только два года и восьмая пятилетка с ее новым планированием не успела «разбежаться» за один год; 3) новые методы социалистического планирования и руководства государством еще не были найдены ни в одной социалистической стране; 4) седьмая пятилетка в СССР не была выполнена, а в ГДР был начат второй этап Новой экономической системы (НЭС) из-за критического положения в экономике. Другие соцстраны Европы так и не смогли

⁶ ВArch. DY 30/3288, р. 93 (1). В скобках указан номер страницы письма, перед скобкой – номер страницы документа.

далеко уйти от «огорода» – предназначенной им судьбе Западной Европой.

Далее, развивая тему экономических «успехов» соцстран и подтверждая предназначенность Восточной Европы для Западной, Ульбрихт ссылается на успехи именно в сельском хозяйстве (производство зерна в Польше), совершенно не упоминая промышленность и вообще новые технологии, так как они в действительности не развивались совсем. Прав Вальтер оказался здесь только в одном – в сложных условиях НТП, которые всегда сложные. Таким образом, уже второй раз генсек ГДР совершает дипломатический реверанс для Брежнева. И это наглядно подтверждает фраза, выделенная в письме жирным шрифтом: «Mankann davonsprechen, dass mit dem Oktoberplenum... Можно сказать, что начиная с октябрьского пленума ЦК КПСС (1964) произошел новый подъем сил мира, демократии, национальной независимости и социализма».

Опираясь на «мировое значение» этого пленума, далее Ульбрихт связывает воедино коммунистические движения Вьетнама, Кореи, Китая и Японии. Азиатское направление выбрано главным автором послания не случайно. Все еще называя триединство главного прогресса революционных сил – экономическое, политическое и военное – автор плавно переходит к основной своей цели: значимости военного фактора. Стремление азиатских демократических движений к социализму позитивным примером сказалось на стремлении к национальной независимости государств Африки и Латинской Америки, по Ульбрихту. А здесь – прямая дорога «к полной эмансипации от империализма и в создание социалистических форм хозяйствования». Мысль ясна – эти новые социалистические государства нужно будет защищать. Ведь за последние три года 18 новых государств стали членами ООН (а после второй мировой войны их вместе стало 65), и вопрос выбора ими государственного устройства еще не решен. Автор как будто весь мир призывает в свидетели своей правоты, ведь теперь «на повестке дня стоит национально-демократическое, некапиталистическое развитие экономики и общества». Он постепенно сужает горизонт политических аргументов и «подбирается» исподволь к главной цели письма, предлагая задачу – «основным звеном национально-демократического, некапиталистического развития этих государств становится объединение народных сил вокруг авангардной партии...». Это прозрачный намек на КПСС, где роль международного лидера Брежневу гарантирована. Предлагается и ответственное и статусное поле битвы для авангардной партии – ООН, где надо защитить не только демократические движения Азии, Африки и Латинской Америки, но и Китай, исключенный из ООН. Касаясь темы ООН, Ульбрихт констатирует дискриминацию социалистических государств

в структуре этой организации: «В отношении германских государств, а также корейских и вьетнамских государств, только капиталистические части имеют статус официальных наблюдателей при ООН и к тому же возможность равноправного участия в работе всех организаций ООН. При этом развитие ООН и ее побочных организаций отстает от развития реального соотношения сил. Потребуется, по-видимому, еще большая работа, чтобы добиться в ООН равноправия и отмены дискриминации всех социалистических стран»⁷. Описывая международное положение дел с разных позиций, автор сгущает краски, нагнетая напряженность: «Раскольническая позиция китайских руководителей является главной опасностью внутри международного коммунистического движения ... она является главной причиной военной эскалации военного империализма США против национально–революционного, военной пробы сил в отношении одного социалистического государства в Южно-Восточной Азии»⁸.

Развивая далее тему враждебности капиталистического мира, Ульбрихт находит аргументы в экономическом развитии обеих систем. Он отмечает факторы ослабления и раскола в социалистическом лагере в Юго-Восточной Азии, в Румынии и делает неожиданный вывод: «Социалистические страны теряют время в экономическом соревновании с капитализмом, так как внутри СЭВ тормозится координация и кооперирование в экономико-научной и технической областях. Это предотвращает... совместные выступления стран–участниц СЭВ в отношении капиталистических группировок (США, ЕЭС), но и в отношении развивающихся стран»⁹, т. е. ставка соцстран на научно-технический прогресс (НТП) и достижение технологического мирового уровня продукции развитых капстран напрасно – это мешает выступить единым (и военным) социалистическим фронтом против империализма, поэтому не надо распылять силы. Этим откровением Ульбрихт зачеркнул свои (и не только свои) экономические реформы. Оправдание своему новому убеждению Ульбрихт видит в том, что у капиталистических стран есть «исторически обусловленное экономическое и научно-техническое преимущество»¹⁰. Именно по этой причине, по Ульбрихту, не удастся принудить капиталистические страны к мирному сосуществованию. Ульбрихт настаивает в своем письме, что из оси Вашингтон–Бонн не снимается военная угроза, что Варшавский договор остается необходимым для безопасности социалистического блока и роспуск этих блоков в настоящий период нереален, а в полити-

⁷ Там же. Л. 97 (5).

⁸ Там же. Л.98 (6).

⁹ Там же. Л. 99 (7).

¹⁰ Там же. Л. 104 (12).

ческом отношении ни к чему не приведет. Из шести задач, стоящих перед соцстранами в данный момент, пять Ульбрихт относит к политическим и военным, и только одну – к экономической области: ускорение НТП и экономического развития¹¹. Он уже не ставит задачу достичь мирового уровня НТП. Тем самым он переходит на позицию (уже в конце 1966 г.) поддержки военного преимущества социалистических стран над капиталистическими.

От освещения международного экономического положения в странах социализма и в регионах активного демократического движения, автор переходит к политике. И она, по Ульбрихту, неотделима от милитаристских устремлений капиталистического мира. Он сразу начинает со следующего дипломатического реверанса: «Увеличение оборонной мощи Советского Союза и государств-участников Варшавского договора настолько обнажило бесперспективность военных замыслов американских и западногерманских империалистов, ...что военный союз НАТО оказался глубоко подорванным»¹². Но Ульбрихт призывает не самоуспокаиваться. Он утверждает, что «требование роспуска военных блоков в настоящий период нереально и в политическом отношении ни к чему не приведет». Более того, он утверждает, что ревизионистская политика руководства Китая создает брешь в социалистическом лагере для американского агрессивного плацдарма в Южном Вьетнаме, чтобы создавать там колониальные и неоколониальные позиции и оказывать прессинг на развитие событий в Азии. Это открывает возможность для США и других капиталистических стран, прежде всего Великобритании и Западной Германии, «в период так называемого «ядерного равновесия» вести ограниченные империалистические войны, избегая при этом риск термоядерной войны». Даже отказ Западной Германии от «фактического владения ядерным оружием... направлено против СССР и ГДР»¹³. Ульбрихт также утверждает в письме, что рано или поздно опыт Вьетнама США вместе со своими союзниками попытаются применить на арене борьбы с социализмом (и именно так и случилось уже в конце XX в.).

Более того, автор прямо озвучивает государственную стратегию США и всего империалистического мира, направленную и против СССР: раскол в социалистическом лагере «побудили президента США провозгласить доктрину, претендующую на право для империалистических Соединенных Штатов вмешиваться в любое демократическое, прогрессивное, некапиталистическое развитие в любой стране, пока еще не принадлежащей к социалистическому лагерю, –

¹¹ Там же. Л. 108 (16).

¹² BArch. DY 30/3288, Л. 101 (9).

¹³ Там же. То же, что и в 12-й сноске? Л. 106 (14).

вплоть до военной интервенции»¹⁴ (подчеркнуто в письме). Ульбрихт тут же отмечает, что доктрина Джонсона более агрессивна, чем доктрина Далласа, провозгласившего всего лишь «отбрасывание» социалистических стран Европы. Однако все-таки добавляет, что эта политика при помощи политических и экономических средств диверсии по-прежнему актуальна.

Снова подчеркивая возросшую военную мощь СССР, автор объясняет этим невозможность военного нападения США на социалистический лагерь в Европе, сосредоточившись на освободившихся странах в Азии, Африке и Латинской Америке. Ульбрихт не ограничивается указанием регионов американской агрессии, он подробно перечисляет эти страны, нагнетая обстановку: Вьетнам, Индонезия, Конго, Гана, Судан, Бразилия, Аргентина, Доминиканская Республика, Венесуэла, Куба, САР, Алжир, Сирия, Иран, Пакистан, Индия. С этого региона автор сразу переключается на Европу: «В отношении Европы стратегия американского империализма заключается в том, чтобы в союзе с Западной Германией и Великобританией укрепить влияние американского капитала в Западной Европе, ...чтобы затем, после изменения соотношения сил в Азии, Африке и Латинской Америке в пользу империализма, перейти и в Европе к военной агрессии после социалистического лагеря» (бомбежка Югославии в 90-х гг.). И вот теперь Ульбрихт подводит логику письма к положению ГДР – из-за позиции китайских и румынских руководителей империализм США не признает статус-кво в Европе и попытается окружить ГДР и вырвать ее из социалистического лагеря.

Главный «нерв» всего первого раздела письма – защитить ГДР. Да и все письмо пронизано, просто насыщено паническим страхом потерять ГДР как самостоятельное социалистическое государство. Все действия империалистического мира Ульбрихт сужает до «направлено против СССР и ГДР», где главная цель – «исключить, дискриминировать ГДР, чтобы ликвидировать ее». Аргументируя тревожное международное положение ГДР, Вальтер Ульбрихт находит любую возможную опору, вплоть до ссылок на XX и на XXIII съезды КПСС, оправдывая здесь свою теневую характеристику «старый лис». В заключении первого раздела Ульбрихт выводит шесть основных задач для социалистического лагеря, где на последнем месте – поддержка и помощь Вьетнаму, а на первых двух – упрочение Варшавского договора и объединение всего демократического мира.

Второй раздел посвящен нераспространению ядерного оружия. И здесь Ульбрихт верен себе – он создает *программу* нерас-

¹⁴ Там же. Л. 103 (11).

пространения и ограничения применения ядерного оружия (ЯО). Фактически, и в этом поле Брежневу предлагается готовое системное направление: подписать международное соглашение стран, имеющих ЯО; не применять ЯО против стран, не имеющих его; все участники соглашения и все страны мира (в будущем) обязуются не распространять ЯО; ГДР включается в это соглашение и имеет равное с ФРГ право.

Третий раздел о европейской безопасности также содержит в себе *программу* действий. Главное для ГДР, по Ульбрихту, – ее границы, которые следует признать всем и гарантировать их неприкосновенность. Поэтому он анализирует подробно реальное отношение США и Европы к ГДР в настоящий момент, ссылаясь на визит в сентябре 1966 канцлера ФРГ Эрхарда к президенту США Джонсону. И снова ГДР представлена как страна, находящаяся в зоне повышенной опасности – на этот раз из-за официальной установки правительства США на единую и неделимую Германию. Ссылаясь на заявление посла США в Бонне Гарримана, Ульбрихт подчеркивает, что «правительство США не склонно примириться со статус-кво в Европе», и что этот удар направлен против СССР и ГДР. Таким образом, у Ульбрихта две страны, СССР и ГДР, идут всегда в одной связке: если против ГДР, то против и СССР, или против СССР, то вместе с тем и против ГДР. Он не оставляет Брежневу выбора – надо защищать себя, значит надо защищать и ГДР. Более того, Ульбрихт апеллирует к декларации государств-участников Варшавского договора в связи с заявлением правительства США, по которому ГДР не существует как государство, следовательно, не может быть принята в ООН. Ульбрихт утверждает, что европейская безопасность затрагивает интересы всех европейских государств, поэтому они должны признать статус-кво и гарантировать ненападение всем европейским государствам, включая ГДР. Целью всей Европы должно стать установление добрых отношений всех со всеми. И опять Ульбрихт опирается на весь социалистический лагерь, обвиняя Вашингтон, Бонн и Лондон в намерениях подорвать не только позиции СССР и ГДР, но Варшавы и Праги, и других европейских соцстран, даже если они не посягают на их территориальные границы. Причиной такой угрозы Ульбрихт видит в реваншистской позиции польских епископов, что позволяет Вашингтону, Бонну и Лондону считать удобным моментом передел границ ГДР по Одеру и Нейсе.

Ульбрихт широко смотрит на проблемы взаимоотношений ФРГ и ГДР. Он убежден, что эти проблемы «являются не только немецким делом... Без безопасности для ГДР не может быть и безопасности для других социалистических государств. Существование ГДР является частью их политических жизненных элементов». Вместе

с тем, он отмечает отсутствие единства по этому вопросу в самом социалистическом лагере, где «отдельные политические деятели в общих формулировках говорят “о воссоединении Германии”», и что такая позиция в настоящее время не реальна. Ульбрихт делает вывод, что воссоединение Германии на империалистической позиции стало бы смертельной угрозой для европейской безопасности и всего социалистического лагеря (что и произошло в конце 80-х гг.).

Четвертый раздел освещает особенности положения ГДР более подробно. Ульбрихт начинает от Великой Октябрьской революции до настоящего момента (1966 г.) с истории возникновения «германского вопроса». Он глобально представляет суть «германского вопроса» – как поле схватки империализма и социализма, а империализм как силу, способную разрушить мир в Европе и во всем мире. Исследуя историю Германии от краха ее в Первой мировой войне, и потом от Веймарской республики до краха нацистской Германии в 1945, о социалистическом выборе Восточной Германии, Ульбрихт делает вывод о чуть ли не спасительной миссии ГДР, о предназначении ГДР как оплота мира в Европе и во всем мире, как о подвиге германской нации и примере для колеблющихся.

Важный момент в письме занимает вопрос слияния двух Германий на условиях империализма. Ульбрихт решительно отвергает такой вариант и называет его «вообще нереальным». Более того – смертельным для всех стран европейского социалистического содружества (это так и случилось в конце XX в.). Он объясняет смертельную опасность для Европы в случае победы ФРГ над ГДР тем, что попораны будут интересы рабочего класса и даже «всех миролюбивых, мыслящих людей». Ульбрихт все более и более сгущает краски, описывая потери всего мира от «объединения Германии под знаком империализма». Поэтому «по всем этим причинам укрепление дальнейшей консолидации и всеобщее признание ГДР – в интересах всех европейских государств, в том числе капиталистических...»¹⁵. Кроме этого, Ульбрихт дополняет причину нереальности объединения ГДР с ФРГ тем, что этот союз укрепил бы империалистический мир, новая Германия втянула бы Среднюю и Западную Европу в войну, установила бы над ними гегемонию, дала бы новые импульсы к неоколониализму (судьба современных Югославии, Украины, Болгарии), а этого нельзя допустить. И он снова и снова повторяет, как мантру, свой вывод – следует признать ГДР как независимое и территориальное государство. И даже более того – в этом разделе Ульбрихт сужает противостояние двух Германий до уровня *татами* – «кто кого?». И здесь, на *татами*, Ульбрихт допускает объединение двух Германий, когда ГДР «вырвет (ФРГ)

¹⁵ Там же. Л. 122 (30).

из империалистического лагеря. Только тогда ... объединение обоих германских государств станет актуальным».

Классовую борьбу в Германии Ульбрихт делит на две части: классовую борьбу внутри ФРГ и между ФРГ и ГДР, т. е. ФРГ ведет борьбу на два фронта. Снова отмечая «гигантское развитие Советского Союза и мощной силы союза государств Варшавского договора», защитившие ГДР от нападения империализма в военном отношении, Ульбрихт признает, что именно это позволило ГДР сосредоточиться на развитии социализма¹⁶. Не забывает он и про финансы, и про законодательство. Внутреннюю политику ГДР Ульбрихт определяет как борьбу против «притязаний империалистических сил Западной Германии на исключительное представительство... на предотвращение стремлений представителей финансовой олигархии к диктатуре, которая создает себе юридические основы грубого подавления возможных демократических движений народа»¹⁷. Отвергая право немцев на самоопределение, которым апеллируют власти ФРГ, Ульбрихт обвиняет правительство Западной Германии в намерении просто присоединить граждан ГДР в результате народного референдума (это право власти ФРГ проигнорировали в 1989 г., просто присоединив к себе ГДР).

Научной аргументацией понятия «право на самоопределение» Ульбрихт называет право создания в ФРГ гарантий невозобновления очередной войны, ликвидацию там реваншизма и милитаризма. Он призывает все братские социалистические страны поддержать в этом позицию ГДР.

Не останавливаясь на защите ГДР и осуждении империализма в Западной Европе, Ульбрихт берет инициативу в свои руки и «выдвигает предложения, направленные на разрядку напряженности и нормализацию внешнеполитических отношений между обоими германскими государствами, на их урегулирование и мирное сожительство, на их сотрудничество по взаимно интересующим вопросам»¹⁸. И начать надо с признания обоих немецких государств во всех областях взаимоотношений – на право признания территории статус-кво, на право иметь представительство в ООН и другое. Оба государства должны отказаться распоряжаться ЯО и не иметь его на своей территории. Ульбрихт называет восемь пунктов, что должны сделать другие социалистические страны для поддержки позиции ГДР¹⁹:

¹⁶ Там же. Л. 124 (32).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 127 (35).

¹⁹ Там же. Л. 129–131 (37–39).

1. Демонстрацию солидарности с позицией ГДР во всех отношениях.
2. Равноправное участие ГДР во всех многосторонних переговорах.
3. Все переговоры по положению Варшавского договора проходят только вместе с ГДР.
4. Усилить солидарные выступления за участие ГДР в международных переговорах.
5. Нормализовать положение в Западном Берлине.
6. Признание всеми территориального статус-кво.
7. Отказаться от пропаганды «воссоединения» двух Германий.
8. «Воссоединение» возможно при выходе ФРГ из НАТО.

В последнем разделе уделено много внимания развитию в Западной Германии. Ульбрихта интересует, что происходит в ФРГ и что нужно ожидать Восточной Германии. Раздел сразу начинается с негатива, Ульбрихт здесь бесцеремонен: ситуация в ФРГ неустойчива везде. Сам политик и демократ, Ульбрихт акцентирует внимание прежде всего на митингах, протестах, финансовой олигархии в стране, кризисе ХДС/ХСС. И сходу ставит причинный диагноз: 1) социалистическая Германия положила предел империалистической монополии ФРГ; 2) требования ФРГ восстановления границ 1937 г. иллюзорны; 3) экономика ФРГ буксует, наступают «увольнения из-за отсутствия работы»; 4) форсирование вооружения усугубляет кризис, что приводит к трениям между США и ФРГ; 5) кризис внутри НАТО привел к отрезвлению союзников ФРГ по НАТО.

Ссылаясь на съезд ХДС в 1965 г., провозгласившим курс на «формированное общество», Ульбрихт подчеркивает, что в стране финансовой олигархией провозглашен курс на правительство «сильных личностей». И это обрекает на провал политику нынешнего канцлера Эрхарда. Крупная буржуазия (и концерн Круппа) объясняет господство «сильных людей» необходимостью навести «порядок». При этом председатель ХСС Штраус выдвигается как «человек будущего». Ульбрихт считает, что западногерманское население испытывает чувство неуверенности. Но оно еще не способно понять причины и последствия боннской политики, поэтому здравомыслящих людей в ФРГ еще меньшинство. Ульбрихт серьезно верит, что социалистическая Германия должна «превратить существующие ныне в Западной Германии объективные возможности... в политическую силу, довести до сознания трудящихся происходящие процессы развития и ... укрепить классовую сознательность рабочих»²⁰. Он убежден, что в лице союза ХДС/ХСС формируется новая фашистская партия, средняя буржуазия притесне-

²⁰ Там же. Л. 139 (47).

на олигархами и ограничена в классовой борьбе, которую хотела бы вести, но не может. Ульбрихт представляет союз ХДС/ХСС как «замаску» духовенства всех конфессий, различных общественных и политических течений, финансовой олигархии и милитаристов. Задачу ГДР Ульбрихт видит в просвещении западногерманской общественности. В ФРГ присутствуют сильные политические разногласия между СДПГ (социал-демократическая партия Германии), СвДП (свободная демократическая партия) и ХДС/ХСС (христианско-демократический союз/христианско-социалистический союз), неонацистской ННП (национальная партия Германии), что раздирает страну на противоречия.

В итоге Ульбрихт делает небольшие выводы по укреплению позиций социалистического лагеря и повторяет предложения из первого раздела.

Суть всего огромного письма к Брежневу – ставка на военную мощь СССР для сохранения государственности и территории ГДР, а потом вместе с ней и всего социалистического лагеря. Вместе с этим Ульбрихт показал себя наивным борцом за демократию во всем мире, ни разу не усомнившимся в том, что можно организовать рабочий класс ФРГ, который хочет бороться за свои пролетарские права, но пока не может.

Значение этого письма можно охарактеризовать не только как масштабная «подножка» всему международному научно-техническому социалистическому сообществу, но и как «мина замедленного действия», которая активировалась в 1991 г.: с конца 1966 г. многостороннее развитие МНТС СССР–ГДР (и между всеми соцстранами) можно считать обреченным. При курсе на милитаризацию социалистического альянса деньги из реформ Косыгина и из МНТС стали уходить в Министерства обороны. Несомненно, исторический опыт военных нападений на Россию и СССР, на другие восточно-европейские страны, учит всегда быть готовым дать отпор врагу, но этот же опыт в середине XX в. уже должен учитывать баланс внутренних экономических сил с целью правильно расставить приоритеты.

Брежнев ответил Ульбрихту 31 декабря 1966 г. письмом с грифом «Секретно» на 12 страницах, где обошел вопрос «достижения мирового уровня производства», но согласился с оценкой мировых событий, изложенных Ульбрихтом. Брежнев возглавил военный социалистический альянс, получил финансы для Министерства обороны, заключил в 1972 г. первый ОСВ-1 (международный договор о сокращении стратегических вооружений)²¹, стал первым

²¹ Текст договора ОСВ-1. URL: [http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/7a9472d3-0a01-01b2-002b-2cf89ea27f11/\[IS9NI_5-4\]_\[TS_02\].](http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/7a9472d3-0a01-01b2-002b-2cf89ea27f11/[IS9NI_5-4]_[TS_02].)

государственным лицом СССР, которого больше нет. ОСВ-1 от 1972 г. и МДРСМД 1987 г. не отличаются друг от друга по своей сути – это договоры о сокращении стратегических вооружений двух крупнейших в военном отношении мировых держав – СССР и США.

Ульбрихт создал программу экономического и социального развития всего ГДР на долгие годы вперед исключительно в интересах ГДР, игнорируя советскую экономическую систему, и в 1971 г. его «ушли» на пенсию по сценарию Хрущева: на XXIV съезде СЕПГ 30 марта – 9 апреля 1971 г. Первым секретарем Социал-демократической партии Германии (СЕПГ) был выбран Эрик Хонеккер, а 15–19 июня 1971 г. на VIII съезде СДПГ был выбран новый ЦК и Политбюро. Ульбрихт не смог жить без дела всей своей жизни и скончался в 1973 г.

Переписку Ульбрихта с Брежневым можно представить также как короткий диалог, выражающий главную суть эпистолярного контакта:

Ульбрихт – Брежневу: «Вы возьмете меч в свои руки и защитите нас?»

Брежнев – Ульбрихту (с радостью): «Да!».

Именно Ульбрихт дал Брежневу замечательный шанс стать реальным лидером всего социалистического лагеря, возглавив его оборону, милитаризовать СССР и все социалистические страны, стать организатором и инициатором договора с США о сокращении стратегических вооружений и «обойти» Косыгина А.Н. по популярности, предложив ему уже составленные программы к действию. И ответное письмо Брежнева Ульбрихту тому подтверждение.

Продолжение следует

Литература

Хаберл-Яковлева 2013 – Хаберл-Яковлева Г.А. «Справка для Косыгина»: из истории научно-технического сотрудничества между СССР и ГДР (1965–1970 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2013. № 10 (111). С. 147–156.

html ; История. РФ. ПРО и ОСВ-1. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/pro-i-osv-1>; История. РФ. Самый важный договор. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/samyi-vazhnyi-dogovor>

References

Haberl-Yakovleva, G.A. (2013), “ ‘An overview note for Kosygin’: From the history of scientific and technological cooperation between the USSR and the GDR (1965–1970) // *RSUH Bulletin. Series “History. Fiction Studies. Language Studies. Cultural Studies”*, vol. 111, no 10, pp. 147–156.

Информация об авторе

Галина А. Хаберл-Яковлева, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hagal@mail.ru

Information about the author

Galina A. Haberl-Yakovleva, fellow applicant for a PhD Degree in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; hagal@mail.ru

Вехи векового пути:
основные этапы истории
исторического образования
в ведущем вузе Республики Крым

Сергей Б. Филимонов

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия, filimonov.47@list.ru*

Аннотация. В статье характеризуются основные этапы 100-летней истории исторического образования в старейшем и авторитетнейшем вузе Республики Крым – бывшем Таврическом университете, образованном в 1918 г., в разгар Гражданской войны, и год спустя, в 1919 г., правительством генерала А.И. Деникина признанным «двенадцатым российским университетом», ныне – Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского. Содержатся сведения о судьбе архива Таврического университета, в котором в 1918–1920 гг. преподавали крупнейшие русские ученые, в том числе историки Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков, И.А. Линниченко, Арс.И. Маркевич. Перечислены выявленные автором статьи опубликованные в Крыму в годы Гражданской войны труды этих ученых, остававшиеся малоизвестными (они не значатся в изданных библиографических справочниках), указано современное издание, на страницах которого эти труды републикованы. Приведена информация об основных этапах истории исторического образования в крымском вузе в советское время, о кардинальных изменениях в системе исторического образования в крымском университете после развала СССР в 1991 г., о предпринимавшихся в 1992–2013 гг. энергичных попытках украинизировать вуз и, в этой связи, о непростой судьбе кафедры истории России.

Ключевые слова: Крым, Таврический университет, Крымский федеральный университет, историческое образование, украинизация, кафедра истории России

Для цитирования: Филимонов С.Б. Вехи векового пути: основные этапы истории исторического образования в ведущем вузе Республики Крым // История и архивы. 2020. № 1. С. 68–74. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-68-74

Milestones of the centuries-old path: the main stages of the history of historical education in a leading university of the Republic of Crimea

Sergey B. Filimonov

*Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol, Russia, filimonov.47@list.ru*

Abstract. The article describes the main stages of the 100 –year history of historical education at the oldest and most authoritative university of the Republic of Crimea – the former Tauride University, formed in 1918 at the height of the Civil War, and a year later, in 1919, recognized by the government of General A.I. Denikin as the “Twelfth Russian University”, now – the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. The paper contains information about the fate of the archives of the Tauride University – the university, in which, in 1918–1920, many prominent Russian scholars, including historians G.V. Vernadsky, B.D. Grekov, I.A. Linnichenko, Ars. I. Markevich, carried out their creative activity. Published in Crimea during the Civil War, the works of these scholars (they remain hardly known and do not appear in printed bibliographic directories) have been identified by the author of the article, they have been listed and there is a reference to the contemporary edition on the pages of which these works have been republished. The article presents information about the main stages in the history of historical education at the Crimean higher educational institution in the Soviet period, it also describes the cardinal changes in the system of historical education at the Crimean university after the collapse of the USSR in 1991, the paper explicates the vigorous attempts undertaken in 1992–2013 to Ukrainize the university and depicts, as a consequence of these attempts, the difficult fate of the Department of Russian History.

Keywords: Crimea, Taurida University, Crimean Federal University, historical education, ukrainization, department of Russian History

For citation: Filimonov, S.B. (2020), “Milestones of the centuries-old path: the main stages of the history of historical education in a leading university of the Republic of Crimea”, *History and Archives*, no. 1, pp. 68–74. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-68-74

Век назад, 1 (14) октября 1918 г., в разгар Гражданской войны, в светлый праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в Симферополе состоялось торжественное открытие Таврического университета, первого в Крыму вуза. Творцом «двенадцатого российского университета», каковым его признало в 1919 г. правительство генерала А.И. Деникина, стал первый ректор университета, ученый – анатом,

профессор Р.И. Гельвиг (1873–1920), а преподавателями – многие крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров бывшей Российской империи в «белый» Крым [Филимонов 2006]. Среди пяти факультетов университета был и историко-филологический. Деканом факультета стал авторитетный филолог профессор А.Н. Деревницкий, а на кафедре русской истории трудились видные и выдающиеся историки, профессора Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков (он был заведующим кафедрой), И.А. Линниченко, приват-доценты Арс.И. Маркевич и Н.Л.Эрнст. Общий курс русской истории читали Б.Д. Греков и Г.В. Вернадский; первый преподавал древний период, второй – новый.

Архив Таврического университета, представлявший громадный интерес для истории отечественной интеллигенции, науки и культуры, увы, погиб в годы Великой Отечественной войны. Однако на страницах крымских периодических изданий периода Гражданской войны, во множестве выходивших в 1917–1920 гг. (только газет издавалось около 150 наименований!), удалось обнаружить не только хроникальные заметки, позволяющие воссоздать недостающие страницы истории университета и существовавших при нем научных обществ (Математического, Педагогического, Хирургического, Общества изучения музыки, Общества философских, исторических и социальных знаний), не только информацию об участии профессоров в деятельности крымских научных организаций (Таврической ученой архивной комиссии, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Религиозно – философских обществ в Симферополе и Ялте, Литературного общества в Ялте), но и остававшиеся малоизвестными публикации (они не значатся в изданных библиографических справочниках) целого ряда корифеев отечественной науки. Среди авторов публикаций – историки Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков, И.А. Линниченко, Арс.И. Маркевич. Вниманию читателей предлагаю перечень этих публикаций. Статьи Г.В. Вернадского: «Академик А.С. Лаппо-Данилевский», «Памяти С.Ф. Платонова» (статья была вызвана поступившей в 1919 г. из Петрограда информацией о кончине академика С.Ф.Платонова, оказавшейся ложной), «Столетие военных поселений», «Дар Екатерины (к восстановлению памятника императрице Екатерине)», «Советский социализм и крепостное право», «Национальное творчество русского народа», «Английская революция в XVII веке», «Против солнца», «Французская книга о русской революции»; статьи Б.Д. Грекова: «Назревший пересмотр некоторых общих понятий в исторической науке», «Ученая и учебная деятельность А.С. Лаппо-Данилевского», «Задачи университетского преподавания»; статья И.А. Линниченко «Памяти Алексея Александровича Шахматова»; статьи Арс.И. Маркевича: «Памятник Екатерины Великой»,

«Насущные задачи нашей школы», «А.Л. Бертье-Делагард», «Из прошлого Симферополя: к 25-летию городских школ в Симферополе». Вышеперечисленные статьи, будучи уникальными памятниками русской исторической мысли периода великой российской смуты, представляют в наши дни большой научный и широкий общественный интерес. (Подробно об истории, историографии и источниковедении Таврического университета, а также републикацию остававшихся малоизвестными печатных трудов видных и выдающихся ученых, преподававших в вузе в 1918–1920 гг., см. [Филимонов 2010].)

В январе 1921 г., вскоре после того, как Крым стал советским, Таврический университет преобразован в Крымский университет имени М.В. Фрунзе. Вместо историко-филологического факультета образован факультет общественных наук, на котором вместо курса русской истории преподавалась (главным образом, трудами Арс.И. Маркевича) история Крыма. Впрочем, в 1922 г. факультет общественных наук был закрыт и заменен восточным факультетом, а в 1923 г. восточный факультет заменен педагогическим. Преподавание исторических дисциплин было сведено к минимуму.

В 1925 г. Крымский университет преобразован в Крымский государственный педагогический институт имени М.В. Фрунзе. В 1934 г., в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в институте появился исторический факультет с двумя кафедрами – истории СССР и всеобщей истории.

В 1941–1944 гг. Крымский пединститут находился в эвакуации в столице Дагестанской АССР Махачкале.

В 1951 г. в соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР об объединении факультетов и отделений педагогических и учительских институтов в Крымском пединституте появился историко-филологический факультет. В 1955 г., вскоре после передачи Крымской области в состав Украинской ССР, в программу подготовки историков был введен курс по истории Украины.

В 1971 г. в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования УССР в Крымском пединституте появился самостоятельный исторический факультет. В 1972 г. по случаю полувекового юбилея образования СССР Крымский пединститут был преобразован в Симферопольский государственный университет имени М.В. Фрунзе. Тогда же на историческом факультете, помимо ранее существовавших кафедр истории СССР и всеобщей истории, появляется кафедра истории Украинской ССР. А в 1976 г. кафедра всеобщей истории разделилась на две: кафедру истории древнего мира и средних веков и кафедру новой и новейшей истории.

В 1992 г., после распада Советского Союза, учебные планы и программы исторического факультета подверглись кардинальным изменениям. Ведущей кафедрой стала кафедра истории Украины. Был расширен ее штатный состав, на этой кафедре значительно увеличено количество учебных часов, лекционных курсов, семинаров, увеличился набор в аспирантуру. Наиболее «дальновидные» студенты, рассчитывавшие по окончании учебы сделать успешную карьеру (в науке, политике, государственной службе), стремились попасть на специализацию на кафедру истории Украины. В то же время кафедра истории СССР, преобразованная в 1992 г. в кафедру российской истории, испытывала большие трудности. Учебная нагрузка (и, соответственно, кадровый состав кафедры) значительно сократились, сократилось и количество лекций и семинаров. Кафедра истории древнего мира и средних веков и кафедра новой и новейшей истории пострадали меньше, но тоже потеряли немало учебных часов и располагали небольшим штатом преподавателей. В университетскую библиотеку перестали поступать российские издания – книги, учебники, хрестоматии, научная периодика. Поступала главным образом литература на украинском языке, содержащая зачастую далекие от объективности русофобские сочинения украинских историков. Интернет помочь не мог: в 1990-е годы компьютеры были еще малодоступны. Делу украинизации студентов Симферопольского госуниверситета серьезно мешала кафедра российской истории (в 1989–2002 гг. ее заведующим был профессор Н.Е. Дементьев, с 2003 г. – профессор С.Б. Филимонов).

В 1999 г. Симферопольский госуниверситет имени М.В. Фрунзе стараниями его нового ректора профессора Н.В. Багрова (ранее – многолетнего партийного функционера) был преобразован в Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского – выдающегося ученого, академика, в октябре 1920 – январе 1921 г. бывшего вторым (после Р.И. Гельвига) ректором Таврического университета. Процесс украинизации вуза был не только продолжен, но стал проводиться еще более энергично. Вся делопроизводственная документация в университете стала вестись исключительно на украинском языке. Преподавателям удалось отстоять лишь возможность проводить занятия на русском языке, да и то только потому, что этого требовали студенты. Впрочем, те единичные преподаватели, которые проводили занятия на украинском языке, администрацией поощрялись. И все это происходило, напомним, в русскоязычном и пророссийски настроенном Крыму. В 2007 г. ректор вуза Н.В.Багров получил звание Героя Украины. А в сентябре 2013 г. руководством университета проведена «реструктуризация» исторического факультета, в результате которой кафедра российской истории в качестве самостоятельного структурного подразде-

ления перестала существовать. Ее объединили с кафедрой новой и новейшей истории, которая стала называться кафедрой истории России, новой и новейшей истории. «Реструктуризация» была проведена администрацией кулуарно, без обсуждения с коллективом, и вызвала шквал недовольства со стороны и преподавателей, и студентов. Недовольство коллектива руководством университета было проигнорировано.

18 марта 2014 г. в соответствии с волеизъявлением крымчан Крым стал российским регионом. Перед руководством Таврического национального университета, полгода назад ликвидировавшим кафедру российской истории, встал вопрос о ее восстановлении. К решению этого вопроса немедленно и чрезвычайно энергично подключилась ... кафедра истории Украины. Опасаясь, что ее постигнет та же участь, что постигла кафедру истории СССР в 1992 г., а затем кафедру российской истории в 2013-м, коллектив кафедры, более 20 лет преподававший историю Украины по лекалам киевских властей, стал настаивать на том, чтобы кафедру истории Украины... переименовать в кафедру истории России. И только упорная воля маленького коллектива бывшей кафедры российской истории помогла выстоять в этом противостоянии. 7 апреля 2014 г., в день великого православного праздника Благовещения, на историческом факультете появилась новая (правда, почти с вековой историей!) кафедра истории России. Ее заведующим вновь стал профессор С.Б. Филимонов, а сотрудниками – весь коллектив бывшей кафедры российской истории. Что касается кафедры истории Украины, то она по собственной инициативе тогда же, в 2014 г., преобразовалась в кафедру исторического регионоведения и краеведения.

4 августа 2014 г. в соответствии с распоряжением Правительства РФ Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского был преобразован в Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (КФУ). В настоящее время на историческом факультете (декан – доцент А.Г. Герцен) Таврической академии (структурное подразделение КФУ) функционируют 5 кафедр: кафедра истории России – самая многочисленная по профессорско-преподавательскому составу (около 20 человек), обеспечивающая преподавание курса отечественной истории во всех структурных подразделениях КФУ (заведующий – профессор С.Б. Филимонов), кафедра истории древнего мира и средних веков (заведующий – доцент А.Г. Герцен), кафедра новой и новейшей истории (заведующий – профессор С.С. Щевелев), кафедра исторического регионоведения и краеведения (заведующий – профессор А.А. Непомнящий), кафедра документоведения и архивоведения (создана в 2015 г., заведующая – профессор Е.В. Латышева) [Сто лет служения 2018].

Литература

- Сто лет служения 2018 – Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского / Ред. Э.Б. Петрова. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. 356 с.
- Филимонов 2010 – *Филимонов С.Б.* Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 408 с.
- Филимонов 2006 – *Филимонов С.Б.* Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Издательский дом «Черномор ПРЕСС», 2006. 232 с.

References

- Petrova, E.B., ed. (2018), *Sto let sluzheniya nauke i prosveshcheniyu: istoricheskij fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [One hundred years of service to science and education: history department of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky], IT "ARIAL", Simferopol', Russia.
- Filimonov, S.B. (2010), *Iz proshdogo russkoj kul'tury v Krymu: poiski i nahodki istorika –istochnikoveda* [From the past Russian culture in the Crimea: the searches and finds of the source historian], N. Orianda, Simferopol', Ukraine.
- Filimonov, S.B. (2006), *Intelligenciya v Krymu (1917–1920): poiski i nahodki istochnikoveda* [The intelligentsia in the Crimea (1917–1920): searches and finds of a source], Izdatel'skij dom «Chernomor PRESS», Simferopol', Ukraine.

Информация об авторе

Сергей Б. Филимонов, доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; 295000, Россия, Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; filimonov.47@list.ru

Information about the author

Sergey B. Filimonov, Dr. of Sci. (History), professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Vernadskogo av., Simferopol, Russia, 295000; filimonov.47@list.ru

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-75-85

Античные образы в английской ренессансной историографии (на примере «Истории Генриха VII» Бернара Андре)

Елена Д. Браун

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при президенте РФ, Москва, Россия;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, braun-helen@yandex.ru*

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать античные образы, присутствующие на страницах «Истории жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре. Бернар Андре был удивительно интересным человеком. Несмотря на слепоту, он сумел сделать успешную карьеру при дворе Генриха VII Тюдора и получить как минимум три завидные должности – придворного поэта, королевского историографа и учителя наследного принца Артура. Анализ «Истории Генриха VII» показал – этот текст является прекрасным примером ренессансной риторики, античные мотивы служат основой, связующей нитью повествования. Бернар Андре использовал стереотипный набор греко-римских образов и метафор, зато делал это по-настоящему виртуозно. Античные мотивы позволяли ему расцветить банальный сюжет яркими красками, с такой «приправой» и проза, и поэзия звучали удивительно торжественно. Греко-римские образы и цитаты из античных авторов также давали поэту возможность изящно и незаметно для читателя заполнить пробелы в информации. Наконец, в высшей степени комплиментарный образ Генриха VII был прорисован в первую очередь с помощью емких, хорошо понятных аудитории сравнений с героями римской и греческой истории.

Ключевые слова: Бернар Андре, ренессансная историография, придворная культура, Генрих VII Тюдор

© Браун Е.Д., 2020

Для цитирования: Браун Е.Д. Античные образы в английской ренессансной историографии (на примере «Истории Генриха VII» Бернара Андре) // История и архивы. 2020. № 1. С. 75–85. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-75-85

Images of Antiquity in English Renaissance historiography (on the example of Bernard Andre's “History of Henry VII”)

Elena D. Braun

*Russian President Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, braun-helen@yandex.ru*

Abstract. This article analyzes the images of Antiquity used by Bernard Andre (1450–1522) in his “History of the Life and Accomplishments of Henry VII”. Bernard Andre was an extremely interesting person – he was blind but managed to make a successful career at the court of Henry VII Tudor. Andre received three enviable positions – of a court poet, a royal historiographer and the teacher of the Crown Prince. We can argue that Bernard Andre’s “History” is a perfect example of Renaissance thought – antique motives and metaphors were the basis, the connecting thread of this narrative. Bernard Andre used limited range of Greco-Roman images, but used them artfully. Images of Antiquity made his “History” sound proud and grand. Greco-Roman motives and quotation from ancient texts gave Andre opportunity to fill in information gaps. Finally, the extremely flattering image of Henry VII was created primarily by comparing the king with famous, familiar to the English audience, heroes of Roman and Greek history.

Keywords: Bernard Andre, Renaissance historiography, court culture, Henry VII Tudor

For citation: Braun, E.D. (2020) “Images of Antiquity in English Renaissance historiography (on the example of Bernard Andre’s ‘History of Henry VII’)”, *History and Archives*, no. 1, pp. 75–85. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-75-85

«История жизни и достижений Генриха VII» – уникальный и исключительно интересный текст. Внимание привлекает, прежде всего, личность его автора.

На первый взгляд, карьера Бернара Андре (1450–1522) была вполне рядовой «историей успеха» интеллектуала, сумевшего

добиться завидного положения при ренессансном дворе. К сожалению, мы располагаем лишь самой скудной информацией о первых 35 годах его жизни, т. е. о периоде до 1485 г. Известно, что Бернар Андре родился в Тулузе около 1450 г., получил степень доктора канонического и гражданского права и стал монахом Августинского ордена. На этом достоверные факты заканчиваются, оставляя широкий простор для догадок. В какой-то момент (исследователи называют неприлично большой промежуток в 14 лет – от 1471 г. до 1485) [Hobbins 2011, р. XIII] Бернар Андре присоединился ко двору будущего Генриха VII (1485–1509). В 1485 г. вместе со своим королем Андре прибыл в Англию, получил статус придворного поэта и прилагаемую к нему пенсию. Вершиной карьеры Бернара Андре стало назначение учителем наследника Генриха VII – принца Артура в 1496 г. В 1500 г. Андре был вынужден оставить свой пост. Претензий к его профессиональным или личным качествам не было, в процесс воспитания принца вмешалась высокая политика. В Англию вскоре должна была прибыть невеста Артура – дочь всемогущих правителей Испании Фердинанда и Изабеллы Кастильской. Союз был настолько важен и желанен, что четырнадцатилетнего мальчика поспешили объявить взрослым, а его образование – законченным. В качестве компенсации Бернар Андре получил новые доходы и пожалования, а также предложение написать историю правления своего венценосного покровителя [Sutton 2010, р. 5].

Стоит отметить, что при дворе Тюдоров функции придворного поэта и придворного историографа во многом совпадали – и в том, и в другом ценились прежде всего способности пропагандиста [Carlson 1988, р. 279]. К сожалению, Бернар Андре так и смог создать ничего достойного печати. «История жизни и достижений Генриха VII, могущественного и мудрого короля Англии и Франции, изложенная Бернаром Андре Тулузским, придворным поэтом и королевским историографом», большая часть которой была написана в 1500–1502 гг., так и осталась незавершенной [Sutton 2010, р. 5]. Любопытно, что, провалившись как историк, Бернар Андре не утратил монаршей благосклонности; по-видимому, за ним формально сохранился даже пост историографа. Андре продолжал получать новые пенсии и церковные пожалования и регулярно презентовал королю хронологические записи [Sutton 2010, р. 5]. Последние годы жизни Бернар Андре провел в удаленном от Лондона монастыре¹.

¹ Carlson D. Bernard André [Bernardus Andreas, d. 1522] [Электронный ресурс] // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com> (дата обращения 19 июня 2019)

О творчестве Андре современники отзывались по-разному. Эразм Роттердамский – с похвалой [Tournoy 1978, p. 45], а Томас Мор – с едким сарказмом. Мор назвал придворного поэта «невеждой», который «не соблюдал законов стиха, ... не блистал красноречием» и, к тому же, эксплуатировал избитые образы и сюжеты [More 1984, p. 377].

Эта уничижительная характеристика верна лишь отчасти. Для того чтобы полностью перевернуть наше восприятие, достаточно добавить всего одну деталь – Бернар Андре был слепым, или, как минимум слабовидящим. Почти наверняка он не был слеп от рождения; крайне трудно представить, что полностью лишенный зрения юноша мог успешно окончить университет в век, когда об инклюзивном образовании можно было только мечтать. Как бы то ни было, в Англию Андре приехал уже незрячим, об этом в «Истории» сказано вполне ясно². То, что человек с ограниченными возможностями смог сделать успешную светскую карьеру, факт по-настоящему уникальный и заслуживающий самого глубоко уважения.

Бернар Андре и его сочинение не обходят вниманием исследователей. О нем писали Дж. Гарднер, Д. Хоббинс, Д. Карлсон, Д. Саттон, Дж. Турнуа и др. [Gardner 2012, Hobbins 1997, Hobbins 2011, Carlson 1988, Sutton 2010, Tournoy 1978]. В России изучением наследия Андре углубленно занимается Д.В. Кирюхин, в 2017 г. им был опубликован перевод «Истории жизни и достижений Генриха VII» на русский язык [Андре 2017]. Тем не менее включать классический историографический обзор в данную статью вряд ли имеет смысл. Дело в том, что о биографии Андре и его «Истории» ученые фактически не спорят. Со времени первой публикации (т. е. с середины XIX столетия) исследователи, занимающиеся изучением правления Генриха VII, неизменно обращаются к работе Бернара Андре как к источнику фактической информации. Хотя, по меткому выражению Даны Саттон, труд Андре – не «история», это скорее «инструкция, перечень того, что лояльный подданный должен думать об исторических личностях и событиях» [Sutton 2010, 8]. В последние десятилетия «Историю Генриха VII» изучают преимущественно в рамках интеллектуальной истории и истории идей [Carlson 1988, Hobbins 2011, Кирюхин 2013]. В этом же направлении написана и данная статья.

Цель этой небольшой работы – проанализировать античные образы, присутствующие на страницах «Истории Генриха VII»

² *Andre B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*. 40 / Ed. by D.F. Sutton. Irvine: The University of California, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (дата обращения 19 июня 2019). Далее в тексте – Andre B. De Vita.

Бернара Андре. На первый взгляд, указанный выбор может показаться чрезмерно зауженным, однако, в «Истории Генриха VII» античная тематика занимает несообразно большое место. В частности, в поэтических опытах Бернара Андре (11 из которых он включил в текст «Истории»), имена античных богов, отсылки к мифологическим сюжетам и античные метафоры выступают как главный художественный прием. Для иллюстрации этого тезиса достаточно процитировать начальные строки первого же, вставленного стихотворного фрагмента «Истории» – «Сафической оды на первую победу короля»: «Приди, о муза, и расскажи о великих победах Короля Генриха VII. Приди на гибких струнах, о гармоничная Клио, и поведай о его победе и славе. Пусть твой хор поет о ней звонкими головами вместе с Фебом, пусть и твои лиры вступят, восхваляя короля до небес»³. Отмечу, что музы – очень частые гости на страницах «Истории». На 11 стихотворных вставок, общей длиной в 1979 слов, приходится 22 упоминания этих мифологических созданий (главки 40, 42, 47, 48, 50, 57, 58, 60, 67).

Безусловно, само по себе количество античных образов ни о чем не говорит, в конце концов, их частое употребление – это одна из особенностей придворной ренессансной поэзии. Применительно к «Истории Генриха VII» необходимо отметить еще одно обстоятельство – в ее тексте нет оригинальных метафор или ярких риторических находок, Андре использовал стандартный, стереотипный набор античных персонажей и метафор – Музы, боги Олимпа, самые известные греческие и римские политики и т. д. Возможно, эта ограниченность явилась следствием слепоты поэта, который вынужденно полагался на память; возможно Андре сознательно подстраивался под не слишком высокий уровень образования своих главных слушателей – придворных.

Итак, попытаемся понять, зачем Бернару Андре такое обилие античного антуража. Ответ стоит поискать в тексте «Истории». В качестве максимально яркого примера можно привести фрагмент оды, посвященной возвращению Генриха VII из Франции: «Аполлон должен в который раз направиться к пастбищу Адмета; но, поверьте мне, веселое лицо нашего повелителя снабдит нас светом в избытке. Феб, ты можешь идти»⁴. Здесь грубая, незамысловатая лесть звучит относительно приемлемо только благодаря обрамляющим ее античным мотивам. Рискну предположить, что в этом и состоял метод работы Андре. Содержание похвал, которыми придворный поэт осыпал своего ценного покровителя, было простым, даже незамысловатым, но пышные греко-римские одеяния успешно скрывали

³ *Andre B. De Vita*, 40.

⁴ *Andre B. De Vita*, 67.

лапидарность исходного материала. К тому же, по единодушному мнению исследователей вопроса, Андре всегда писал именно то, что его король желал услышать [Hobbins 1997, p. 62, Sutton 2010, p. 6, Carlson, 2019].

Хотелось бы подчеркнуть, Бернар Андре был человеком тонкого ума. В посвящении к «Истории» он с юмором и даже некоторым кокетством писал о собственных недостатках – это «мой посредственный талант и мое далеко не второстепенное стремление к славе», а в главке 60 и вовсе утверждал, что писал много т. к. «нет никого смелее на свете, нежели плохой поэт». Возможно, Андре просто не изнурял себя стараниями и избрал тактику, при которой максимальный результат достигался минимальными усилиями.

Вернемся к тому, как Бернар Андре использовал античные мотивы. Прежде всего, как уже было сказано выше, он делал это для придания тесту необходимой торжественности. Стоит отметить, в «Истории» античное и торжественное полностью совпадают. Праздники, битвы, речи «героев» – все преобразовывалось на античный лад. Например, в оде, посвященной рождению старшего сына Генриха VII принца Артура, Андре призывал: «Вплетите цветы в волосы, вы, англичане, и украсьте головы венками... Пусть и простой народ, и придворные поют торжественные гимны... А вы, отцы семейств со лбами, обвязанными лавровыми венками победителей, встаньте у алтарей, отправляя молитвы... Пусть сам гений придет, чтобы увидеть эти почести»⁵.

Любопытно, что реальные торжества Бернар Андре предпочитал не описывать. В частности, о коронации Генриха VII он поведал очень коротко: «В день, назначенный его советниками, король отправился в Лондонский Тауэр. Потребовалось бы слишком много времени, для того, чтобы рассказать, что именно делали дворяне, и какие ему воздали почести как военачальнику и герою. Но когда я узнаю больше об этих событиях, то напишу больше»⁶. Возможно, в этом случае поэт не лукавил. Анализ текста «Истории Генриха VII» позволяет предположить, что античные образы и цитаты из античных авторов (иногда довольно значительные по объему) могли использоваться Андре для заполнения информационный лакун. Например, если верить повествованию Бернара Андре, летом 1485 г. один из лидеров «партии» Ланкастеров граф Оксфорд произнес речь⁷, в которую от себя вставил всего несколько слов, а в остальном дословно воспроизвел главки 266–267 первой книги «Фарсалии, или поэмы о гражданской войне» Марка Аннея Лукана

⁵ *Andre B. De Vita*, 48.

⁶ *Andre B. De Vita*, 41.

⁷ *Andre B. De Vita*, 28–29.

[Hobbins 2011, p. XIX]. Думаю, Бернар Андре не слишком хорошо знал, что говорил граф Оксфорд (и произносил ли он речь вообще), цитата из Лукана придавала происходящему сценичность и удачно маскировала неосведомленность автора.

Наконец, античные метафоры позволяли Андре создавать емкие, узнаваемые образы. Например, в прологе Андре скромно замечает: «Гомер был также слеп». Вроде бы речь идет только о слепоте, но заданный этим сравнением сугубо комплиментарный облик автора «Истории» в сознании потенциального читателя создается.

Приведу еще несколько примеров. Образ злейшего врага Генриха VII – Ричарда III Йорка, которого Андре описал как тирана, негодяя и убийцу, был доведен до логического совершенства при помощи «животных» сравнений. Последний король из династии Йорков назван в «Истории» «змеем, вскормленным ядовитыми травами», «гирканским тигром» и «посвященным Марсу вепрем»⁸. Эдуард IV Йорк, напротив, сравнивался с Юпитером⁹, а его дочь Елизавета Йорк, ставшая супругой Генриха VII Тюдора, именовалась «дочерью Юпитера»¹⁰. Указанные сравнения призваны были напомнить, что Елизавета Йорк унаследовала династические права своего отца и тем самым подчеркнуть легитимность власти Генриха VII. Кроме того, Елизавета Йорк уподоблялась Диане. Тем самым поэт намекал на целомудрие королевы и желал супругам многочисленного потомства¹¹. В оде «Артуру на присвоение титула принца» поэт назвал Артура «жителем Пестума»¹². Напомню, что Пестум – это римский город на юго-западе Италии, в древние времена славившийся своими розами. Указанный эпитет отсылал слушателей и читателей к базовому для тюдоровской пропаганды мотиву – розы как эмблемы противостояния Йорков и Ланкастеров. В этой логике потомок и Ланкастеров, и Йорков принц Артур воспринимался как живой символ прекращения династических распрей.

Теперь имеет смысл обратиться к анализу античных мотивов, которые Бернар Андре использовал для создания образа своего покровителя – Генриха VII Тюдора. Для того, чтобы было понятно, отступал ли придворный поэт от истины, и если отступал, то в чем именно, вкратце напомню, каким остался в исторической памяти потомков Генрих VII. В 1485 г. Генрих Тюдор завоевал

⁸ *Andre B. De Vita*, 26.

⁹ *Andre B. De Vita*, 47.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Andre B. De Vita*, 50.

английский престол, выиграв битву при Босворте. Здесь сразу же необходимо сделать оговорку – к тому моменту будущий король не имел никакого опыта ведения военных действий, поэтому он просто присутствовал на поле боя, не сражался и не командовал войсками. Основатель династии Тюдоров не проявлял излишней воинственности – он больше никогда не участвовал в битвах и даже командование традиционно передоверял более опытным советникам. Правление Генриха VII не было спокойным, в Англии не раз происходили восстания, покой короля тревожили самозванцы. В народе, да и среди дворянства монарх непопулярен, так как вводил новые налоги и проводил реформы, нацеленные на укрепление королевской власти.

Если обратиться к античным образам, присутствующим в «Истории» Бернара Андре, картина выглядит совершенно иначе. Первое, что бросается в глаза – это подчеркнутое прославление военных и полководческих талантов Генриха VII. Андре неоднократно сравнивал короля с самыми прославленными воителями Античности: трижды с Цезарем (главки 1, 28, 67), дважды с Александром Македонским (главки 1–2), с Гектором (главка 2), с членом первого триумвирата и участником гражданских войн I в. до н. э. Помпеем Великим (главка 28).

Весьма любопытно уподобление Генриха VII императору Константину Великому (306–337). Андре писал: «Бог наказал их [мятежников] внезапной бурей, которая поднялась, как только они стали готовиться к битве; также было и когда Константин сражался с врагами церкви»¹³. Поэт искусно создает впечатление, что враги Генриха VII пошли против божьей воли, а победа короля приобретает религиозную окраску.

Если верить «Истории», Генрих VII имел репутацию короля-воина. В главке 68 мы читаем: «ты, самый непобедимый из королей, могущественный на воде и суше, пока сверкают ярко звезды на небесах, отражая лучи Феба, твоя вечнозеленая слава будет звучать гимном вовеки». Наконец, Бернар Андре прозрачно намекал, что все предыдущие военные свершения меркнут перед победами Генриха VII. Ода, которую Андре написал после разгрома войск самозванца Ламберта Симнела в 1487 г., открывается целым перечнем событий, не идущих ни в какое сравнение с произошедшим: «Пусть другие идут по проложенным многочисленными бардами путям, описывая пришествие ночи на Трою... Пусть они хвалят Гектора, фессалийскую колесницу Ахиллеса... Пусть поэт скорбит об убийстве Помпея египетским владыкой...»¹⁴ и т. д.

¹³ *Andre B. De Vita*, 56.

¹⁴ *Andre B. De Vita*, 57.

Бернар Андре также подчеркивал мудрость своего государя, уподобляя его Соломону¹⁵ и утверждая, что Генрих был «более мудрым, чем сам Сатурн»¹⁶. Андре обращал внимание читателей на просвещенность Генриха VII, его покровительство наукам и искусствам¹⁷, наконец, на финансовые таланты короля: «принц, чьи богатства превосходят сокровища Креза»¹⁸. Для крайне озабоченного наполнением казны и откровенно скуповатого Генриха VII сравнение с легендарным богачом должно было звучать особенно приятно.

Подведем итоги. Анализ «Истории Генриха VII» показал – этот текст вполне мог бы служить образцом ренессансной риторики, античные мотивы наполняют и прозаические, и поэтические фрагменты, являются основой, связующей нитью повествования. Бернар Андре использовал стереотипный набор греко-римских образов и метафор, зато делал это по-настоящему виртуозно. Античные мотивы позволяли расцветить банальный сюжет яркими красками, с такой «приправой» и проза, и поэзия звучали удивительно торжественно. Греко-римские образы и цитаты из античных авторов также давали поэту возможность изящно и незаметно для читателя заполнить пробелы в информации. Наконец, в высшей степени комплиментарный образ Генриха VII был прорисован в первую очередь с помощью емких, хорошо понятных аудитории сравнений с героями римской и греческой истории.

Литература

- Андре 2017 – *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII / Пер. и коммент. Д.В. Кирюхина. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Кирюхин 2013 – *Кирюхин Д.В.* «История жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре как пример политизированной истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИРАН, 2013. Вып. 42. С. 330–336.
- Carlson 1988 – *Carlson D.* Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // *Studies in Philology*. 1988. Vol. 85. No. 3. P. 279–304.
- Gardner 2012 – *Gardner J.* Preface // *Andre B.* Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. P. VII–LXIV.

¹⁵ *Andre B.* De Vita, 7.

¹⁶ *Andre B.* De Vita, 68.

¹⁷ *Andre B.* De Vita, 57.

¹⁸ Ibid.

- Hobbins 2011 – *Hobbins D.* Introduction // Andre B. The Life of Henry VII /Transl. and introd. by D. Hobbins. New York, 2011. P. III–LI.
- Hobbins 1997 – *Hobbins D.* The poet laureate as stabilizer: Bernard Ande and the Vita Regis Henrici Septimi // *Enarratio*. 1997. Vol. 4. P. 61–79.
- More 1984 – The Complete Works of Thomas More. New Haven: Yale University Press, 1984. Vol. 3, Part 2.
- Sutton 2010 – *Sutton D.F.* Introduction // Andre B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia. A hypertext critical edition / Ed. by D.F. Sutton. Irvine: The University of California, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (дата обращения 19 июня 2019)
- Tournoy 1978 – *Tournoy G.* Two poems written by Erasmus for Bernard Andre // *Humanistica Lovaniensia*. 1978. Vol. 27. P. 45–51.

References

- Andre, B. (2017), *Istoria zhizni i distizhenyi Genryha VII* [History of the Life and Accomplishments of Henry VII], Center for humanitarian initiatives, Moscow, Saint-Petersburg, Russia.
- Carlson, D. F. (1988), “Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin’s Embassy and Henry VII’s Humanists’ Response,” *Studies in Philology*, 1988, vol. 85, no 3, pp. 279–304.
- Gardner, J. (2012), “Preface”, in Andre, B., *Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta*, Cambridge University Press, Cambridge, New York, UK, USA, pp. VII–LXIV.
- Hobbins, D. (2011) “Introduction” in Hobbins, D. (ed.), *Andre B. The Life of Henry VII*, Italica Press, New York, USA, pp. III–LI.
- Hobbins, D. (1997) “The poet laureate as stabilizer: Bernard Andre and the Vita Regis Henrici Septimi”, *Enarratio*, vol. 4, pp. 61–79.
- Kiryukhin, D.V. (2013), “Istoriya zhizni i dostizhenii Genrikha VII’ Bernara Andre kak primer politizirovannoi istorii” [‘History of the Life and Accomplishments of Henry VII’ as the example of politicized history] *Dialog so vremenem. Al’manakh intellektual’noi istorii*. Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, no 42, pp. 330–336.
- The Complete Works of Thomas More* (1984), Yale University Press, New Haven, USA, vol. 3, part 2.
- Sutton, D.F. (2010) “Introduction” [Online], in Sutton, D.F. (ed.), *Andre B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*, The University of California, Irvine, 2010, available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (Accessed 19 June 2019)
- Tournoy, G. (1978) “Two poems written by Erasmus for Bernard Andre”, *Humanistica Lovaniensia*, vol. XXVII, pp. 45–51.

Информация об авторе

Елена Д. Браун, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия; Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, д. 82;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; braun-helen@yandex.ru

Information about the author

Elena D. Braun, Cand. of Sci. (History), associate professor, The Russian President Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskii av., Moscow, Russia, 119571;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; braun-helen@yandex.ru

УДК 37.016:2

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-86-94

О состоянии духовного образования в Таврической губернии в конце XIX – начале XX в.: историографический аспект

Елена Н. Гурьянова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elenagur@list.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать становление и развитие религиозного образования разных конфессий на рубеже XIX–XX вв. Будучи полиэтническим и разнообразным по вероисповеданию, современное общество республики Крым требует особого подхода к вопросам образования и воспитания. Автор дает краткий обзор архивных документов, описывающих различные аспекты религиозного образования в Крыму. Наиболее значимыми и влиятельными организациями, занимавшимися вопросами духовного образования являлись Крымская епархия, община караимов и мусульманские религиозные объединения, в частности крымско-татарские. Несмотря на то, что в первые годы установления Советской власти многие архивные документы были утеряны или уничтожены, фонды Государственного архива Республики Крым (ГАРК) позволяют получить представление о различных аспектах функционирования религиозных образовательных учреждений разных конфессий; их целях и задачах, отраженных в уставе; способах финансирования и управления; кадровой политике; особенностях организации и содержания учебного процесса. Изучение и применение исторического опыта, отраженного в архивных документах религиозных образовательных учреждений, позволяет учесть особенности мировосприятия людей разных конфессий, снизив тем самым межэтническую напряженность, что в свою очередь способствует обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: религиозные образовательные учреждения, архивные фонды, полиэтничность, церковно-приходские школы, караимы, мусульманское образование

Для цитирования: Гурьянова Е.Н. О состоянии духовного образования в Таврической губернии в конце XIX – начале XX в.: историографический аспект // История и архивы. 2020. № 1. С. 86–94. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-86-94

On the status of religious education
in the Tauride province
in the late 19th – early 20th centuries:
historiographical aspect

Elena N. Guryanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, elenagur@list.ru*

Abstract. The author tries to analyze the formation and development of religious education of different denominations at the turning-point of the 19th and 20th centuries. Being multi-ethnic and varied in religious beliefs Crimean society needs special approach to the problem of education. The author gives a brief description of historical sources dedicated to religious education in Crimea. The most significant and influential organizations dealing with spiritual education were the Crimean diocese, the Karaite community and Muslim religious associations, in particular the Crimean Tatar ones. Despite the fact that in the first years of Soviet power, many archival documents were lost or destroyed, the funds of the State archive of the Republic of Crimea (GARK) allow to get an idea of various aspects of the functioning of religious educational institutions of different communities including their goals and objectives reflected in the charter; methods of financing and management; personnel policy; peculiarities of organization and content of the educational process. Studying and adopting historical evidence, described in archives of religious educational bodies enables the researchers to understand the peculiarities of mentality of different ethnic groups and thus to cease the tension among them. This in turn contributes to the national security of the Russian Federation.

Keywords: religious educational bodies, archives, multi-ethnicity, parochial schools, Karaites, Muslim education

For citation: Guryanova, E.N. (2020), “On the status of religious education in the Tauride province in the late 19th – early 20th centuries: historiographical aspect”, *History and archives*, no. 1, pp. 86–94. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-86-94

В 2014 г. Республика Крым вошла в состав Российской Федерации на основании договора от 14 марта 2014 г., подписанного с целью юридического оформления присоединения Крыма к РФ. В связи с тем, что после распада СССР в 1991 г. единое образовательное пространство, существовавшее до того времени, было разрушено, представляется необходимым и важным изучение архивных фондов образовательных учреждений, в частности, этноконфессиональных. Поликультурное пространство современного Крыма требует обобщения опыта религиозного образования, широко распространенного в конце XIX – начале XX в. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью выработки адекватных стратегических решений по управлению учреждениями народного образования. Несмотря на то, что религии отделены от государства согласно Конституции РФ, влияние религиозных объединений на современное общество остается очень высоким. Необходимо осмыслить исторический опыт деятельности различных религиозных организаций по обучению и воспитанию подрастающего поколения и определить место этих организаций в культурной и социальной жизни современного Крыма.

К сожалению, главной проблемой исследователя, который занимается вопросами функционирования религиозных образовательных учреждений в Крыму, является недостаточность исторических источников дореволюционного периода. Связано это с тем, что в первые годы установления Советской власти в Крыму многие архивные материалы были уничтожены, и это, как отмечает В.В. Прохоров, оказалось крайне неблагоприятным для отечественного архивоведения. В связи с закрытием и разорением различных бывших государственных организаций и учреждений ряд архивов оказались брошенными или даже утерянными.

Вполне резонно, что одной из задач, возникших перед молодым государством, стало сохранение архивных фондов от уничтожения и расхищения. По этой причине уже в конце 1920 г. Крымский революционный комитет принял решение о восстановлении деятельности Центрального областного архива.

В 1923 г. НКВД Крыма принимает постановление о предоставлении Крымцентрархиву сведений обо всех архивах, находившихся в ведении различных учреждений и предприятий дореволюционного периода, а также архивах ликвидированных, эвакуированных или брошенных их прежними владельцами. Кроме того в случае выявления незаконного хранения и использования архивных документов, правоохранительным органам следовало немедленно сообщать в Крымцентрархив с целью обследования найденных документов. В особых случаях допускалось немедленное изъятие архивных материалов сотрудниками милиции и арест лиц, подозреваемых

в их незаконном хранении, покупке и продаже. В выпущенной инструкции указывался примерный перечень материалов, подлежащих немедленному изъятию, в том числе данные о развитии науки и образовании [Прохоров 2017, с. 1–8].

Результатами источниковедческого исследования делится И.С. Башкова. Она приводит примеры фондов, которые наиболее полно отражают состояние культуры в Таврической губернии. Наибольшей информационной ценностью, по ее мнению, обладает «Канцелярия Таврического губернатора» (фонд 26). Социально-экономическая история не только одной губернии, но и всей Российской империи на рубеже XIX–XX вв. предстает перед историком, изучающим материалы фонда 26. Основу этих материалов составляют дела об открытии и содержании как русских, так и национальных учреждений начального образования, а также специальных училищ и гимназий (ф. 2464, 7299, 16311, 15392, 26161, оп. 1, 1817–1874, 1603, 1847, оп. 2, 1882–1884) [Башкова 2017, с. 1–8].

Согласно документам, в XIX в. образовательная система представляла собой интегрированное целое, объединяя приходские училища (однолетние), уездные училища (двухлетние), гимназии (четырёхлетнее образование), университеты.

Синица Д.А. и Лыкова Н.Н. описывают принцип единой школы, по которой строилась школьная система Российской империи. Это значит, что выпускники приходского училища, например, не могли поступить в университет, минуя обучение в гимназии. Такая система обеспечивала единый непрерывный образовательный процесс. Более того, в соответствии с нормативно-правовыми актами государства, образовательная система полуострова была полностью интегрирована в общенациональную образовательную систему [Синица, Лыкова 2018, с. 49–53].

Анализ источников показывает, что этноконфессиональное образование в Таврической губернии находилось на высоком уровне, удовлетворяя запросы представителей разных конфессий. Наибольшую роль в становлении и развитии светского образования играли православная церковь Крымской епархии, образовательные организации общины караимов и учебные заведения крымских татар.

Новикова Е.В. приводит обзор материалов по истории начальных и средних учебных заведений Крыма конца XIX в. (А.Л. Громачевский, И. Михневич, Д. Мышкин, П. Татаринов и др.). Авторы этих исторических записок, как правило, директора школ и гимназий, кратко описывают историю возникновения учебного заведения, его устав, приводят статистические данные по составу учащихся и преподавателей. Эти материалы представляют ценность, как первые попытки упорядочить и проанализировать историю отдельных учебных заведений [Новикова 2012, с. 130–134].

Д.А. Прохоров подробно описывает архивные материалы ГАРК (Государственный архив Республики Крым, г. Симферополь), относящиеся к истории становления и развития традиционных конфессиональных образовательных учреждений караимской общины, а также государственных учреждений народного образования. В рамках заявленной тематики наиболее значимыми он считает фонды 100, 101, 103, 104, 212, 241, 450, 546. В качестве иллюстрации ученый приводит фонд 450 «Александровское караимское духовное училище Управления учебными заведениями Таврической губернии» (АКДУ). В фонде хранятся важные документы, позволяющие воссоздать историю первого караимского духовного училища, находившегося в ведении Министерства народного просвещения.

Помимо собственно проекта открытия училища (1894–1895 гг.), в архивных материалах можно найти различные циркуляры, ежегодные отчеты АКДУ (1890), протоколы заседаний попечительских и педагогических советов (1907 г.), протоколы избрания членов попечительского совета, запросы. Финансовую деятельность отражают сметы на постройку здания училища, информация благотворителях, жертвовавших деньги на содержание училища, ведомости на выплату жалования учителям. В делах фонда хранятся показывающие социальную значимость духовного образования для караимов приглашения депутатам общин на торжественную церемонию открытия Александровского караимского духовного училища, приветственные телеграммы от гостей. Интересными представляются сведения о кадровой политике училища, рекомендации учителей, личные дела учащихся, сведения об успеваемости, прошения о приеме и отчислении, учебные программы (1894–1920 гг.). В училище поступали дети, блестяще окончившие двухгодичную начальную школу (мидраш), где они обучались чтению на древнееврейском и переводу Торы на караимский язык. В училище же помимо богословский и светских наук обучали и ремеслам. Кроме того, в делах фонда имеются и другие делопроизводственные документы: формулярные списки, классные журналы, свидетельства (аттестаты) об окончании училища (1902–1920 гг.), деловая переписка должностных лиц по вопросам управления училищем, бухгалтерские документы [Прохоров 2016, с. 422–445].

Огромную духовно-просветительскую роль в крымском обществе играла православная церковь. Благодаря деятельности православного духовенства создавались и развивались церковно-приходские школы, имевшие хорошее материально-техническое оснащение, соответствующее санитарно-гигиеническим нормам того времени. Учебно-методическая база церковно-приходских школ способствовала получению населением качественного начального образования. Приоритетным направлением стало

религиозно-нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Во второй половине XIX – начале XX в. главной задачей деятельности Крымской епархии в области образования стало не только воцерковление населения и повышение нравственности, но и поднятие интеллектуально-культурного уровня жителей Крыма. Во внеурочное время священнослужителями проводились дополнительные занятия по учебным предметам, а также благотворительные мероприятия и литературные вечера, способствовавшие интеллектуальному и творческому развитию воспитанников. В целом, содержание учебно-воспитательного процесса учебных заведений под эгидой Крымской епархии имело религиозную, гуманитарно-языковую направленность [Шкарлат 2016, с. 12–25].

Исследователь Акишева М.С. отмечает, однако, что духовенство, осуществлявшее процесс обучения, подвергалось серьезной критике со стороны педагогов и публицистов земства. Имея обязательства по исполнению треб, ведению метрических записей, а также сбору статистических сведений, священнослужители не могли полностью отдаваться педагогическому процессу, что делало его недостаточно эффективным. Поэтому в качестве учителей в церковно-приходские школы привлекались и светские лица, что, в свою очередь, вызывало недовольство главы епархии. При этом признавалась необходимость педагогического образования [Акишева 2018, с. 1–6].

К концу XIX в. количество мусульман в Российской империи стало значительным, что потребовало особой политики в отношении данной конфессии, в частности, на первый план вышел вопрос об организации специальных образовательных учреждений.

Решение правительства от 26 марта 1870 г. «Об особых правилах относительно инородцев – христиан и татар-магометан» установило принципы функционирования мусульманских школ в стране и методы контроля над ними. Крымские татары всегда уделяли большое внимание образованию своих детей. По данным ученых, уже в средние в. просвещение в Крыму было народным. При мечетях, практически в каждой деревне, учреждались низшие мусульманские школы (мектебе), учителем в которых был имам или приглашенное лицо, и поэтому грамотность была всеобщей. Одновременно с развитием национального языка, шло развитие и национального самосознания. Высшие школы (медресе) значительно отличались от существовавшей государственной системы народного образования. Например, экзаменов и определенных сроков обучения не существовало. В отсутствие контроля широко пропагандировались антигосударственные настроения. Именно поэтому в конце 90-х годов XIX в. генерал-губернаторы Одесский и Таврический отстаивали

курс на подчинение мусульманских школ правительственному контролю [Тюкова 2011, с. 100–104].

Особое место занимает просветительская деятельность крымско-татарской интеллигенции. Идеи Исмаила Гаспринского также оказали огромное влияние на формирование национального самосознания крымских татар. Провозглашались идеи модернизации исламского общества: применение прогрессивного педагогического опыта, создание единого тюркского литературного языка, подготовка научно-педагогических кадров, усиление гражданской активности и изменение общественного положения мусульманских женщин. Исторически закономерным представлялось создание единого культурно-образовательного пространства, объединяющего тюркские и других мусульманских народов в с русским народом. Один из основных принципов, лежащих в основе мировоззрения И. Гаспринского, заключался в том, что ученый не противопоставлял научной и социальный прогресс и религию. Считая религию важной частью культуры народа, он, в то же время выступает против догматизации и фанатичного ее толкования. В свете этих идей очевидно, что представители мусульманского духовенства в качестве педагогов перестали удовлетворять образовательные потребности советского общества.

Таким образом, мы кратко рассмотрели основные составляющие религиозного образования в Крыму в конце XIX – начале XX в. Представляется необходимым более глубокое изучение вопросов этноконфессионального образования в Республике Крым. Современное состояние общества, к сожалению, выдвигает на передний план проблему национальной и религиозной идентичности. В условиях распространения экстремизма и радикализма среди молодежи именно социокультурные институты, формируя ценностные основы общества, обеспечивают его духовную целостность, безопасность и стабильность [Вакулова, Гарас, Маковская 2014, с. 61–65]. Именно поэтому так важны любые исторические источники, позволяющие оценить успешный опыт в решении вопросов этноконфессионального образования и выработать решения по его интеграции в образовательное пространство современной России.

Литература

- Акишева 2018 – Акишева М.С. О состоянии церковно-приходских школ Таврической губернии в конце XIX – начале XX в. // Научный вестник Крыма. 2018. № 2 (13). С. 1–6.
- Башкова 2017 – Башкова И.С. Фонд 26 «Канцелярия Таврического губернатора» как исторический источник по социально-экономическому развитию Крыма

- в XIX в. (по материалам государственного архива Республики Крым) // Научный вестник Крыма. № 1 (6). 2017. С. 1–8.
- Вакулова, Гарас, Маковская 2014 – *Вакулова Т.В., Гарас Л.Н., Маковская Д.В.* Особенности религиозной идентичности крымчан в контексте национальной безопасности России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 61–65.
- Новикова 2012 – *Новикова Е.В.* Историография народного образования в Крыму // Вопросы духовной культуры – исторические науки. Симферополь: Крымский научный центр НАН України і МОН України, 2012. С. 130–134.
- Прохоров 2017 – *Прохоров В.В.* Организационно-правовые основы деятельности архивных учреждений Крыма (1923–1924 гг.) // Научный вестник Крыма. 2017. № 6 (11). С. 1–8.
- Прохоров 2016 – *Прохоров Д.А.* Материалы по истории караимов в фондах государственного архива республики Крым // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. 2016. Вып. 21. С. 422–445.
- Синица, Лыкова 2018 – *Синица Д.А., Лыкова Н.Н.* Становление и развитие системы образования в Крыму во второй половине XIX – начале XX в. Грамота [Тамбов]. 2018. №2 (10). С. 49–53.
- Тюкова 2011 – *Тюкова Е.В.* Организация контроля над системой образования в исламской среде Российской империи в конце XIX – начале XX в. // XV Царскосельские чтения. Т. 3. 2011. С. 100–104.
- Шкарлат 2016 – *Шкарлат Л.П.* Образовательная деятельность православной церкви в Крымской епархии (1895–1917). Автореф. ... дис. канд. пед. наук. Ульяновск, 2016. 26 с.

References

- Akisheva, M.S. (2018), “About status of church-parish schools in Tavric province in the end of 19th – the beginning of the 20th centuries”, *Nauchnyy vestnik Kryma*, vol. 13, no. 2, pp. 1–6.
- Bashkova, I.S., (2017), “Fund 26 ‘Office of the Taurian Governor’ as the historical source on social and economic development of the Crimea in the 19th century (on materials of the public office of the Republic of Crimea)”, *Nauchnyy vestnik Kryma*, vol. 6, no. 1, pp. 1–8.
- Novikova, Ye.V., (2012), “The historiography of the public education in the Crimea”, in *Voprosi dukhovnoy kul'turi – istoricheskiye nauki* [Issues of spiritual culture – History sciences], Crimean scientific center of NAS of Ukraine and MES of Ukraine, Simferopol', Ukraine, pp. 130–134.
- Prokhorov, D.A., (2016), “Materials in Karaites' history in the Collections of the State Archive of the Republic of the Crimea”, in *Materialy po arkheologii, istorii, etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tauria], Issue 21, pp. 422–445.
- Prokhorov, V.V., (2017), “Organizational-legal basis of Crimean archives (1923–1924)”, *Nauchnyy vestnik Kryma*, vol. 11, no. 6, pp. 1–8.
- Sinitsa, D.A., Lykova, N.N., (2018), Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniya v Krymu vo vtoroi polovine 19 – nachale 20 veka [Formation and development

- of the educational system in the Crimea in the second half of the 19th – at the beginning of the 20th century], *Gramota* [Tambov], vol. 2 (10) pp. 49–53.
- Shkarlat, L.P. (2016), “Educational activity of Orthodox church in Crimea diocese (1895–1917)”, Abstract of Ph.D. dissertation, Ul’yanovsk, Russia.
- Tyukova, Ye.V., (2011), “The system of control over Islamic education in The Russian Empire in the end of 19th – the beginning of the 20th century”, in *15th Tsarskosel'skiye chteniya*, vol. 3, pp. 100–104.
- Vakulova, T.V., Garas, L.N. and Makovskaya, D.V., (2014), “Features of religious identity of Crimea citizens in the context of national security of Russia”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 14, pp. 61–65.

Информация об авторе

Елена Н. Гурьянова, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elenagur@list.ru

Information about the author

Elena N. Guryanova, fellow applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; elenagur@list.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 005.92:004

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-95-114

Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в.

Виктория Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе (Париж, Франция),
prozorovaviktoriya@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены проанализированные в историографии явные и неочевидные факторы, способствовавшие в XX в. успеху или неудаче внедрения модели Национального архива в странах, бывших колониями или провинциями европейских империй (Марокко, Сенегал, Вьетнам, Ливан, Польша, Эстония, Финляндия, Болгария) с разной степенью развития архивной теории и методики.

Используя материалы некоторых книг и статей по истории национальных архивов, а также изучив законы и декреты этих стран об архивах, и отчеты о работе архивных учреждений, автор нашел несколько критериев, необходимых для обеспечения успеха при создании эффективных национальных архивов. Эффективность Национального архива по мнению автора заключается в наличии у него сети подчиненных местных учреждений, органов разработки и внедрения методики и национальной архивной политики, а также в регулярном и репрезентативном комплектовании и широком использовании документов по истории страны. Наиболее важными критериями являются предварительное существование в стране центральных или министерских архивов, передача методики, основных элементов теории и организационных приемов от метрополии к местным властям и создание в момент обретения независимости или предварительное наличие в колониальный период корпуса местных квалифицированных кадров архивистов.

Автор попытался изучить, насколько международное архивное сотрудничество и обмен информацией и методическими и нормативными документами являются полезными и эффективными при создании Нацио-

нальных архивов, и какие их формы организации Национального архива являются оптимальными для использования.

Ключевые слова: Национальный архив, Эстония, Финляндия, Франция, Бельгия, Болгария, Ливан, Марокко, Сенегал, Вьетнам, Польша, Россия, архивное законодательство, международное сотрудничество

Для цитирования: Прозорова В.Б. Национальный архив Франции – возможности и проблемы заимствования его модели другими странами в XX в. // История и архивы. 2020. № 1. С. 95–114. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-95-114

French National Archives: the probability of setting up its model in other countries in the 20th century

Victoria B. Prozorova

*Magazine “Herald of archivist” in Europe, Paris France;
prozorovaviktoriya@gmail.com*

Abstract. This article deals with the implicit or explicit factors in the historiography that led in the 20th century either to the success or failure of a National Archives model implementation in some of the former colonies and provinces of the European empires (Morocco, Senegal, Vietnam, Lebanon, Poland, Estonia, Finland, Bulgaria) whose archival theory and methodological principles were developed with different degrees.

Using the material of some books and articles on the history of National Archives, having scrutinized the national laws and decrees on archives and taking into account institutional reports, we have found several criteria that should be taken into account so as to ensure success when creating efficient national archives. The author considers that the effectiveness of a national archives is set in the existence of the network of subordinated local institutions, in the presence of the establishments that prepare and implement the methods and the national policy of archives, and also in the regular and representative acquisition of the most important documents in national history and in their wide communication.

The most important criteria are the previous existence in the country of central or ministerial archives, the transfer of methodology, essential elements of theory and organizational skills from the metropolis to the local authorities, and the creation (when acquiring independence) or the previous existence (during the colonial period) of local skilled bodies of archivists.

An attempt has been made to find out if the international archival cooperation or the information, regulation, methodological and normative document exchanges have proved to be useful and effective in the creation of a national archives and what is the best frame to organize the latter.

Keywords: National Archives, Estonia, Finland, France, Belgium, Bulgaria, Lebanon, Morocco, Senegal, Vietnam, Poland, Russia, archival laws, international cooperation

For citation: Prozorova, V.B. (2020), “French National Archives: the probability of setting up its model in other countries in the 20th century”, *History and Archives*, no. 1, pp. 95–114. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-95-114

Введение

В 2018 г. мы отметили 100-летие создания Архивной службы России. Хочется пожелать и отрасли, и всем ее учреждениям, и сотрудникам долгих лет и творческих успехов. Невольно вспоминается, как предостережение, еще один недавний юбилей: в 2008 г. архивная общественность Франции пышно отмечала 200-летия «временного» переезда Национального архива в комплекс его «исторических зданий» во дворце Субиз, а уже 11 ноября 2009 г. архивная отрасль была, по мнению многих архивистов во Франции и за ее пределами, обезглавлена упразднением выросшего из Национального архива Управления архивов Франции (DAF) и созданием на его месте Межминистерской архивной службы (SIAF) с меньшим кругом полномочий в составе Главного управления национальных достояний. Пока сложно оценить последствия этого акта, нацеленного на оптимизацию управленческих структур в рамках «Программы общего пересмотра государственной политики» (RGPP), для архивной системы Франции. В архивную систему в нашем понимании входят архивная отрасль и занятые архивным делом учреждения частного сектора, корпус законов, подзаконных актов и нормативно-методических документов, организующих их деятельность и персонал, осуществляющий эту деятельность. В архивной системе Франции Национальный архив остается если не ключевым (с этим согласны не все французские архивисты, считающие «несущей конструкцией» архивной системы страны сеть департаментских архивов), то, безусловно, самым заметным и влиятельным внутри страны и за ее пределами учреждением. Поэтому неудивительно, что наиболее часто из опыта Франции заимствовали в XIX и XX вв. идею и принцип организации «Национального архива», а после 1979 г. – «Закон об архивах», по праву считающийся лучшим в мире. Но если о заимствовании архивного законодательства Франции известно многое, то опыт заимствования модели Национального архива не столь изучен. В подтверждение этого тезиса приведем цитату из книги Альбера Мбана 2007 г. «Проблемы архивов в Африке, а когда будет решение?»: «Очевидно, – пишет

А. Мбан, – никто не озаботился узнать почему же Национальные Архивы во франкоязычной Африке остались в этом зачаточном состоянии, почему они постоянно делают лишь первые шаги?» [Мбан 2007, р.72]. Эти «первые шаги», более или менее успешные в разных странах на разных континентах заслуживают серьезного изучения, тем более, что, как отметили видные болгарские архивисты Е. Петрова и С. Петкова, стоявшие у истоков современной архивной отрасли Болгарии, «общественные обстоятельства не повторялись как в зеркале, а действующие лица не были какими-то пешками, принимающими все одно к одному?»» [Петрова and Петкова 2014, р. 43]. Скажем несколько слов и о тех моделях организации отрасли и ее главного учреждения, которые заимствуются.

Национальный архив в архивной системе Франции

Многие архивисты начинают излагать историю архивов во Франции, в Бельгии с 1789 г. Французская революция заложила основы современной архивной отрасли во Франции, Бельгии и, в значительной степени, Швейцарии. Но чтобы такой скачок мог произойти на волне революционных изменений, архивоведение – архивные наука и практика, – должны были накопить определенный опыт. Поэтому историю архивоведения смело можно вести с XVIII в., который многие авторы называют «архивным».

Французская система «исторического архивоведения» сложилась в экстремальную эпоху войн и революций. Национальный архив, так же, как и многие музеи и библиотеки, вырос из нескольких хранилищ, куда свозили остатки «проклятого прошлого, отмеченные следами королевского деспотизма», чтобы защитить их и от вандализма толпы, и от слишком утилитарного, экономического подхода новой власти. В 1830–1840-е гг. рожденные революцией исторические музеи и архивы становятся настоящими инструментами политики национального примирения, принимают исследователей, продолжая принимать на хранение свидетельства истории своей страны, для которых в Национальном архиве создается по хронологическому принципу новое отделение «Административная секция». Именно ее сотрудники Н. де Вайи и Л. Гадеблед сформулируют принцип единства фонда в знаменитом циркуляре 1841 г.

Архивная система Франции адекватно функционировала до начала документного бума времен Первой мировой войны, пока из документного фонда отбирались бумаги «на уничтожение», а основная его часть становилась архивным. Именно тогда возникла и была оправдана априорная оценка всех вновь создающихся документов как архивных. Но когда из-за документного бума и беспрецедент-

ного увеличения количества дублей и копий пришлось перейти от «отбора на уничтожение» к «отбору на хранение», представление об архивах, как о национальном достоянии, созданное в рамках «концепции национального достояния» и являвшееся основным аксиологическим компонентом французской архивной системы, постепенно перестало быть адекватным ситуации. В 1920–1965 гг. шел поиск новых форм отбора документов на хранение (работа с источником комплектования, участие в организации его делопроизводства, попытка вернуться к перечням и создать центры промежуточного хранения). Эта попытка успехом не увенчалась, о чем, в частности свидетельствовал отход от принципа единства фонда после 1965 г., и только массовая информатизация и рецепция англо-саксонского «управления документами» (recordsmanagement) привели к творческому переосмыслению ведущей роли принципа единства фонда в управлении ретроспективной информацией, к созданию недостающих во французской архивной системе компонентов – архивов для новых носителей и для источников о жизни общества – нотариальных и частных фондов. Французская архивная система пережила период методического застоя благодаря общей стабильности ситуации во Франции. Но объективные характеристики этой системы (отсутствие методических связей между текущими ведомственными и историческими архивами, отход от принципа единства фонда) делали ее малоприспособленной для заимствования – копирования странами, переживающими кризис, что и показал опыт стран Африки. Хотя именно «концепция национального достояния» сделала французскую архивную систему привлекательной для заимствования молодыми государствами-нациями, она же стала одной из причин провала внедрения «национальных архивов» в Африке. Интересно, что Национальный архив был для архивистов Франции настолько привычным элементом системы, что он даже не упоминается в знаменитом Законе об архивах 1979 г., его статус и структура никак не уточняются, он упомянут лишь в ст. 5 декрета № 79-3710 к этому закону. А первые французские декреты о статусе структурных подразделений Национального архива связаны с его разделением на несколько центров в 1996 г., во исполнение рекомендаций доклада Г. Бребана [Braibant 2006.].

Россия – заимствование или особый путь

Источники и литература по вопросу общего и отличного, заимствований и связей в построении архивных отраслей России и Франции полно проанализированы в монографии Е.В. Старостина и Т.И. Хорхординой «Архивы и революция» [Старостин,

Хорхордина 2007], которая в большой степени была отправной точкой наших размышлений о заимствованиях в других странах. Действительно, в судьбе архивов свергнутых режимов, «бывших» элит, в экономической оценке значимости документов можно найти много общего.

О родстве двух архивных систем говорит и то, что они успешнее всего работали в условиях плановой экономики – СССР и французской V Республики. Различие двух этих систем, по сути, охранительных и основанных на континентальном европейском праве происходит, из большей выраженности и устойчивости в советской архивной системе некоторых процедур и подходов к организации документального наследия, которые уже практиковались и во Франции. Например, на пике революции созданные национальные архивы Франции и России комплектовались конфискованными фондами бывших элит, но советское архивоведение не знало массовой реституции документов их владельцам, как во Франции после 1816 г. Мы допускаем, исходя из хронологии создания центральных архивов и органов руководства в двух странах, известную степень влияния французской модели на советскую, но подчеркнем два существенных их отличия:

- в России создается не «Национальный архив» как одно юридическое лицо с одним руководителем, а несколько «секций», имеющих статус юридических лиц – «центральных архивов», с чуть большей, чем французские секции, методической свободой во внутренней организации своих работ;
- при этом органы руководства архивной отраслью никогда не были подразделениями центральных архивов, не «вырастали» из них, как во Франции, а создавались одновременно с «секциями», как отдельные и вышестоящие юридические лица.

Запомним отличия потому, что архивисты других стран, изучали и сравнивали и советский, и французский опыт, искали в этих моделях и общее, и отличное.

И французская, и российская (особенно советская) архивная система на протяжении своей истории часто были, по признанию зарубежных коллег, объектами заимствования или хотя бы изучения с целью заимствования. Но в историографии по этому вопросу поражает один идеологический перекося: если о недостатках – как собственных, оставшихся спецификой нашей архивной отрасли, так и экспортированных в другие страны, – советской архивной системы написано довольно много после 1991 г., то о недостатках архивной системы Франции написано очень мало – из франкоязычных работ можно назвать только отдельные статьи Ш. Кечкемети и М.-А. Шабен, а также книгу Б. Дельмаса «Общество без памяти» [Delmas 2006], – словно бы международное архивное

сообщество присоединилось к обету молчания, обязательному для архивистов Франции как государственных служащих. Хотя понять, как в рамках одной страны и доктрины одновременно были созданы лучшее в мире архивное законодательство и один из самых малоэффективных национальных архивов, было бы интересно не только французам, но и всем, пытающимся заимствовать хотя бы один из этих элементов.

Заимствования XIX в., о которых нельзя не упомянуть, мы оставили за рамками статьи: во-первых, в XIX в. исторические процессы шли медленнее, чем в XX в., во-вторых, хотя идея «национального архива» и национальной истории всегда сопровождает зарождение государства-нации, но катализатором заимствований были наполеоновские войны, когда очень многие «изобретения» Французской революции распространились по Европе: гражданский кодекс, учение о правах человека, идея музея. Однако, поскольку Наполеон строил Империю, имперский исторический дискурс, в Национальный архив Франции свозили документы со всей Европы, а идея национального архива не получала поддержки для распространения в завоеванных странах.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в многонациональных Швейцарии и Бельгии идея национального архива не прижилась. В завоеванной французами Швейцарии «Национальный архив» не вырос из архива Гельветической республики из-за сильных децентрализаторских устремлений кантонов, уже в 1803 г. вернувших своим архивам большинство полномочий. В Бельгии при французском владычестве сначала была создана сеть архивов, аналогичных департаментским, а после 1815 г. один из этих «провинциальных» архивов, имеющий самые старые документы и наибольший объем фондов, а также находившийся в «историческом» управленческом центре, постепенно вырос в 1815–1830 гг. до Центрального, затем Главного. Но Главный архив независимой Бельгии создавался Л.-П. Гашаром частично «по образу и подобию» Национального архива Франции: с точки зрения и структуры (секции и невыделенные структуры управления отраслью) и нормативно-правовой базы (долговременное преобладание в нормативно-правовой базе регламентов над законами), но при полном и обоснованном несогласии с дроблением фондов по тематическим сериям. Можно ли говорить о заимствовании идеи научного учреждения, если отбрасывается методическая сердцевина, суть его деятельности? Скажем только, что самобытную организацию архивной отрасли Бельгии, построенную в 1830–1880 гг. Л.-П. Гашаром, высоко оценил Д.Я. Самоквасов в докладе «Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России» (1899), а вопрос

о степени влияния зарубежного опыта на бельгийские архивы довольно сложен. Да и Национальный архив Франции в начале XIX в. еще не обрел в истории архивов своего места, еще не стал родиной принципа единства фонда.

Предлагая рассмотреть заимствования модели Национального архива Франции в XX в., мы попытаемся понять, почему же французская модель национального архива осталась привлекательной и во второй половине XX в., когда принцип единства фонда повсеместно вошел в практику, и явственно обнаружились недостатки модели и архивной системы Франции. XX век выбран для анализа еще и потому, что через это бурное столетие проходят два достаточно сходных длительных процесса: в Европе создание на обломках старых империй независимых государств-наций и за пределами Европы деколонизация, в ходе которой государства либо создаются, либо обретают независимость.

Общий контекст заимствования в странах Африки и Азии

Прежде чем рассмотреть опыт заимствования французской модели Национального архива франкоязычными странами Азии и Африки, подчеркнем, что здесь личный лингвистический горизонт исследователя удачно совпал с объективными границами двух различных имперских традиций управления колониями – британской и французской. Британская традиция управления через компании была прагматичной, минималистской и потребительской, но оставляла местным элитам больше свободы. Французская традиция «прямого управления» возникает при проникновении Франции в Сенегал после 1816 г. и заключается не только в управлении колониями как административно-территориальной единицей метрополии (что выразилось в разделении Алжира на департаменты), но и во внедрении на зависимых территориях методов управления и корпуса чиновников метрополии. Салиу Мбе, директор архивов Сенегала, в докладе в Школе хартий в 2004 г. положительно оценил влияние этой практики на формирование корпуса архивистов и архивной отрасли Сенегала [Maïe 2004. p.1]. Об этих традициях и их влиянии на архивное строительство точно отметил в докладе «Африка и Европа» 2009 г. Ш. Кечкемети. По его мнению, «прямое управление» Францией своими колониями, когда практика и документирование, и управления архивами копировалась с метрополии, а политики и чиновники принадлежали к французской управленческой культуре и не воспринимали критично «французскую модель», привела к тому, что после обретения

независимости местные элиты ограничились ее копированием. Именно поэтому, считает Ш. Кечкемети, в странах франкоязычной Африки была воспроизведена автономия – независимость архивов МИД и военного ведомства от Национального архива, – хотя именно здесь ее можно было избежать, и она не была ничем исторически обусловлена. Ш. Кечкемети полагает, что избалованные французской опекой колониальные элиты не смогли создать ни национальных государств, ни национальных архивов, тогда как и то, и другое лучше получилось у бывших британских колоний [5]. Возможно, проблемы со строительством национального государства и формированием национальной идеи, а заодно и национального архива, связаны не с качеством подготовки национальных элит, а с фиктивным характером самой государственности ряда африканских стран, где под оболочкой «государств-наций», имитирующих страны Европы, сохранилась клановая или племенная структура. Положительную оценку «прямого управления» дал в своей книге и архивист из Конго, эксперт ЮНЕСКО Альберт Мбан, написав, что «развернутый аппарат инспекций и часто обновляемый корпус инспекторов позволили децентрализовать управление колониями и придать большую свободу решений чиновникам на местах» [Mban 2007, p. 31].

Приведем также мнение А. Мбана, что при организации архивной отрасли колонии Франции копировали как метрополию, так и друг друга. В работе 2007 г. А. Мбан пишет, что «моделью устройства» структур управления французской черной Африкой – Федерации западной Африки (АОФ) и Федерации экваториальной Африки (АЕФ) была Федерация индокитайского союза». Управления архивами и библиотеками в колониях самого различного статуса – от протектората до департамента, – созданы практически я везде до Первой мировой войны. Создается и нормативная база – в 1909 г. была принята номенклатура исходящих документов колоний Французского Конго [Mban 2007, p. 35], к 1913 г. разработаны схемы классификации для архивов всех уровней от генерал-губернаторства до округов [Mban 2007p. 39]. Очевидно, сеть территориальных архивов была создана и готова к налаживанию отношений с источниками комплектования, но эта еще хрупкая система была сметена «Архивной революцией» времен Первой мировой войны, и затем, деколонизацией. Рассмотрим конкретные примеры сначала стран Африки, затем Азии.

Марокко

В Марокко в эпоху французского протектората была в 1920 г. создана «Генеральная библиотека и архив» (BGA) протектората с полномочиями в отношении всей совокупности письменного наследия страны. Королевским указом 1926 г. именно Генеральная библиотека комплектовалась «управленческими архивами», а затем организовывала их использование. Но когда Генеральная библиотека стала по закону 1932 г. комплектоваться обязательными экземплярами, это привело к быстрому заполнению площадей хранения и их нехватке, несмотря на сужение в 1944 г. и в 1955 г. архивной компетенции Библиотеки.

Постепенное избавление Библиотеки от функций комплектовшегося архива позволило ей в 1950-х гг. развернуть работу по описанию и изданию арабских рукописей из ее фондов. Но с обретением независимости проблема организации архивов центральных учреждений встала особенно остро, и в 1968 г. полномочия по организации архивной отрасли были возложены на Генеральный секретариат правительства. Это решение открыло период ведомственности, первым признаком окончания которого можно считать декрет 1980 г. об обязательном государственном хранении архивов учреждений юстиции [Essoulami 2010, p.3].

Решающую роль в унификации и прозрачности правил доступа к архивам сыграла созданная королевским указом в 2004 г. для расследования периода репрессий 1970-х гг. в правление Хасана II «Инстанция справедливости и примирения» (IER). Работая с архивами политических репрессий, ее специалисты констатировали неравномерность существующих правил доступа и серьёзные пробелы в архивном законодательстве, в модернизации которого по французской модели они участвовали самым активным образом [Essoulami 2010, p. 3].

В принятом новом законе об архивах 20 декабря 2007 г., в отличие от Франции, Национальному архиву Марокко придан статус самостоятельного – пусть и не научного, учреждения (ст. 26 гласит «Архив Марокко является юридическим лицом и имеет финансовую автономию»), и четко прописаны его полномочия (ст. 26 «хранить национальное архивное наследие и обеспечивать формирование, хранение, организацию и выдачу публичных архивов в управленческих, научных, социальных или культурных целях»). Предполагалось, что он станет руководящим учреждением отрасли. Фактически система руководства отраслью еще не отлажена: кроме Совета управления Архивами Марокко в 2013 г. создан Национальный совет архивов, – с полномочиями, теоретически

позволяющими ему вырасти в орган межведомственной координации архивной политики страны.

Национальный архив был торжественно открыт в присутствии историографа Королевства 9 июня 2013 г. («национальный» день архивов в Марокко празднуют 30 ноября), специально приурочив церемонию к Международному дню архивов, чтобы подчеркнуть стремление марокканских архивистов приобщиться к мировому опыту. Из-за многолетней традиции распределения фондов между архивами и библиотеками, медресе и мечетями, объем Национального архива при его создании был небольшим – всего 2 погонных километра. Структура Национального архива была следующей: 2 секции – историческая (XV–XX вв.) и современная, с документами французского и испанского протекторов¹ [Essoulami 2010, p. 4]. Национальный архив активно использует международные стандарты, успешно создает научно-справочный аппарат, ведет программы по оцифровке, участвует во внедрении СЭД и хранения электронных архивов в центральных учреждениях, но он сталкивается с серьезными сложностями в организации работы с источниками комплектования. В ожидании принятия декретов к закону 2007 г. Национальный архив в 2007–2011 гг. как бы «висел в воздухе» некоторое время: он имел право по закону требовать защиты «своих» интересов от ущерба, наносимого нерадивыми источниками комплектования, но конкретные механизмы влияния на них и организации этой защиты, как и во Франции до 1936 г., не существовали.

Автор отчета о проведении в жизнь закона об архивах Саид Эсулами прямо называет важнейшей задачей архивной отрасли страны централизацию управления и концентрацию фондов в крупных хранилищах [Essoulami 2010, p.9]. Предлагается также создать по примеру Франции специальное учреждение для хранения и популяризации аудиовизуальных архивов [Essoulami 2010, p. 22]. Считая, что Марокко отстало от других стран, поздно ставших независимыми, С. Эсулами пишет: «современные демократии преодолели стадию организации и обеспечения сохранности» архивов [Essoulami 2010, p. 29]. Он также рекомендует расширить полномочия архивов Марокко для комплектования государственных архивов документами частного происхождения [Essoulami 2010, p. 24–25], потому что при финансовых сложностях ждать появления сети частных архивов не приходится.

Национальный архив появился в Марокко довольно поздно – в 2013 г., но его появление ознаменовало собой очередной шаг

¹ La Tribune (2013) «Ouverture au public des Archives nationales à Rabat» [Online] / AFP – 11 juillet 2013. Available at: <https://lnt.ma/ouverture-au-public-des-archives-nationales-a-rabat/> (Accessed 20.07.2019).

в построении национальной идентичности и поэтому не стало преждевременной и чужеродной прививкой, как в некоторых других бывших колониальных странах Африки. Как и везде, личный вклад первого директора Джаама Байда в судьбу Национального архива очень велик. Архивная отрасль идет путем догоняющей модернизации, копируя как крупные удаchi (закон об архивах 1979 г.), так и некоторые ошибки (автономия военных архивов, несколько консультативных инстанций вместо сильного руководства отраслью) архивов Франции.

Сенегал

В Сенегале создание Национального архива было самым успешным в Западной Африке, в силу ряда причин, которые историография архивного дела этой страны объединяет под общим названием «сенегальского исключения». Перечислим основные слагаемые этого «исключения» и успеха, в порядке их появления на исторической сцене.

Напомним, что краткий промежуток времени от наступления календарного XX в. до начала Первой Мировой войны был временем, когда ряд скандалов привлек внимание французской общественности к судьбе культурного наследия страны: в 1907 г. депутат Л. Пеш заявляет в Национальной ассамблее, что у него находятся оригиналы из архивов колониальной администрации французской Африки. Годом позже скандал возник вокруг вывоза в Германию археологических находок, в 1911 г. из Лувра исчезла малоизвестная тогда Джоконда, но эта атмосфера тревоги за исчезающее национальное достояние способствовала принятию в декабре 1913 г. «Закона о памятниках истории», надежно защитившего самые разные исторические источники. Архивы не были ни в центре скандала, ни в центре внимания законодателей, уже отказавшихся от принятия нового закона о них в 1904 г., потому что в этот промежуток времени практически во всех центральных учреждениях и в значимых местных структурах метрополии работают канцелярии, делопроизводство и текущие архивы содержатся в порядке. Именно на фоне этого порядка, который будет через несколько лет сметен документным бумом Первой Мировой войны, небрежное ведение архивов колоний и стало скандалом. Поэтому уже 1 июля 1913 г. указом генерал-губернатора Западной Африки создается сеть архивов в восьми колониях Западной Африки, для которых шартист Клод Фор разработал схему классификации. Первым сенегальским «исключением» является то, что архив в Дакаре хранил фонды, касающиеся общего управления всеми колониями Западной Французской

Африки, и сумел, поэтому, приобрести еще до независимости опыт работы в качестве центрального архива, по отношению к архивам других территорий этой колонии. Как показывают примеры Бельгии в составе Нидерландов и Вьетнама в составе Индокитая, такой опыт всегда является очень ценным для главного архива страны.

Второе исключение состоит в том, что вопреки принципу суверенитета, из Сенегала, по настоятельному совету Ж.-Ф. Мореля, возглавлявшему архивную службу колонии, не был вывезен находившийся там фонд Французской Западной Африки (АОФ). Третье «исключение», тесно связанное с ним, состоит в том, что, уйдя из Сенегала, Франция оставила этой стране не только фонд АОФ, но и плеяду талантливых шартистов для работы с ним.

Четвертым сенегальским «исключением» можно назвать прекрасно налаженную систему передачи опыта и компетенций между архивами Франции и Сенегала. Французские архивисты не просто работали с фондами «общего достояния» АОФ, но и передавали свой опыт сенегальским коллегам, участвуя в создании в 1967 г. становлении «Школы библиотекарей, архивистов и документалистов» (EBAD) Дакара. С самого своего создания EBAD поддерживала тесные связи со Школой Хартий, которая также была альмой-матер и для нескольких сенегальских архивистов, например, Сейду Мадани Си [Maie 2004]. Кроме того, сенегальцы традиционно стажировались во Франции на Международном архивном техническом стаже (STAI).

Наконец, пятое и очень важное «сенегальское» исключение является также исключением из-из правила традиционной слабости архивной власти во французской модели архивной системы. По ордонансу 31 марта 1959 г. «Служба Национального архива» Сенегала перешла в подчинение Генеральному секретариату правительства страны и получила следующие полномочия: описание и хранение и организация использования архивов государства и государственных структур, в том числе законодательного корпуса, комплектование и использование фондов управленческой и исторической библиотеки правительства. С 1962 г. в Национальный архив поступают и документы органов юстиции, для которых установлен 50-летний срок ведомственного хранения. В 1977 г. новый руководитель архивной отрасли С. Мбе добивается создания полноценного Управления архивов, которому подчиняется Национальный архив и архивы регионов, и возглавляет его в течение 28 лет, расширяя и укрепляя нормативную базу и методические основы его деятельности в стране, а также международные связи за ее пределами. Укреплению архивной власти безусловно способствовали принятие законов об архивах 1981 г. и 2006 г. Оба закона используют формулировки и основные положения французского

закона об архивах 1979 г., но закон 2006 г. вводит присягу соблюдения архивистами профессиональной тайны и регламентирует работу с управленческими документами и защитой персональной информации в духе действующего французского законодательства. Позволим себе высказать соображение, что из всех пяти составляемых сенегальского успеха несущим элементом отрасли и ключом к ее успешному функционированию является именно получивший качественное образование на протяжении как минимум двух поколений корпус архивистов.

Вьетнам

Колонии Франции в Индокитае начали организацию своих архивов позже, чем африканские. Шартист и ориенталист Поль Буде создал Департамент архивов, как только получил должность архивиста, при поддержке губернатора в 1917 г. Уже в 1918 г. вышло подготовленное П. Буде постановление генерал-губернатора «об организации архивных учреждений: Центрального архива в Ханое, Архива южного губернатора в Сайгоне, Архива резидента средней части Вьетнама (Чунгки) в г. Хуэ (феодалная столица), Архива верховного резидента Камбоджи в Пномпене, Архива верховного резидента Лаоса во Вьентьяне». Следующий этап наступил в 1926 г., когда были созданы «Окружные отделы по архивному делу и библиотекам, непосредственно подчинявшиеся руководителям округов». Итак, в период руководства П. Буде были созданы четыре архивных центра – в Ханое, Пномпене, Сайгоне (Хошими-не) и Хуэ и, по мнению Чьен Ван Кьонга, «таким образом, в стране сложилась система центральных и местных архивных учреждений» [Чьеу 2008 с. 48].

Примечательно, что П. Буде одновременно создавал систему центральных и местных библиотек и добивался планомерного применения в Индокитае закона об обязательном экземпляре, так, как его понимали тогда во Франции. Но, в отличие от Марокко, эта его деятельность не создала перекося в полномочиях архивов и библиотек, каждая сеть комплектовалась только профильными ей документами и грамотно обрабатывала их.

Не дождавшись от шартистов метрополии современного методического пособия по обработке архивов, П. Буде опубликовал в 1934 г. свой «учебник архивиста» [Boudet P. 1934] – ясный и четкий, ни на йоту не отступающий от принципа единства фонда.

На момент создания независимого государства, во всяком случае, во Вьетнаме оказалась и достаточно развитая сеть архивов, и компетентный персонал для проведения срочных мероприятий по

их спасению, и вьетнамский шартист Нго Динь Нью, возглавивший в 1946 г. департамент по архивному делу и библиотекам.

Национальный архив Вьетнама имеет три «секции» – центральные архивы, два из которых были созданы при активном участии архивистов Франции в межвоенный период, и хранят документы с эпохи феодализма (XV в.) до середины XX в. (1945 г. или 1954 г.), а также архив, хранящий документы независимых Вьетнамских республик. В эпоху новых информационных технологий были созданы архивы, специализированные на хранении документов на новых носителях – кино- фоно и фотодокументов, научно-технической и геологической документации. Их работу организуют два центра сквозной специализации, созданный в 1993 г. «Центр обеспечения сохранности и реставрации документов» и в 2002 в. «центр информационных технологий» [Левченко 2009, р. 214–215]. Архивисты Вьетнама опирались при создании научно-справочного аппарата на методические рекомендации и опыт работы под руководством П. Буде, а его схема классификации и сегодня используется для архивов колониального периода Вьетнама и Камбоджи.

Ливан

Архивное, как и все государственное строительство Ливана было прервано гражданской войной, но некоторые выводы о первых этапах этого строительства чрезвычайно интересны по двум причинам:

Во-первых, Ливан формулирует свою архивную политику во время документного бума 1920-х гг. Во-вторых, строительство Ливанской архивной отрасли опиралось на советы немецких (Д. Экхард и Г. Франц), итальянских (Ж. Антонелли) и французских (Б. Дельмас), т. е. проповедавших европейскую архивную доктрину, экспертов ЮНЕСКО.

Создание архивной политики Ливана проходит за весьма краткий период времени, начавшийся в 1920-е гг. Но и здесь мы наблюдаем те же этапы, например, ведомственности. О. Месейке пишет, что новое государство стало быстро бюрократизироваться после принятия Конституция 1926 г. и создания высших и центральных учреждений. Тогда декрет 1929 г. возложил обязанности хранения «важных документов, касающихся управления Ливаном», фактически, архивов правительства, на Министерство Финансов [Messeiké 1983, р. 18]. Напомним, что и во Франции органы финансового контроля одними из первых озаботились сохранением управленческих документов и организовали свои архивы. Архивисты Ливана попытались отвести на эту стадию, занявшую во Франции более века, всего 40 лет, и в 1962 г. попы-

тались создать декретом от 25 мая 1962 г. «Службу центральных архивов государства», а также пересмотреть методы классификации текущих дел и архивов в центральных учреждениях. Проект предусматривал очень короткие сроки ведомственного хранения (3 года в подразделении и 5 лет в центральном архиве министерства), а затем концентрацию документов всех министерств в «центральной службе», фактически, центре хранения промежуточных архивов министерств [Messeiké 1983, p. 20]. Очевидно, краткость сроков ведомственного хранения и стала, на этапе «ведомственности» одной из основных причин провала проекта создания центра промежуточных архивов.

В 1974 г. по инициативе О. Мессейке был подготовлен проект декрета о создании при Совете министров Управления архивами. Для подготовки выполнения этого декрета и создания системы профессионального архивного образования как раз и привлекались видные зарубежные архивисты – эксперты – Г. Франц из Германии и Ж. Антонелли из Италии. Оригинально, что согласно их рекомендациям, архивисты Ливана сначала хотели создать Управление архивами, а потом собрать документы из ведомств и создать центральные государственные архивы. Но в архивной сфере типичные для любой молодой государственности попытки быстрого создания центральных учреждений закончились неудачей.

Для нас важно не то, почему остался на бумаге проект создания центра промежуточного хранения архивов центральных учреждений (полагаем, из-за очень коротких сроков ведомственного хранения), но те причины, по которым не сработал и проект создания национального архива Ж. Антонелли. Приведем интересную оценку проекта Ж. Антонелли Омаром Мессейке: «Документы, подготовленные Ж. Антонелли очень точны и хорошо разработаны с точки зрения теории и доктрины, но они не принимают в расчет рост территории Ливана и его документальной продукции, а также того факта, что полноценная и сложная архивная организация не может быть насаждена извне, но должна являться результатом опыта прожитой работы и научных разработок в самой стране, опирающихся, однако, на международную литературу по данному вопросу» [Messeiké 1983, p. 21].

Сходную оценку дал О. Мессейке и рекомендациям Б. Дельмаса: «Доклад Дельмаса рекомендовал некоторое число мер, которые только страна, имеющая хорошо развитую сеть архивов, собственную архивную литературу и традицию, а также многочисленный научный персонал, владеющий наукой и техникой, могла бы реализовать» [Messeiké 1983, p. 20]. На настоящем этапе знакомства с историографией для нас открытым остался вопрос, насколько неудачи в создании эффективного Национального архива обуслов-

лены отсутствием «национального согласия». Но не будем забывать, что и Ливан к тому же многоконфессиональное государство, где «конфессионализм» стал принципом государственного устройства.

Выводы по странам Африки и Азии

Изучение опыта создания Национальных архивов в странах Африки и Азии привело экспертов-архивистов к нескольким интересным выводам. Ш. Кечкемети в докладе «Африка и Европа» пишет, что «солидные архивные системы смогли укорениться лишь в ограниченном числе стран: Сенегале, Буркине Фасо, Ботсване, Гане»². Мы полагаем, что в последнее десятилетие к этому списку можно добавить и Марокко. Но осознали ли мы, – задается вопросом А. Мбан, – что опыт [внедрения] Национальных архивов во франкоязычной Африке оказался провалом? [Мбан 2007, р. 72]. В заключительных главах своей первой книги А. Мбан квалифицирует «национальный архив» как тормоз в становлении архивной отрасли в Африке. По сути, он отстаивает идею соблюдения исторической последовательности формирования архивной отрасли, невозможности «перескочить через этап». А. Мбан считает, что архивное дело во франкоязычной Африке выйдет из тупика, если будет создана разветвленная сеть сильных ведомственных архивов. Надо было начинать именно с их организации и развития, а не создавать Национальный архив только потому, что таковой был у метрополии [Мбан 2007, р. 136–138].

Ш. Кечкемети также считает, что ситуация с архивами стран Африки, получивших независимость во второй половине XX в., сравнима с ситуацией с архивами их метрополий – Франции и Англии – в конце XVIII – начале XIX в., когда «колоссальные массы архивов» прежних режимов соседствовали с рассеянными по всей стране архивами центральных учреждений³. Таким образом, на страницах своих книг два международных архивных эксперта, работавших в Африке, каждый в своих терминах констатируют невозможность «перепрыгнуть» через исторический этап преобладания ведомственных архивов в развитии отрасли и создать «под ключ» эффективно работающий Национальный архив.

² *Kecskemeti Ch.* Possibilités et limites des emprunts au système d'archives des anciennes métropoles par les pays anglophones et francophones d'Afrique. 2009. р. 2 [*Кечкемети Ш.* Возможности и границы заимствования архивных систем бывших метрополий странами англоязычной и франкоязычной Африки] (личный архив автора).

³ *Kecskemeti Ch.* Ibid. P. 1.

Архивы безусловно должны стать одним из ключевых элементов в борьбе с «организацией невежества», надеется Ш. Кечкемети, но, чтобы они могли сыграть эту роль, им придется опираться на традиции устных архивов и активно участвовать в преодолении таких структурных проблем Африки, как неграмотность. Эту серьезную для многих архивов Африки проблему иллюстрирует пример большинства действительно хорошо задуманных мероприятий Национального архива Марокко «для широкой публики», которые разбиваются об узость образованной, и просто умеющей читать прослойки населения: в 2008 г. среди взрослых марокканцев было лишь 56,4% грамотных, а среди молодежи 76, 6% [Balafrej and Canavaggio 2011, p. 135].

Выводы по франкоязычным странам Азии

Сложности, которые пережили Ливан, Вьетнам и Камбоджа в XX в., вполне сопоставимы по их разрушительному влиянию на архивную отрасль. Но неудачи Ливана объясняются затянувшимся периодом ведомственности, вызванным отсутствием центрального архива колониальных властей и несостоявшейся передачей архивных компетенций местным элитам в колониальный период. В Индокитае архивная система в целом и национальные архивы развивались более гармонично по ряду причин. Сеть архивов и корпус местных архивистов стали формироваться еще в колониальный период. Отметим заслуги французской архивной школы и персонально П. Буде в формировании архивной отрасли Камбоджи и Вьетнама. О высоком профессионализме архивистов Индокитая 1930–1940 гг. говорят и современный объем фондов национальных (центральных) архивов этих стран – 2 погонных километра для Камбоджи и 30 погонных километров для Вьетнама, и тот факт, что национальные архивы обеих стран до сих пор используют схему классификации П. Буде, строго соблюдающую принцип единства фонда. Более того, благодаря методической бдительности, творческому применению теории архивов и организаторскому таланту П. Буде, его последователей, архивоведение Индокитая устояло под натиском второй архивной революции, не отступив от принципа единства фонда. Высокий уровень подготовки архивистов Вьетнама позволил им, после 1945 г., переориентировавшись с французского на советское архивоведение, гармонично развивать нормативную базу и научно-справочный аппарат, заимствовать понятие о едином государственном архивном фонде, адаптировать архивную отрасль страны к новым технологиям, не нарушая базовых принципов архивоведения.

Отметим, сравнивая опыт Марокко и Ливана со странами, находившимся под прямым управлением, благодаря которому передача компетенций между элитами метрополии и колонии происходила быстрее, чем в случае с непрямым управлением по британском типу, иногда способствовал более быстрому и успешному в последующем строительству национальной архивной отрасли.

Продолжение следует

Литература

- Левченко 2009 – *Левченко Л.* Особливості функціонування інтернет-сайтів архівних служб країн Південно-Східної Азії // Архіви України. 2009. № 3–4. С. 213–226.
- Петрова and Петкова 2014 – *Петрова Е., Петкова С.* Михаил Стойков Алексиев и приносят му за архивното дело в България: по повод на 110 годишина от рождението му // Архивен преглед. 2014. № 1. С. 7–44.
- Старостин, Хорхордина 2007 – *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М.: РГГУ, 2007. 198 с.
- Чъеу 2008 – *Чъеу Ван Кыонг.* Развитие системы государственного управления архивным делом во Вьетнаме // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 48–50.
- Balafrej and Canavaggio 2011 – *Balafrej A., Canavaggio P.* Vers un droit d'accès à l'information publique au Maroc : étude comparative avec les normes et les meilleures pratiques dans le monde / Par Perrine Canavaggio, conservateur général honoraire du patrimoine, et Alexandra., experte en communication. UNESCO. Rabat, 2011. 143 p.
- Boudet P. 1934. – *Boudet P.* Manuel de l'archiviste : Instructions pour l'Organisation et le Classement des archives de l'Indochine / Gouvernement général de l'Indochine. Direction des archives et des bibliothèques. Les archives générales de l'Indochine. P. Boudet, directeur des archives et des bibliothèques. Hanoi: Imprimerie de l'Extrême Orient, 1934. 160 p.
- Braibant 2006 – *Braibant G.* Rapport sur l'organisation administrative des Archives Nationales remis au ministre de la Culture et de la Communication / Commission sous la présidence de B. Strin. Paris, 2006. 46 p.
- Essoulami 2010 – *Essoulami S.* Les archives au Maroc : quelles perspectives ? / Said Essoulami, directeur du CMF MENA Center for media Freedom middle south and North Africa. Casablanca, 2010. 36 p.
- Maie 2004 – *Maie S.* Les archives en Afrique de l'Ouest : un patrimoine en mutation : conférence prononcée à l'Ecole nationale des Chartes Mardi 24 février 2004 [Online]. Paris, 2004. 5 p. URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/conferences/mbaye> (Accessed)
- Mban 2007 – *Mban A.* Les problèmes des archives en Afrique : à quand la solution ? Paris : L'Harmattan, 2007. 170 p.
- Messeiké 1983 – *Messeiké O.* Archives et destin national // Carbone S., ed. Les Archives nationales du Liban (période contemporaine) : guide-inventaire / Avant-propos par O. Messeiké. Beyrouth : Centre des archives national, 1983. P. 10–20.

References

- Balafrej, A. and Canavaggio, P. (2011), *Vers un droit d'accès à l'information publique au Maroc : étude comparative avec les normes et les meilleures pratiques dans le monde* [Towards a right of access to public information in Morocco: comparative study with standards and best practices in the world], UNESCO, Rabat, Morocco.
- Boudet, P. (1934), *Manuel de l'archiviste : Instructions pour l'Organisation et le Classement des archives de l'Indochine* [Archivist Manual: Instructions for the Organization and Classification of Indochina Archives], Imprimerie de l'Extrême Orient, Hanoi, Vietnam.
- Braibant, G. (2006), *Rapport sur l'organisation administrative des Archives Nationales remis au ministre de la Culture et de la Communication* [Administrative organization of the National Archives: report given to the French Minister of Culture and Communication]. Paris, France.
- Essoulami, S. (2010), *Les archives au Maroc : quelles perspectives ?* [The archives in Morocco: what perspectives?], Centre for the media freedom in Middle South and North Africa, Casablanca, Morocco.
- Levchenko, L. (2009), "Peculiarities of the Southeast Asia countries archival services' Internet sites functioning", *Arkhivi Ukraïni*, no. 3–4, pp. 213–226.
- Mbai, S. (2004), "Archives in West Africa: a changing heritage", available at: <http://elec.enc.sorbonne.fr/conferences/mbaye> (Accessed 20.07.2019).
- Mban, A., (2007), *Les problèmes des archives en Afrique: à quand la solution?* [The problems of archives in Africa: when is the solution?], L'Harmattan, Paris, France.
- Messeiké, O. (1983) "Archives and national destiny", Carbone S. (ed.), *Les Archives nationales du Liban (période contemporaine): guide-inventaire* [National Archives of Lebanon: guide-book], Centre des archives national, Beyrouth, Lebanon, pp. 10–20.
- Petkova, S., Petrova, E. (2014), *Mikhail Stoikov Aleksiev i prinos't mu za arkhivnoto delo v B'lgariya: po povod na 110 godishina ot rozhdenieto mu* [Mikhail Stoykov Alexiev and his contribution to the archival work in Bulgaria: on the occasion of the 110th anniversary of his birth], *Archiven Pregled*, no. 1, pp. 7–44.
- Starostin, E.V. and Khorkordina, T.I. (2007), *Arkhivy i revolyutsiya* [Archives and Revolution], RSUH, Moscow, Russia.
- Triêu Văn Cừ (2008), "Development of the public archives administration in Vietnam", *Otechestvennye arkhivy*, no. 5, pp. 48–50.

Информация об авторе

Виктория Б. Прозорова, кандидат исторических наук, Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе (Париж, Франция); Франция, 92292, г. Шатене-Малабри, пр. Франсис де Прессанс, д. 10; prozorovaviktoria@gmail.com

Information about the author

Victoria B. Prozorova., Cand. of Sci (History), Head of mission of the magazine "Herald of archivist" in Europe, Paris 75000 France; 10, av. Francis de Pressense, 92290, Chatenay-Malabry, France; prozorovaviktoria@gmail.com

Цифровой документ: старая сущность в новом явлении

Галина А. Двоеносова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dvoenosova@yandex.ru.*

Аннотация. В статье исследуется проблема сущности цифрового документа как социального феномена. Проводится анализ нормативно установленных идентификационных характеристик цифрового документа, а также представлений о его сущностных характеристиках в российской и зарубежной науке. Высказывается и обосновывается мнение автора по этой проблеме, сложившееся на основе исследования цифрового документа в свете философского, социетального, и деятельностного подходов и теории социальной самоорганизации, что представляет научную новизну статьи. Автор приходит к выводу, что цифровой документ появился вследствие новой технологической информационной революции, как в свое время в результате аграрной и промышленной революций появились письменный и машинописный (техногенный) документы. Поэтому его сущность и социальная роль остаются неизменными. Идентификационным признаком цифрового документа, как и аналогового, является его форма (структура), включающая контент и метаданные. Независимо от формы представления, аналоговой или цифровой, документ сохраняет свои сущностные свойства доказательной и юридической силы и сущностные функции информационную и инструментальную, которые позволяют ему служить информационным ресурсом и социальным инструментом. В понимании сущности цифрового документа важно учитывать не только его связь с информационной системой, в которой протекает весь его жизненный цикл, но и его социальную роль как инструмента социально и юридически значимого действия и социальной самоорганизации.

Ключевые слова: документ, аналоговый документ, цифровой документ, юридическая сила документа, юридически значимое действие, социальная самоорганизация

Для цитирования: Двоеносова Г.А. Цифровой документ: старая сущность в новом явлении // История и архивы. 2020. № 1. С. 115–125. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-115-125

Digital document: an old entity in a new phenomenon

Galina A. Dvoenosova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; dvoenosovaga@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the problem of the essence of the digital document as a social phenomenon. The paper analyses the standard established identification characteristics of the digital document, as well as the ideas about its essential characteristics in Russian and foreign science. The author expresses her opinion on the problem and presents the proof, founded on the study of a digital document on the basis of philosophical, social, and activity-oriented approaches and on the theory of social self-organization, which forms the scientific novelty of the article. The author comes to the conclusion that a digital document appeared as a result of the new technological information revolution, just like written and typewritten (man-made) documents appeared as a result of the agricultural and industrial revolutions. Therefore, the essence and the social role of a digital document remain unchanged. The identification feature of a digital document, as well as of a document in analogue format, is its form (structure), including the content and the metadata. Regardless of the form of representation, in analogue format or digital, the document retains its essential properties of an evidentiary and legal force, and the essential functions – information and instrumental, which allow a digital document to serve as an information resource and a social tool. In understanding the essence of a digital document, it is important to take into account not only its relationship with the information system in which its entire life cycle takes place, but also its social role as an instrument of socially and legally significant action and social self-organization.

Keywords: document, document analog, digital document, legal instrument, legal actions, social self-organization

For citation: Dvoenosova, G.A. (2020), “Digital document: an old entity in a new phenomenon”, *History and archives*, no. 1, pp. 115–125. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-115-125

Введение

Исследуемая проблема связана с тем, что цифровой документ становится неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности человека и общества. Проблема цифрового документа вызывает большой научный интерес, как в технических, так и в гуманитарных науках, и если предметом первых, в основном, являются его характеристики, обеспечивающие возможность записи, переда-

чи и сохранения информации, то вторые больше интересуются вопросами, связанными с его социальной значимостью и способностью заменить традиционный документ на аналоговом носителе. В связи с этим актуальным становится вопрос, что представляет собой цифровой документ как новое социальное явление? Меняется ли сущность и социальная роль документа с переходом в электронную форму?

В российском и зарубежном законодательстве, стандартах и нормативных правовых актах приводится трактовка цифрового (электронного) документа. Использовались работы российских и зарубежных авторов, исследующих связанные с ним теоретические и практические проблемы. Научная новизна исследования состоит в использовании методологии, основанной не только на информационном подходе, в рамках которого документ рассматривается как информация, но и на философском, социальном и деятельностном подходах, позволяющих обосновать сущность документа как особой формы записи и представления информации. В качестве теоретической основы выбрана теория социальной самоорганизации, в свете которой цифровой документ предстает как инструмент социального действия и социальной самоорганизации.

Цифровой или электронный?

Цифровой (электронный) документ отличается от традиционного документа, прежде всего тем, что содержащаяся в нем информация записана не на аналоговом, а на «машинном носителе». Для обозначения документа на машинном носителе изначально употреблялся термин «машиночитаемый документ». Вместе с системами электронного документооборота в Россию пришло понятие «электронный документ». Использование электронного документа при совершении гражданско-правовых сделок и в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме послужило основанием для нормативного закрепления этого понятия. В сфере электронного обмена информацией электронный документ понимается как «форма представления документа в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде», электронная среда – как среда технических устройств, цифровая – как среда логических объектов, используемая для описания других сред (электронной и социальной). Одной из форм реализации электронного документа является его воспроизведение, доступное непосредственному восприятию

человеком¹.

Наряду с термином «электронный документ» активно используется термин «цифровой документ». Существует ли между ними разница? Российские специалисты в области информационных технологий дают на этот вопрос утвердительный ответ. Они полагают, что для обозначения документа нового типа изначально следовало бы использовать термин «цифровой документ». Прилагательное «цифровой» указывает на способ записи информации в документе, а «электронный» – на способ его создания и реализации в электронной среде [Соловьев 2006, с. 32] К аналогичному выводу пришли участники международного проекта по изучению цифровых документов InterPARESTrust. Из составленных в рамках проекта словарей, следует, что цифровой документ – это запись, содержание и форма которой кодируются с использованием дискретных числовых значений (0 и 1). Электронным же документом может быть как цифровая запись, так и любая аналоговая, которая передается с помощью электронного оборудования². С учетом сложившейся классификации документов по типам записанной информации (текстовой, графической, изобразительной, звуковой) в российском документоведении, было бы также логичнее оперировать термином «цифровой документ». Попытка его дефиниции уже предпринята архивистами³. Однако до тех пор, пока не произойдет гармонизация терминов «цифровой документ» и «электронный документ», они будут использоваться как синонимы.

Признаки, свойства и функции цифрового документа

Сущность объекта (предмета, вещи) проявляется через его признаки, свойства и функции и должна быть выражена в понятии. Признаки объекта, в том числе и документа, служат для его идентификации среди других объектов человеческой деятельности

¹ ГОСТ Р 52292-2004. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения [Электронный ресурс]. М.: Изд-во стандартов, 2005. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения 22.07.2019).

² InterPARES 2, Terminology Database [Электронный ресурс]. URL: http://www.interpares.org/ip2/ip2_terminology_ (дата обращения 07.08.2019).

³ Юмашева Ю.Ю. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. М.: ВНИИДАД, 2012. 125 с.

и демонстрируют то особенное, что выделяет его из этого множества. Традиционный документ на бумажном носителе мы идентифицируем по признаку формы или структуры записи информации, включающей ее обязательные элементы – реквизиты. Форма или формуляр традиционного документа на бумажном носителе – это его атрибутивный признак. А как обстоит дело с цифровым документом? Этот вопрос снова возвращает нас к дискуссии о том, что такое документ – информация, которая является его содержанием, или форма ее записи и представления. Ответ на него, на наш взгляд, надо искать в философской трактовке понятий «содержание» и «форма». С философской точки зрения информация сама по себе эфемерна и неосязаема. Без формы она – ничто, абстракция, иллюзия, фикция. Информацию актуализирует форма, она придает ей значимость, подтверждает ее подлинность и достоверность, обеспечивает ее легитимность, целостность и неизменность, приводит ее в действие, делает ее пригодной для использования. Форма – это не только внешнее очертание, но также идеальный образ или модель предмета, объекта, вещи. Формуляр традиционного документа представляет собой его структурную модель. Аналогично структурная модель цифрового (borndigital) документа включает контент и метаданные, которые описывают его контент, контекст и структуру и все производимые с ним действия в течение его жизненного цикла. Документ, не имеющий таких метаданных, не может считаться полноценным документом⁴. Таким образом, идентифицировать цифровой документ мы также можем только через форму: либо через его воспроизведение как одну из форм реализации, доступную для восприятия человеком, либо посредством метаданных, входящих в его структуру.

На примат формы в идентификации цифрового документа указывает известный канадский архивист и документовед Л. Дюранти. Она предлагает использовать для его анализа метод «цифровой дипломатики». В числе идентификационных признаков цифрового документа она называет стабильный контент и фиксированную форму [Duranti 2009, p.27]. Устойчивость формы как неотъемлемый признак цифрового документа и необходимое условие его использования отмечает также ученый в области компьютерных наук из США, в прошлом специалист компании Херох Д.М. Леви [Levy 1993, p. 340] Таким образом, формальный, а точнее формаль-

⁴ ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Система стандартов по библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Ч. 1: Понятия и принципы [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329486/ (дата обращения 07.08.2019).

но-структурный признак, остается неизменным для идентификации не только аналогового, но и цифрового документа.

Было бы ошибочно сводить свойства цифрового документа только к аутентичности, достоверности, целостности и пригодности для использования. Этими свойствами документ должен обладать в системе управления документами⁵. При электронном обмене информацией актуальными являются еще и такие его свойства как фиксированность, доступность и легитимность, которые позволяют ему функционировать в социальной среде⁶. Цифровой документ сохраняет также присущие традиционному документу свойства подлинности, доказательной и юридической силы. Именно вопрос о юридической силе цифрового документа становится ключевым в процессе межведомственного информационного взаимодействия. По мнению российского специалиста в области ИТ-технологий А.Г. Сабанова вопрос о придании юридической силы цифровому документу будет решен с выходом закона, в котором это будет четко закреплено. Однако уже очевидно, что юридическую силу цифрового документа обеспечивают такие «доверенные сервисы» как электронная подпись, отметка времени, заверение полномочий подписанта, аутентификация⁷. Они включаются в метаданные. Таким образом, документ сохраняет свои атрибутивные свойства доказательной и юридической силы независимо от формы представления.

Несмотря на то, что цифровой документ является новым типом документа, сущность его остается прежней. Как отмечает ведущий ученый-документовед М.В. Ларин, он выполняет те же функции и «обладает той же значимостью», что и традиционный документ⁸. Документу присущи атрибутивные и системные функции. Атрибутивными функциями любого документа, в том числе и цифрового,

⁵ ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Управление документами. Ч. 1: Понятия и принципы [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329486/ (дата обращения 07.08.2019).

⁶ ГОСТ Р 52292-2004. Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения. М.: Изд-во стандартов, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения 22.07.2019).

⁷ Сабанов А.Г. Проблемы обеспечения защиты и юридической силы электронного документа при хранении [Электронный ресурс] // Профессиональный форум «ИнфодокумАрхив» «Эффективные технологии современного архива» 6–7 декабря 2012г. Москва. URL: https://www.gdm.ru/meroprg/061212_forum/article/sabanov.pdf (дата обращения 13.08.2019).

⁸ Ларин М.В., Рысков О.Н. Электронные документы в управлении: Науч.-метод. пособие. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2005. 148 с.

на наш взгляд, являются его информационная и инструментальная функции. Информационная функция выражается через запись и репрезентацию информации о социально и юридически значимом действии или факте. Она позволяет документу служить источником достоверной информации, информационным ресурсом. Инструментальная функция позволяет использовать документ как инструмент осуществления, замещения и доказательства социально и юридически значимого действия. Любой документ, в том числе и не связанный с деловой деятельностью, является доказательством действия или факта. Даже когда мы передаем электронное сообщение, мы не просто хотим информировать о чем-нибудь получателя (это можно сделать и устно), мы хотим быть уверены (иметь доказательство), что сообщение получено и что мы его передали.

Системные функции документ выполняет в зависимости от сектора действительности. Например, налоговая декларация, составленная в электронной форме, предназначена для исчисления и уплаты налога. Переданная через личный кабинет налогоплательщика, она поступает в единую информационную систему федеральной налоговой службы. Таким образом, цифровой документ представляет собой инструмент осуществления юридически значимых действий высокотехнологичным способом. С юридической точки зрения и электронный документооборот рассматривается как «совокупность юридических действий» [Соловяненко 2017, с. 168].

Уникальность документа как социального феномена заключается в том, что он не просто фиксирует действие и связанные с ним факты, но и замещает это действие в управленческой или иной социальной деятельности. Приказ руководителя начинает действовать уже после того, как руководитель выразил волеизъявление, «приказал». Предписанные им действия будут исполняться в течение установленных сроков или до отмены приказа. После подписания приказа руководителем за него уже «приказывает» документ, который замещает собой это управленческое действие. Исполнение предписанных приказом действий также фиксируется в документах, которые замещают эти действия в деловых операциях и государственных услугах, являются их свидетельствами и доказательствами. Особенно наглядно это демонстрирует цифровой документ, например, платежный, который замещает собой ряд традиционных действий плательщика и кассира и является доказательством такого действия как платеж.

Социальная роль цифрового (электронного) документа

Цифровой (borndigital) документ создается в информационной системе и проходит в ней весь жизненный цикл. Она поддерживает его свойства аутентичности (подлинности), целостности, достоверности, пригодности для использования, доказательства и юридической силы. Однако не следует преувеличивать ее значение и подменять им роль документа. Информационная система – это всего лишь механизм, обеспечивающий «цифровое делопроизводство», управление организацией, государственное управление, а документ – это социальный инструмент. С технической точки зрения цифровой документ действительно представляет собой новый тип документа. Он, как и предшествующие ему типы документов, письменный и машинописный, появился вследствие технологической революции. Однако как социальный феномен цифровой документ остается инструментом, регулирующим социальные отношения. Он создается не для обращения в информационной системе и не для хранения в электронном архиве, а для осуществления управленческого действия, деловой операции, государственной функции, предоставления услуги и т. д., но уже не традиционным, а высокотехнологичным способом. Информационная система обеспечивает и поддерживает пригодность для использования документа, но само его использование, его ответственность, происходит в рамках социальных систем политики, экономики, управления и права и др.

Проблему социальной роли документа мы рассматриваем в контексте основных положений теории социальной самоорганизации, основанной на идеях синергетики. [Dvoenosova 2016] Теория социальной самоорганизации представляет социальное развитие в циклической динамике как последовательную смену фаз хаоса и порядка. При этом под хаосом понимается любое изменение существующего состояния социальной системы, которое детерминирует процессы ее самоорганизации и выхода на новый уровень социального порядка. В этом контексте документ предстает не только как средство передачи информации, но и как инструмент социального действия. Он является тем энергоносителем, который способен запускать как хаотические, так и стабилизирующие социальные процессы.

Современное глобальное общество накрыла новая волна технологической революции, а революция – это всегда хаос. Глобальная цифровизация и цифровая конкуренция бросают вызов современному обществу. Переход к цифровой модели развития влечет за собой изменение прежнего социального порядка и организации

социальной системы. Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества требует внесения изменений в системы управления, нормативного регулирования, кадрового обеспечения и др. Инструментами инновационных преобразований служат такие документы, как стратегии и планы развития, национальные программы и проекты, законы и подзаконные нормативные правовые акты, приказы органов исполнительной власти, профессиональные и образовательные стандарты и т. д. Именно они приводят в действие механизмы реформирования, трансформации и перехода социальной системы из одного состояния в другое к новому уровню организации социального порядка. Все эти документы и находятся в свободном доступе на официальных сайтах органов государственной власти и интернет-порталах правовой информации и имеют статус электронных (non-borndigital) документов.

В цифровом государственном управлении и цифровой экономике документ сохраняет свои функции инструмента социально и юридически значимого действия и информационного ресурса. Его создание и использование будет происходить преимущественно в электронной форме, однако это не означает отказ от документа на бумажном носителе. Осознавая риски тотальной цифровизации, общество еще не готово во всех отношениях стать заложником двух цифр 0 и 1. Еще не совсем понятно, более или менее подвержен цифровой документ таким противоправным действиям как подделка, хищение, уничтожение, незаконное использование, чем аналоговый документ. Остается не решенным вопрос о технологиях его долгосрочного и постоянного хранения. Кроме того, культурно, психологически и нравственно общество еще не готово к тому, чтобы заключать договоры и сделки, затрагивающие гражданские права, без документального оформления простым пожатием рук, хотя устная сделка и предусмотрена законодательством. Мы привыкли доверять юридической силе документа, независимо от формы его представления или реализаций. В связи с этим документы, имеющие высокую юридическую значимость, пока еще будут создаваться на бумажном носителе.

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что с переходом в цифровую (электронную) среду документ не меняет своей сущности как форма записи информации о социально и юридически значимом действии. Наряду со свойствами аутентичности, достоверности, неизменности и пригодности для использования, которые он приобретает в информационной системе, он сохраняет атрибутив-

ные свойства доказательной и юридической силы на всех стадиях жизненного цикла, проходящего в цифровой (электронной) среде. Сущностными функциями цифрового документа, как и аналогового, являются информационная и инструментальная функции. Информационная функция цифрового документа позволяет ему служить информационным активом и информационным ресурсом для обеспечения деятельности организации, удовлетворения потребностей человека и общества в социально значимой информации. Инструментальная функция проявляется в том, что документ создается и используется как инструмент осуществления, замещения и доказательства социально и юридически значимого действия высокотехнологичным способом.

Цифровой документ представляет собой технически новый тип документа. Он появился вследствие новой технологической информационной революции, как в свое время в результате аграрной и промышленной революций появились письменный и машинописный (техногенный) документы. Поэтому его сущность и социальная роль остаются неизменными. Цифровой документ, как и аналоговый, является инструментом совершения, замещения и доказательства социально и юридически значимого действия и основным инструментом социальной самоорганизации теперь уже информационного общества.

Литература

- Соловьев 2006 – *Соловьев Н.* Электронные документы: новый язык. Цифровой! // Депозитариум, 2006. № 9 (43). С. 29–33.
- Соловяненко 2017 – *Соловяненко Н.И.* Законодательство об электронном документе как фактор актуализации правового пространства для инновационной (цифровой) экономики // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12. № 3. С. 162–175.
- Dvoenosova 2016 – *Dvoenosova G.A.* A “Synergetic paradigm for the scientific study of documents” // Scientific and Technical Information Processing, 2016. Vol. 43. No. 1. P. 36–41.
- Duranti 2009 – *Duranti L.* From digital diplomatics to digital records forensics [Электронный ресурс]. Archivaria 68. (Fall 2009). P. 39–66. URL: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13229/14548> (дата обращения 14.08.2019).
- Levy 1993 – *Levy D.M.* “Document reuse and document systems” [Электронный ресурс]. Electronic publishing. Vol. 6 (4). December 1993. P. 339–348. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/1402/2dd758223585782890b7d43df70541cc9115.pdf> (дата обращения 12.08.2019).

References

- Dvoenosova, G.A. (2016), "A synergetic paradigm for the scientific study of documents", *Scientific and Technical Information Processing*, vol. 43, no. 1, pp. 36–41.
- Duranti, L. (Fall 2009), "From digital diplomatics to digital records forensics", *Archivaria*, vol. 68, pp. 39–66 [Online], available at: <https://archivaria.ca/index.php/archivaria/article/view/13229/14548> (Accessed 14 Aug. 2019).
- Levy, D.M. (1993), "Document reuse and document systems" [Online], *Electronic publishing*, vol. 6, no. 4, December, pp. 339–348, available at <https://pdfs.semanticscholar.org/1402/2dd758223585782890b7d43df70541cc9115.pdf> (Accessed 12 Aug. 2019).
- Solov'ev, N. (2006), "Electronic documents: new language. Digital!", *Depozitarium*, vol. 43, no. 9, pp. 29–33.
- Solovyanyenko, N.I. (2017), "Legislation on electronic document as a factor of actualization of legal space for innovative (digital) economy", *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, vol. 12, no 3, pp.162–175.

Информация об авторе

Галина А. Двоеносова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dvoenosovaga@yandex.ru

Information about the author

Galina A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dvoenosovaga@yandex.ru

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-126-139

Документальное исследование о «брате-генерале»: новое в биографии Белого движения

Евгений В. Волков

*Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия, evgeny-volkov@mail.ru*

Аннотация. В контексте современного этапа изучения истории Гражданской войны и Белого движения в рамках биографических исследований в статье анализируется монография Н.С. Ларькова «Сибирский белый генерал» (Томск, 2017) об Анатолии Николаевиче Пепеляеве. Исходной точкой анализа является уже сложившаяся в российской историографии традиция биографического исследования истории Белого движения. Автором статьи отмечаются существенные достоинства монографии. Прежде всего, это – широкая источниковая база, включающая делопроизводственную документацию антибольшевистских и советских учреждений и военных формирований, периодическую печать, источники личного происхождения. Следует подчеркнуть логичность повествования, детальный анализ деятельности А.Н. Пепеляева в период Гражданской войны, аргументированность и убедительность многих выводов автора монографии. Генерал А.Н. Пепеляев, по справедливому мнению Н.С. Ларькова, будучи провинциалом и боевым командиром, плохо разбирался в политике, и зачастую был наивен, вступая в сферу политической деятельности. По сути, он оказался чужим и для диктаторского режима адмирала А.В. Колчака, и для эсеров-меньшевистского лагеря. Традиционно, как и многие офицеры, он придерживался идеи сильной государственности, отличался религиозностью. Благодаря своим положительным качествам офицера и военачальника А.Н. Пепеляев имел большой авторитет у подчиненных. С другой стороны, в статье подчеркивается, что монография Н.С. Ларькова выполнена в рамках традиционного подхода: автор не использовал теоретические разработки из арсенала других гуманитарных наук, что позволило бы провести более качественное и плодотворное исследование в области биографики.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Сибирь, А.Н. Пепеляев, историография, биографика

Для цитирования: Волков Е.В. Документальное исследование о «брате-генерале»: новое в биографике Белого движения // История и архивы. 2020. № 1. С. 126–139. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-126-139

Documentary research on the “brother-general”: New biographical studies on the White movement

Evgeny V. Volkov

*South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia, evgeny-volkov@mail.ru*

Abstract. In the context of the contemporary study of the history of the Russian Civil War and the White Movement, as part of a biographical research, this article analyzes N.S. Larkov's monograph “Siberian White General” (Tomsk, 2017) devoted to Anatoly Nikolayevich Pepelyaev. The starting point of the analysis is the tradition of a biographical research in the history of the White Movement already established in the Russian historiography. The author of the article notes the significant advantages of the monograph. First of all, it draws on a wide source base, including the office records of anti-Bolshevik and Soviet institutions and military units, periodicals, and personal documents. The following features should be emphasized: the logic of the narrative, the detailed analysis of A.N. Pepelyaev's activities during the Civil War, the reasoning and persuasiveness of many of the author's conclusions in the monograph. As N.S. Larkov reasonably points out, General A.N. Pepelyaev, being a provincial person and a military commander, was poorly versed in politics, and was often naive when entering the sphere of political activity. In fact, he was a stranger to the dictatorial regime of Admiral A.V. Kolchak, as well as to the Socialist-Revolutionary-Menshevik camp. Traditionally, like many officers, he adhered to the idea of a strong statehood, and was distinguished by religiosity. Thanks to his positive qualities of an officer and a commander, A.N. Pepelyaev enjoyed great authority among his subordinates. On the other hand, as the present paper emphasizes, N.S. Larkov's monograph was written in the framework of the traditional approach: the author did not use theoretical developments from other humanities, which would have allowed for a more qualitative and fruitful research in the field of biography studies.

Keywords: Civil war in Russia, White movement, Siberia, A.N. Pepelyaev, historiography, biographical studies

For citation: Volkov, E.V. (2020), Documentary research on the “brother-general”: New biographical studies on the White movement, *History and Archives*, no. 1, pp. 126–139. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-126-139

Биографический жанр в исторических исследованиях до сих пор остается достаточно популярным. Первые подобные публикации о деятелях Белого движения появились за рубежом. Как правило, их авторами являлись российские эмигранты, западные историки и писатели [Смирнов 1930; Fleming 1963; Lehovich 1974]. В советской историографии, в силу идеологического диктата и политической конъюнктуры, биографические, как и любые другие исследования по антибольшевистскому движению периода Гражданской войны, практически отсутствовали.

Одним из первых, кто начал пробивать брешь в «стене молчания», еще в период «перестройки», оказался историк Г.З. Иоффе, обративший пристальное внимание на одного из основателей Белого движения генерала. Л.Г. Корнилова [Иоффе 1989].

В 1990-е гг., когда открылись ранее засекреченные архивные фонды и библиотечные собрания, значительно расширилось международное сотрудничество исследователей, появились и первые биографические работы о политических и военных деятелях «белогвардейского» лагеря в виде статей, брошюр и книг [Гордеев 1993; Богданов 1993; Карпенко 1994; Козлов 1997; Цветков 1997; Плотников 1998; Волков 1999; Ипполитов 1999; Козлов 2000]. Кроме того, тогда же в свет вышли первые биографические справочники об участниках Белого движения. Наконец, обозначалась тенденция существенного вторжения литераторов в сферу деятельности историков. Так, тексты о жизни белых офицеров и генералов в виде документальных повествований стали создавать и писатели, составив, таким образом, определенную конкуренцию профессиональным историкам [Юзефович 1993; Карпенко В. и Карпенко С. 1995; Рыбас 2000].

В течение первых двух десятилетий нынешнего, XXI, столетия биографические исследования о военных руководителях Белого движения, по сути, обрели несколько форм.

Во-первых, они представлены статьями в научных журналах и сборниках, как правило дополненных документальными материалами [Карпенко 2002; Кручинин 2003; Цветков 2006; Цветков 2012].

Во-вторых, в виде диссертационных исследований о военной и политической деятельности руководителей и военачальников [Панов 2003; Тучапский 2005; Ходаков 2006; Антонова 2011; Бринюк 2013].

В-третьих, в качестве биографических справочников [Волков 2002; Волков, Егоров и Купцов 2003].

И, наконец, в-четвертых, в форме книг научного монографического или научно-популярного характера [Белов 2003; Ганин 2004; Ганин 2006; Зырянов 2006; Федюк и Ушаков 2006; Хандорин 2006; Кручинин 2009; Кузьмин 2011; Цветков 2014; Морозова 2017].

Некоторые современные западные исследователи также выступили в качестве составителей биографических справочников и авторов биографий Р.Ф. Унгерна, П.Н. Врангеля, В.Г. Болдырева [Рутыч 2002; Palmer 2009; Kröner 2010; Hosking 2016].

Таким образом, к настоящему времени в сфере биографических исследований антибольшевистского движения, по сравнению с советской историографией, достигнут явный прогресс. Однако еще остается целый ряд фигур, жизнь и деятельность которых до сих пор недостаточно исследована. К одним из таких видных военных руководителей периода Гражданской войны на востоке России относился и генерал А.Н. Пепеляев.

Впервые имя генерала Анатолия Николаевича Пепеляева автор этих строк услышал, будучи еще подростком в середине 1970-х гг., конечно, не в стенах школы, а в одной из уральских деревень, когда гостил там во время летних каникул. Местные мужики, среди которых значились и мои родственники, изрядно «приняв на грудь», начали спорить о перипетиях Гражданской войны, захватившей и эти места горной Башкирии. В ходе «дебатов» некоторых из них вспоминали о боевом и храбром генерале Пепеляеве, чье имя в официальном дискурсе, конечно, являлось синонимом врага советской власти, и, как правило, произносилось в уничижительном ключе, но в словах деревенских спорщиков он выглядел явным героем и крупным военачальником. Эти рассуждения о действиях белых под руководством тогда неизвестного для меня генерала, о его качествах как военного руководителя, надолго остались в памяти. Возможно, именно такие разговоры о Пепеляеве в какой-то степени подогрели мой интерес к истории Гражданской войны. И когда, уже после окончания университета, во второй половине 1990-х гг. встал вопрос о теме для написания диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, я выбрал историю Гражданской войны.

Монография современного историка, профессора Томского государственного университета, Николая Семеновича Ларькова о генерале А.Н. Пепеляеве [Ларьков 2017], безусловно, еще один важный шаг в отечественной историографии российской Гражданской войны.

Автор этой книги хорошо известен другими своими работами о прошлом Сибири, в том числе по истории революции и Гражданской войны. В частности, его монография о роли армейских частей, дислоцировавшихся в Сибири, в политической борьбе на начальном этапе Гражданской войны [Ларьков 1995] имела позитивный резонанс в ученых кругах. Помимо этого, Н.С. Ларьков является автором большого количества статей, в том числе о различных аспектах Гражданской войны на востоке России.

И вот перед нами новый труд историка.

Что можно сказать об этой книге?

Безусловно, это – добротная и качественная, насыщенная различными видами источников работа. Здесь использованы практически все известные публикации исследователей-предшественников относительно биографии генерала Пепеляева, различного рода делопроизводственная документация военных и гражданских учреждений, антибольшевистских воинских формирований, периодическая печать, как антисоветская, так и большевистская, а также множество источников личного происхождения. С этой точки зрения, труд сделан основательно и на широкой фактической базе. Возможно, следовало бы еще привлечь и зарубежные источники личного происхождения, а также материалы западной прессы о событиях Гражданской войны на востоке России.

Биографическое исследование, проведенное Н.С. Ларьковым, охватывает все наиболее важные вехи жизненного пути Анатолия Николаевича Пепеляева: учеба в Омском кадетском корпусе и Павловском военном училище; участие в Первой мировой, а затем – в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил; эмиграция и выживание в Харбине; Якутский поход; пленение, судебный процесс и пребывание за решеткой; выход на свободу и краткий период жизни по советскому паспорту; вновь арест, сфабрикованное обвинение и расстрел. Конечно, наибольшее внимание уделено участию Пепеляева в антибольшевистской борьбе во время Гражданской войны, когда он сделал блестящую военную карьеру, и из молодого подполковника за короткое время превратился в генерал-лейтенанта, сначала командовавшего корпусом, а затем армией. Именно такая деятельность Пепеляева сделала его известным человеком во всей России и, конечно, об этом периоде его жизни, в большей степени свидетельствуют сохранившиеся исторические источники.

Данная книга позволяет во многом разобраться в хитросплетениях и специфике Гражданской войны на востоке России, и, самое главное, увидеть внутреннее состояние антибольшевистского лагеря. Через призму судьбы Пепеляева, можно узнать, как офицерство включалось в борьбу против советской власти, как воевало, и в тоже время, насколько неустойчивым в политическом плане были отдельные его группы. Однако при этом стоит отметить, что автор, на наш взгляд, совершенно необоснованно используют во многом метафорический термин «белые» или «белогвардейцы», когда реконструирует период вооруженного противостояния в Сибири до прихода к власти адмирала А.В. Колчака. В современной исторической литературе принято разделять антибольшевистский лагерь на так называемую «демократическую контрреволюцию» (эсеро-

меньшевистские и национальные правительства) и «генеральскую контрреволюцию» (белые правительства), что, безусловно, подчеркивает политическую пестроту антисоветских сил. Если говорить о Гражданской войне на востоке России, то Белое движение как военно-политическое явление сформировалось здесь только при Колчаке [Ушаков 2004].

Конечно, со страниц книги перед нами предстает вполне убедительный портрет генерала Пепеляева, созданный автором монографии. Он, с одной стороны, мужественный и храбрый командир, идеалист, патриот Сибири и России, искренне верующий в Бога, но в то же время, политически наивный и где-то даже авантюрный человек, склонный к тщеславию. О последних, нелицеприятных качествах «брата-генерала», Н.С. Ларьков много не пишет, в основном подчеркивая положительные составляющие в характере и деятельности своего героя, что, конечно, грешит против правды. При этом отметим, что историк верно подчеркивает демократизм генерала, его близость к нижним чинам, которые отвечали ему верностью и преданностью. Безусловно, Анатолия Николаевича Пепеляева можно назвать героем Гражданской войны. Однако его дальнейшая судьба, связанная с авантюрным Якутским походом, пленом и сотрудничеством с советскими властями, что в итоге не спасло его в период сталинских репрессий, говорит нам о роковом шаге, совершенным не в последнюю очередь, в угоду личных тщеславных устремлений. В этом плане Пепеляев по своему характеру в чем-то был близок к новоиспеченному чешскому генералу на русской службе Радоле Гайде, с которым они практически всегда находили общий язык. Последний, как известно, плохо завершил военную карьеру в России, уволенный с поста командующего армией, через несколько месяцев он стал одним из главных заговорщиков, участвуя в ноябре 1919 г. в неудачном восстании против власти Колчака во Владивостоке.

В то же время боевую деятельность и славу Пепеляева можно в какой-то степени сопоставить с ореолом В.О. Каппеля как искусного военачальника, сложившегося после его успешных военных операций в Поволжье в составе Народной армии. Пепеляева можно сравнивать и с красными командирами В.К. Блюхером и В.И. Чапаевым, известными своими дерзкими рейдами и неординарными решениями, приводившими нередко к успешным результатам. Таким образом, главный герой книги являл собой тип талантливого командира, при этом близкого к солдатской массе.

Видимо, переломный момент во взглядах Пепеляева и его сомнения в правильности дела, которому он служил, наступили в тот момент, когда генерал решился в июне 1919 г. составить записку на имя командующего Сибирской армией Гайды с тем, чтобы она

попала и в канцелярию Верховного правителя. Пепеляев, ориентируясь во многом на программу сибирских областников, эсеров и меньшевиков, выдвинул целый набор требований, в том числе созыв Учредительного собрания, решение рабочего и земельного вопросов, создание более эффективной системы военного управления [Ларьков 2017, с. 167–169]. Затем, когда он стал командующим армией, его претензии к власти, в условиях критической обстановки на фронте, усилились. В то же время армия Пепеляева, в отличие от других войск Колчака, оказалась, видимо, более деморализованной и в октябре 1919 г. во многом утратила свою боеспособность. Таким образом, не всегда, в генерале Пепеляеве можно увидеть безупречного военачальника. С этой точки зрения было бы желательно, чтобы автор книги порой более критично относился к своему герою.

Главные выводы Н.С. Ларькова заключаются в том, что Пепеляев, будучи провинциалом и боевым командиром, плохо разбирался в политике, и зачастую был наивен, вступая в ее сферу деятельности. По сути, он оказался чужим и для режима Колчака, и для эсеров-меньшевистского лагеря. Традиционно, как и многие офицеры, он придерживался идеи сильной государственности, кроме того, отличался религиозностью. Благодаря своим положительным качествам офицера и военачальника Пепеляев имел большой авторитет у подчиненных. По мнению автора, не следует всю вину за разложение 1-й Сибирской армии, которой он командовал, целиком возлагать только на него. Сотрудничество плененного белого генерала с советской властью автор книги напрямую не осуждает, пытаясь понять логику действий своего героя [Ларьков 2017, с. 308–310].

О чем хотелось бы еще прочесть в этой монографии?

Если речь идет о биографическом исследовании, стоило бы, наверное, не только описывать внешние проявления деятельности Пепеляева, но уделить большее внимание его внутреннему миру и личному опыту, политическим и религиозным взглядам, отношениям с окружающими людьми, мотивам действий в тех или иных жизненных ситуациях. Может быть, более внимательно стоило бы изучить тексты Пепеляева, созданные в разное время, проведя, скажем, их дискурс-анализ. Такая стратегия исследования была бы во многом выигрышной.

В этом случае вполне могли бы пригодиться знания из психологии и социологии. Современные исследователи в области биографики давно используют подобные междисциплинарные подходы. Приведу несколько примеров в качестве практических подходов в биографических штудиях. Концепция-типология биографического исследования американского экономиста Дональда Уокера (Donald A. Walker) предполагает четыре типа (сегмента) поисков.

Во-первых, это собственно биография личности, включающая характеристику происхождения, образования, влияния социальных микросред, ментальных свойств и частной жизни.

Во-вторых, его профессиональная, служебная биография – особенности профессиональной, служебной деятельности личности, реализации ее необходимых компетенций, номинального статуса персоны в структуре профессиональной, служебной корпорации.

В-третьих, средовая биография – то есть событийный, пространственно-временной контекст, сопутствовавший персональной деятельности актора.

В-четвертых, библиографическая биография – творческое наследие исследуемой личности (под ним Уокер понимает авторские тексты) [Walker 1983].

Один из создателей методологии микроистории итальянский историк Джованни Леви (Giovanni Levi) предложил свою типологию биографических исследований. Прежде всего, это «модальная биография», предполагающая реконструкцию целого ряда биографий для создания общей картины облика и поведения типичных представителей той или иной социальной группы. Второй тип – «контекстуальная биография», когда главное внимание уделяется духовной атмосфере и событиям эпохи, в которой действует и реализует себя личность. Главное для исследователя реконструировать социальный контекст и вписать в него особенности сознания, поведения и результаты деятельности личности. Следующая разновидность биографии характеризует жизнь человека в пограничных ситуациях, когда анализируется девиантное поведение личности. Такой подход позволяет дать ответы о мотивах и поведении человека в критических условиях, и раскрыть его настоящее лицо. Четвертый тип биографического исследования Леви назвал «герменевтическим». В данном случае необходима ориентация на понимание черт характера личности, мотивов поведения, намерений, замыслов, степени их реализации. Здесь на первый план выдвигается духовный мир личности, отношение к другим людям, ее способность менять исторические реалии. В центре внимания исследователя становится авторский дискурс изучаемой личности, роль его диалога с другими акторами [Леви 1996]. Наиболее продуктивными Леви считал два последних типа биографических исследований.

Этот небольшой экскурс в различные методологические практики, говорит о том, что теоретические разработки других гуманитарных наук позволяют историку провести более глубокое и серьезное исследование о прошлом, лучше понять людей, которых он изучает. Но, к сожалению, от подобных подходов автор книги, как и многие его предшественники, отказался, выстраивая свое исследование в традиционном ключе, следуя линейному хронологическому

порядку, больше ориентируясь на внешнюю событийную сторону биографии генерала Пепеляева.

Помимо высказанных рекомендаций, есть замечание «технического» характера: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва) в сносках монографии обозначается устаревшей аббревиатурой «ЦГВИА» [Ларьков 2017, с. 10–18, 20, 22–27] (так назывался архив до июня 1992 г.).

Несмотря на высказанные замечания и пожелания, книга профессора Н.С. Ларькова о генерале Пепеляеве стоит того, чтобы с ней познакомиться и лучше узнать не только биографию главного героя, но и те обстоятельства, в рамках которых разворачивалась Гражданская война на Урале и в Сибири.

Возвращаясь к спору жителей советской деревни относительно личности Пепеляева, заметим, данный факт говорит о том, что народная память о белом генерале даже через пятьдесят лет после окончания Гражданской войны была жива. Только такая память, передающаяся через поколения, представляла собой разные и зачастую несвязанные между собой осколки информации о «брате-генерале».

Теперь, благодаря историку Н.С. Ларькову, можно составить более полное представление о том, кем и каким был Анатолий Николаевич Пепеляев, один из военных вождей Белого движения периода Гражданской войны.

Литература

- Антонова 2011 – Антонова Л.А. Политические воззрения А.И. Деникина в России и эмиграции: формирование и эволюция: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д: Ростовский университет, 2011.
- Белов 2003 – Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы: 1920–1921 гг. М.: АГРАФ: Институт востоковедения РАН, 2003.
- Богданов 1993 – Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993.
- Бринюк 2013 – Бринюк Н.Ю. Военно-политическая деятельность В.О. Каппеля: 1883–1920: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2013.
- Волков 1999 – Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999.
- Волков, Егоров, Кушцов 2003 – Волков Е.В., Егоров Н.Д., Кушцов И.В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: Биографический справочник. М.: Русский путь, 2003.
- Волков 2002 – Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
- Ганин 2004 – Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004.

- Ганин 2006 – *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006.
- Гордеев 1993 – *Гордеев Ю.Н.* Генерал Деникин: военно-исторический очерк. М.: Аркаюр, 1993.
- Зырянов 2006 – *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Иоффе 1989 – *Иоффе Г.З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989.
- Ипполитов 1999 – *Ипполитов Г.М.* Кто вы, генерал Деникин?: Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890–1947 гг. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1999.
- Карпенко 1994 – *Карпенко С.В.* Белое дело: Врангель в Таврии. М.: СПАС, 1994.
- Карпенко 2002 – *Карпенко С.В.* Деникин Антон Иванович (1872–1947) // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 91–106.
- Карпенко В., Карпенко С. 1995 – *Карпенко В.В., Карпенко С.В.* Врангель в Крыму. М.: СПАС, 1995.
- Козлов 1997 – *Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 54–74.
- Козлов 2000 – *Козлов А.И.* Генерал Деникин. Ростов н/Д.: Феникс, 2000.
- Кручинин 2003 – *Кручинин А.С.* Генерал-от-инфантерии М.В. Алексеев // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М.: АСТ-Астрель, 2003. С. 59–108.
- Кручинин 2009 – *Кручинин А.С.* Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ-Астрель, 2009.
- Кузьмин 2011 – *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: КМК, 2011.
- Ларьков 1995 – *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995.
- Ларьков 2017 – *Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2017.
- Леви 1996 – *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 191–206.
- Морозова 2017 – *Морозова О.М.* Генерал И.Г. Эрдели: Страницы истории Белого движения на юге России. М.: Центрполиграф, 2017.
- Панов 2003 – *Панов Д.Н.* «Очерки русской смуты» А.И. Деникина в общественно-политической борьбе 20 – начала 30-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород: Нижегородский ун-т, 2003.
- Плотников 1998 – *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Рутыч 2002 – *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002.
- Рыбас 2000 – *Рыбас С.Ю.* Генерал Кутепов. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.
- Смирнов 1930 – *Смирнов М.И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак: Краткий биографический очерк. Париж: Военно-морской союз, 1930.
- Тучапский 2006 – *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2006.

- Ушаков 2004 – *Ушаков А.И.* Современная отечественная историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. М.: АИРО-XX, 2004.
- Федюк, Ушаков 2006 – *Федюк В.П., Ушаков А.И.* Лавр Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Хандорин 2006 – *Хандорин В.Г.* Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006.
- Ходаков 2006 – *Ходаков И.М.* «Очерки Русской Смуты» А.И. Деникина как источник по изучению гражданской войны на юге России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ин-т российской истории РАН, 2006.
- Цветков 1997 – *Цветков В.Ж.* Петр Николаевич Врангель // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 54–81.
- Цветков 2006 – *Цветков В.Ж.* Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 55–84.
- Цветков 2012 – *Цветков В.Ж.* Михаил Васильевич Алексеев // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 23–47.
- Цветков 2014 – *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М.: Вече, 2014.
- Юзефович 1993 – *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерна-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993.
- Fleming 1963 – *Fleming P.* The fate of admiral Kolchak. London: Hart-Davis, 1963.
- Hosking 2016 – *Hosking G.* A democratic White general: V.G. Boldyrev // Revolutionary Russia. 2016. Vol. 29. P. 169–191.
- Kröner 2010 – *Kröner A.* The White Knight of Black Sea: The life of general Peter Wrangel. Hague: Luxemburg Publishing, 2010.
- Lehovich 1974 – *Lehovich D.* White against Red: the life of general Anton Denikin. New York: W.W. Norton, 1974.
- Palmer 2009 – *Palmer J.* The Bloody White Baron: The extraordinary story of the Russian nobleman who became the last Khan of Mongolia. New York: Basic Books, 2009.
- Walker 1983 – *Walker D.A.* Biography of the Study of the History of Economic Thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. 1983. Vol. 1. P. 41–59.

References

- Antonova, L.A. (2011), *Political views of A.I. Denikin in Russia and exile: formation and evolution* [Politicheskie vozzreniya A.I. Denikina v Rossii i emigracii: formirovanie i evolyuciya], Abstract of Ph.D. dissertation, South Federal University (Rostov on Don), Russia.
- Belov. E.A. (2003), *Baron Ungern fon Shternberg: Biografiya. Ideologiya. Voennye pohody. 1920–1921 gg.* [Baron Ungern von Sternberg: Biography. Ideology. Military campaigns. 1920–1921], AGRAF: Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Bogdanov, K.A. (1993), *Admiral Kolchak* [Admiral Kolchak], Sudostroenie, St. Petersburg, Russia.

- Brinyuk, N.Yu. (2013), *The military-political activity of V.O. Kappel: 1883–1920* [Voenno-politicheskaya deyatel'nost' V.O. Kappelya: 1883–1920], Abstract of Ph.D. dissertation, St. Petersburg Institution of History RAN, Russia.
- Volkov, E.V. (1999), *Sudba kolchakovskogo generala: Stranicy zhizni M.V. Hanzhina* [The fate of the Kolchak General: Pages of M.V. Khanzhin's life], Uralskij rabochij, Ekaterinburg, Russia.
- Volkov, E.V., Egorov, N.D. and Kupcov, I.V. (2003), *Belye generaly Vostochnogo fronta grazhdanskoj vojny: Biograficheskij spravocnik* [The White Generals of the Eastern Front into the Civil War: Biographical Guide], Russkij put, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (2002), *Beloe dvizhenie: Enciklopediya grazhdanskoj vojny* [The White Movement: Encyclopedia of the Civil War], OLMA-Press, St. Petersburg; Moscow, Russia.
- Ganin, A.V. (2004), *Chernogorec na russkoj sluzhbe: general Bakich* [Montenegrin in Russian service: General Bakich], Russkij put, Moscow, Russia.
- Ganin, A.V. (2006), *Ataman A.I. Dutov* [Ataman A.I. Dutov], Centrpoligraf, Moscow, Russia.
- Gordeev, Yu.N. (1993), *General Denikin: voenno-istoricheskij ocherk* [General Denikin: military-historical essay], Arkayur, Moscow, Russia.
- Zyryanov, P.N. (2006), *Admiral Kolchak, verhovnyj pravitel' Rossii* [Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Ioffe, G.Z. (1989), *«Beloe delo»: General Kornilov* [The “White Movement”: General Kornilov], Nauka, Moscow, Russia.
- Ippolitov, G.M. (1999), *Kto vy, general Denikin? Monograficheskoe issledovanie politicheskoi, voennoj i obshchestvennoj deyatel'nosti A.I. Denikina v 1890–1947 gg.* [Who are you, General Denikin? A monographic study of the political, military and social activities of A.I. Denikin in 1890–1947], Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, Samara, Russia.
- Karpenko, S.V. (1994), *Beloe delo: Vrangeli v Tavrii* [White Movement: Wrangel in Tavria], SPAS, Moscow, Russia.
- Karpenko, S.V. (2002), “Denikin Anton Ivanovich (1872 – 1947)”, *Novyj istoricheskij vestnik*, vol. 6, no.1, pp. 91–106.
- Karpenko, V.V. and Karpenko, S.V. (1995), *Vrangeli v Krymu* [Wrangel in Crimea], SPAS, Moscow, Russia.
- Kozlov, A.I. (1997), “Anton Ivanovich Denikin”, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 54–74.
- Kozlov, A.I. (2000), *General Denikin* [General Denikin], Fenix, Rostov on Don, Russia.
- Kruchinin, A.S. (2003), “General-from-infantry M.V. Alekseev”, *Historical portraits: L.G. Kornilov, A.I. Denikin, P.N. Wrangel...*, AST-Astrel, Moscow, 2003, pp. 59–108.
- Kruchinin, A.S. (2009), *Admiral Kolchak: zhizn, podvig, pamyat* [Admiral Kolchak: life, feat, memory], AST-Astrel, Moscow, Russia.
- Kuzmin, S.L. (2011), *Istoriya barona Ungerna: opyt rekonstrukcii* [The story of Baron Ungern: experience of reconstruction], KMK, Moscow, Russia.
- Larkov, N.S. (1995), *Nachalo grazhdanskoj vojny v Sibiri: Armiya i borba za vlast* [The beginning of the Civil War in Siberia: the Army and the struggle for power], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Larkov, N.S. (2017), *Sibirskij belyj general* [Siberian White General], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.

- Levi, Dzh. (1996), "Biography and History", *Modern teaching methods Recent History*, Institut vseobshchej istorii RAN, 1996, pp. 191–206.
- Morozova, O.M. (2017), *General I.G. Erdeli: Stranicy istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii* [General I.G. Airedale: Pages of the history of the White movement in southern Russia], Centrpoligraf, Moscow, Russia.
- Panov, D.N. (2003), "Essays on Russian Troubles" of A.I. Denikin in the socio-political struggle of the 20s – early 30s. of twentieth century, Abstract of Ph.D. dissertation, N. Novgorod University, 2003.
- Plotnikov, I.F. (1998), *Aleksandr Vasilevich Kolchak: Zhizn i deyatelnost* [Alexander Vasilevich Kolchak: Life and Activities], Fenix, Rostov on Don, Russia.
- Rutych, N.N. (2002), *Belyj front generala Yudenicha: Biografii chinov Severo-Zapadnoj armii* [The White Front of General Yudenich: Biographies of the ranks of the Northwest Army], Russkij put, Moscow, Russia.
- Rybas, S.Yu. (2000), *General Kutepov* [General Kutepov], OLMA-Press, Moscow, Russia.
- Smirnov, M.I. (1930), *Admiral Aleksandr Vasilevich Kolchak: Kratkij biograficheskij ocherk* [Admiral Alexander Vasilevich Kolchak: A brief biographical essay], Voenno-morskoy soyuz, Paris, France.
- Tuchapskij, A.K. (2006), "Petr Nikolaevich Krasnov: the fate of a Russian officer", Abstract of Ph.D. dissertation, St.-Petersburg University, Russia.
- Ushakov, A.I. (2004), *Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya antibolshevistskogo dvizheniya v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii* [Contemporary Russian historiography of the anti-Bolshevik movement during the Civil War in Russia], AIRO-XX, Moscow, Russia.
- Fedyuk, V.P. and Ushakov, A.I. (2006), *Lavr Kornilov* [Lavr Kornilov], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Handorin, V.G. (2006), *Admiral Kolchak: pravda i mify* [Admiral Kolchak: truth and myths], Izdatelstvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Hodakov, I.M. (2006), "Essays on Russian Troubles" of A.I. Denikin as a source for the study of Civil War in southern Russia, Abstract of Ph.D. dissertation, Institution of Russian History RAN, Russia.
- Cvetkov, V.Zh. (1997), "Petr Nikolaevich Wrangel", *Voprosy istorii*, no.7, pp. 54–81.
- Cvetkov, V.Zh. (2006), "Lavr Georgievich Kornilov", *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 55–84.
- Cvetkov, V.Zh. (2012), "Mikhail Vasilevich Alekseev", *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 23–47.
- Cvetkov, V.Zh. (2014), *General Alekseev* [General Alekseev], Veche, Moscow, Russia.
- Yuzefovich, L.A. (1993), *Samoderzhec pustyni: Fenomen sudby barona R.F. Ungerna-Shternberga* [Desert autocrat: The phenomenon of baron R.F. Ungern-Sternberg's fate], Ellis Lak, Moscow, Russia.
- Fleming, P. (1963), *The fate of Admiral Kolchak*, Hart-Davis, London, UK.
- Hosking, D. (2016), "A democratic White general: V.G. Boldyrev", *Revolutionary Russia*, vol. 29, pp. 169–191.
- Kröner, A. (2010), *The White Knight of Black Sea: the life of general Peter Wrangel*, Luxemburg Publishing, Hague, Netherlands.
- Lehovich, D. (1974), *White against Red: The life of general Anton Denikin*, W.W. Norton, New York, USA.

Palmer, J. (2009), *The bloody White baron: the extraordinary story of the Russian nobleman who became the last Khan of Mongolia*, Basic Books, New York, USA.

Walker, D.A. (1983), "Biography of the study of the history of economic thought", *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, vol. 1, pp. 41–59.

Информация об авторе

Евгений В. Волков, доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия; 445080, Россия, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76; evgeny-volkov@mail.ru

Information about the author

Evgeny V. Volkov, Dr. of Sci. (History), associate professor, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia; bld. 76, Lenin Av., Chelyabinsk, Russia, 454080; evgeny-volkov@mail.ru

Ученый-мыслитель
Ольга Михайловна Медушевская:
Душа и Символ Историко-архивного института
(об издании научного наследия
О.М. Медушевской)

Татьяна И. Хорхордина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ioad@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется научное наследие ученого-мыслителя, заслуженного профессора РГГУ Ольги Михайловны Медушевской, опубликованное в 4-томном собрании ее сочинений в 2017 г. Это издание явилось значительным событием не только российской, но и мировой науки, поскольку труды О.М. Медушевской, отличающиеся междисциплинарным подходом, представляют собой образец системного мышления, новизны в постановке проблем и безукоризненных по логической обоснованности предложений по их решению. Гуманитарно-антропологический вектор ее исследований в контексте современных наук о Человеке определил ее вклад в мировую науку. В центре исследований Медушевской стоит самоценный исторический источник как феномен бытия Человека в непрерывном пространственно-временном континууме. Рассматриваются взгляды Медушевской на закономерности генезиса, развития и эволюции источниковедения и ноосферного «измерения» информационного комплекса источников. Отмечается, что работы Медушевской отражают становление и эволюцию теории и методологии когнитивной истории. Еще одним вектором в системе ее взглядов стала феноменологическая концепция истории, получившая окончательное воплощение в работе «История как строгая наука». Применительно к историко-документальному наследию феноменологический подход можно свести к исследованию проявления объективно-субъективной стороны жизнедеятельности архивов, при котором архивные фонды как органически целостные «сгустки» включены в область централизованного выявления, комплектования и хранения документов, а также использования и управления ими. О.М. Медушевская внесла уникальный вклад в становление гуманитарной целостности науки как основы самопознания человечества.

Именно поэтому новаторские идеи О.М. Медушевской, ее научное наследие и ее Личность привлекают все новых исследователей в мире.

Ключевые слова: О.М. Медушевская, международная научная школа, Историко-архивный институт, научное наследие, источниковедение, когнитивная история, феноменологический подход, глобализация, информатизация, познание «другого»

Для цитирования: Хорхордина Т.И. Ученый-мыслитель Ольга Михайловна Медушевская: Душа и Символ Историко-архивного института (об издании научного наследия О.М. Медушевской) // История и архивы. 2020. № 1. С. 140–154. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-140-154

Philosopher of science Olga Medushevskaya:
the Soul and the Icon of the Institute
for History and Archives
(devoted to the publication of the scientific heritage
of O.M. Medushevskaya)

Tatyana I. Khorkhordina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ioad@yandex.ru*

Abstract: The article analyzes the scientific heritage of the scholar and thinker, Professor Emeritus of the Russian State University for the Humanities, Olga Mikhailovna Medushevskaya. The collection of her works was published in four volumes in 2017. This edition proved to be a significant event not only in Russian but also in the world science, since the works of O. M. Medushevskaya, characterized by an interdisciplinary approach, represent a model of systemic thinking, novelty in the formulation of problems and the impeccable rationale in resolving them. The humanitarian-anthropological vector of her research in the context of contemporary Human Being Studies has determined her contribution to world science. In the centre of Medushevskaya's research is a valuable historical source as a phenomenon of human existence in an endless space-time continuum. Medushevskaya's views on the regularities of Genesis, development and evolution of source studies and noospheric "measurement" of the information complex of sources are being discussed in the article. It is noted that Medushevskaya's works reflect the formation and evolution of the theory and methodology of cognitive history. Another vector in the system of her views is represented by the phenomenological concept of history, which has finally been embodied in the work "History as a Rigorous Science". With regard to the historical and documentary heritage, the phenomenological approach can be applied to the study of the manifestations of the objective and the subjective sides of archives' activities, in which archival funds, being organically integral "clumps", are included in the area of centralized identification, acquisition and storage of documents, as well as of their use and management.

O.M. Medushevskaya has made a unique contribution to the formation of the humanitarian integrity of science as the basis of self-awareness of mankind. That is why the innovative ideas of O.M. Medushevskaya, her scientific heritage and her Personality attract more and more researchers in the world.

Keywords: O.M. Medushevskaya, international scientific school, Institute for History and Archives, scientific heritage, source studies, cognitive history, phenomenological approach, globalization, informatization, cognition of “the other”

For citation: Khorkhordina, T.I. (2020), Philosopher of science Olga Medushevskaya: the Soul and the Icon of the Institute for History and Archives (devoted to the publication of the scientific heritage of O.M. Medushevskaya), *History and Archives*, no. 1, pp. 140–154. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-1-140-154

Есть выдающиеся ученые, гениальность которых мы осознаем по прошествии некоторого времени, вновь и вновь читая и перечитывая всю совокупность целостных научных трудов Ученого. Их научные труды опережают время, и каждое новое поколение исследователей открывает для себя созвучные ему и времени идеи и концепции. Именно к таким ученым относится Ольга Михайловна Медушевская, доктор исторических наук, заслуженный профессор РГГУ, создавшая международную научную школу теоретического источниковедения и международную научно-педагогическую школу. Научное наследие О.М. Медушевской нам еще предстоит изучить во всей его полноте и целостности и осмысливать величие масштаба ее личности.

Каждый ее научный труд неизменно встречал огромный, живой интерес у специалистов в самых разных сферах гуманитарного знания и будил мысль научного сообщества. Присущее ей интеллектуальное благородство, безупречная верность лучшим традициям отечественной и мировой науки, умение доброжелательно слышать и слушать чужое мнение, способствовали созданию атмосферы коллективного творчества. Ее отличало стремление к компаративизму в трудах на междисциплинарном стыке многих наук, которое определяло объективную необходимость учитывать все многообразие подходов для проверки полученных результатов перекрестными сравнениями.

В 2017 г. вышло 4-томное Собрание сочинений О.М. Медушевской [Медушевская 2017], издание которого явилось значительным событием не только отечественной, но и мировой науки. Автором обширных предисловий, поражающих потрясающей глубиной анализа научного наследия Ольги Михайловны, стал доктор философских наук А.Н. Медушевский, составитель и редактор 4-томного издания. Каждый том сопровождается вводными

статьями, раскрывающими содержание концепций Ольги Михайловны, эволюцию ее взглядов, необходимыми биографическими данными, отразившими особенности исторической обстановки подготовки и публикации соответствующих произведений. К отдельным трудам Ольги Михайловны сделаны уточняющие содержательные примечания от редактора. Предложенное читателю собрание сочинений О.М. Медушевской разделено на четыре тома – по основным направлениям ее научно-образовательной деятельности. Редактором издания проделана колоссальная, титаническая, просто подвижническая работа по собиранию, выявлению и анализу трудов Ольги Михайловны, которые служат нам своего рода маяками в необъятном мире информации, содержащейся в исторических источниках.

О.М. Медушевская явилась основателем нового научного направления, что, наверное, сродни чувству первооткрывателей неведомой ранее земли. Она продолжила лучшие традиции отечественной и в целом мировой науки, предлагая решение острейших проблем науковедения. Речь идет о гуманитарно-антропологическом векторе исследований О.М. Медушевской в контексте современных наук о Человеке, ярко проявившемся в ее новаторских трудах.

Оригинальная исследовательская методика Ольги Михайловны отчетливо проявилась в ее являющихся образцом системного мышления научных работах, в которых анализируются сложнейшие теоретические вопросы с применением междисциплинарных методов. Она строила свои размышления по строгой логической схеме: формулируется вопрос, затем анализируются взгляды ученых на способы и методы его решения и предлагается безукоризненный по своей научной обоснованности собственный вариант решения. Отсюда и следует гуманитарно-антропологическая значимость анализа комплекса проблем, которые поставлены в исследованиях Ольги Михайловны впервые. Талант О.М. Медушевской состоял в том, чтобы не отклоняться с пути, ведущего к Истине, не отвлекаться на поверхностные отступления от темы, которые уведут в сторону от глубинной сути исследуемого феномена. Несмотря на академичность стиля изложения, чувством личной сопричастности, эмпатии к любой исследуемой проблеме проникнуто все ее научное творчество.

Ольга Михайловна формулировала концептуальное видение проблем, что приводило к получению научным сообществом все более полной и целостной истории разработки не только источниковедения (отечественного и зарубежного), но и мирового информационного пространства в целом.

На основе глубокой эрудиции она воссоздала картину гуманитарного знания планетарного масштаба, в котором Человек

к эволюции источниковедения интерпретировался как целостное интеллектуально-психологическое поле разработанной ею теории.

Работы О.М. Медушевской отражают становление и эволюцию созданной ею теории и методологии когнитивной истории. Как произительно точно определил редактор собрания сочинений, «сформулированные ею положения о месте и задачах исторической науки определяют нерв современных дискуссий по методологии истории». [Медушевский 2017а, т. 1, с. 32]. Изучением Человека, способного творить и целенаправленно создавать интеллектуальный продукт, занимается когнитивная история – эмпирическая наука, поскольку она выявляет закономерности связи, которая соединяет общество и личность, их информационный ресурс. Анализ и раскрытие информационного потенциала источника является целью источниковедческого метода в рамках когнитивного подхода в гуманитарном познании. О.М. Медушевская явилась автором теории когнитивной истории, которая стала возможна с применением сочетания научного синтеза областей гуманитарного знания. Восприятие и чувствование текста источника и критического анализа – вот путь, позволивший сделать новые научно аргументированные выводы.

Еще одним вектором в стройной системе ее взглядов стала феноменологическая концепция истории. Окончательное воплощение «феноменологический» подход О.М. Медушевской получил в статье «История как строгая наука» [Медушевская 1999, с. 160–168], где провозглашается необходимость переориентации профессионального научного сообщества, которое в значительной своей части склонно подчеркивать специфику гуманитарных наук, в отличие от наук естественных, точных и информационных [Медушевская 1999, с. 162]. Применительно к историко-документальному наследию феноменологический подход можно свести к исследованию проявления объективно-субъективной стороны жизнедеятельности архивов, при котором архивные фонды как органически целостные «сгустки» включены в область централизованного выявления, комплектования и хранения документов, а также использования и управления ими.

Ольга Михайловна исходила из того, что феномен (в данном случае, архивы как феномен) – это нечто, что как бы выставляет себя на свет или может быть выведено на свет, то есть, если использовать определение историка философии В. Библихина – нечто, «кажущее» себя². В этом объективно-диалектическом противоречии заключается сильная и, одновременно, слабая сторона изучения явлений как феноменов – внешняя, ограниченная видимым контуром,

² См.: История философии: Запад–Россия–Восток. Кн. 4: Философия XX в. М., 1999. С. 35.

их сторона может быть принята за внутреннюю, глубинную, не поддающуюся «оконтуриванию», суть.

Философское осмысление генезиса архивов, постижения их двуединой сущности как феноменологического проявления духовной жизни человека характеризовало взгляды О. М. Медушевской на документальное наследие как феномен культуры и представляет особую ценность для научного познания.

Совершенствование методов исторического познания она видела в перспективах изучения истории как точной науки, получения нового знания о человеке в истории. Научная дисциплина, позволяющая реконструировать прошлое и исторический мир человека – есть источниковедение, ее теория, история и метод. Все это Ольга Михайловна представила в своих новаторских трудах по философии гуманитарного познания, характеризующихся созданием концепции информационного обмена и возможностями ее применения в истории. Источниковедение как социокультурный феномен, преодолевающий время, и представляющий время в контексте культуры не только сохраняет информацию, но и спасает ее от беспыльства при непрерывном потоке новой информации. Преодоление времени в значении сохранения ценностей культуры и обеспечивает преемственность сохранения и использования культурного наследия.

Исторические источники, будучи областью отражения имеющейся в них информации о различных фактах и событиях, есть «проявления философского принципа единства многоярусного, диалектически единого мира»³.

Современная теория источниковедения, разработанная Ольгой Михайловной, созвучна гуманитарному в сути своей космизму в России и в конечном счете, семиосферизму ноосферы в качестве единого целого (Ю.М. Лотман – Т.А. Себеок – У. Эко). В ее работах дается синтез характера, состава и места гуманитарного знания, который она исследовала на основе анализа философского движения и концепций гуманитарного знания XX–XXI вв. Таким образом, культурологический и феноменологический аспекты проблемы Человека в научном наследии О.М. Медушевской интерпретируются как контур содержательной структуры гуманитарного знания.

³ Цит. по: *Куманова А.В.* Введение в гуманитарную библиографию: [Ч. 1–2] / Гос. высш. Ин-т. библиотекосведения и информ. технологий (Болгария), Санкт-Петерб. гос. унив. культуры и искусств (Россия). София: Гутенберг, 2007. Ч. 1. [Кн. 1]: Философско-наукосведческая картина гуманитарного знания: Библиографоведческие исследования: [Курс лекций]. С. 58.

Культуролого-феноменологический взгляд Ольги Михайловны на вещи определяет интеллектуально-духовные свойства исторических источников.

Ученый-мыслитель, О.М. Медушевская, следуя системному подходу, проанализировала целый мир бытия исторического источника (мы бы сказали космос источника) в общественно-ценностном смысле, раскрыла закономерности генезиса, развития и эволюции источниковедения и ноосферного «измерения» информационного комплекса источников. В работах, посвященных проблемам теории, истории и методологии источниковедения, Ольга Михайловна исследует применение методов источниковедения в различных областях гуманитарного знания. В этой связи впервые поставлены проблемы соотношения архивоведческого и источниковедческого подходов при исследовании документального наследия.

Ей благодарны все те, кого она воспитала, исповедуя преданность Истине и подлинной Науке, отличающейся стремлением к Универсуму. Ольга Михайловна восприняла и продолжила лучшие традиции отечественной науки, поскольку тяга к системному мышлению, к анализу и синтезу законов природы была органично присуща ей.

Речь идет о качестве, который я бы назвала просто «человеческим», или, говоря современным языком, культуролого-антропологическим подходом к ученикам, и, конечно, к их исследованиям, который также определяет специфичность творческого метода Ольги Михайловны. Благодаря ее трудам в области исторической географии, стоявшей у истоков складывания этой учебно-научной дисциплины, научное сообщество получило концепцию исторической антропологии, методику анализа картографических источников, и в целом представлений о пространстве и времени. Ольга Михайловна, вводя понятие «исторического пространствоведения», показала пространственное видение, которое, способствуя междисциплинарным связям, создает историческая география. Анализируя картографические источники, О.М. Медушевская установила взаимосвязь космологических и географических представлений с реальной действительностью и знаниями конкретной эпохи

И это установление взаимосвязи социальных и естественных методов исторического процесса – изменения климата, ландшафта, их влияния на расселение населения, хозяйственную деятельность, экологию, заложили концепцию междисциплинарного синтеза и новой методологии истории, состоящей во взаимодействии и взаимодополняемости наук о природе и человеке.

Как справедливо отметил редактор и составитель издания, ныне основополагающую роль играют три ключевых проблемы: глобализация, информатизация и познание «другого», видение картины

мира которого отличается от устоявшихся стереотипов данного научного сообщества и данной цивилизации [Медушевский 2017а, т. 1, с. 11–12].

Для историка-архивиста огромный интерес представляет методология научного поиска О.М. Медушевской и ее эвристические методы и подходы.

Она задумывалась о том, как свести воедино интересы историка-исследователя и архивиста. В основе междисциплинарности и генерализации знаний лежат и исследовательские задачи пользователя архивных документов/исторических источников, и связанный с ними поиск информации. Многовалентность информационной среды позволяет, в том числе на основе новейших технологий, найти свою информацию в океане исторических источников. Таким образом расширяются горизонты культурного потенциала и диапазон интеллектуального мира исследователя, и в конечном счете он подходит к пониманию новых идей. Ольга Михайловна заключала, что переход информации в знание и знания в информацию источниковед включает в собственное знание и определяет алгоритм поиска уникального ресурса, создаваемым человеческим обществом. На основе междисциплинарного синтеза достижений многих наук, О.М. Медушевская показала, что мысль Человека разумного может создать интеллектуальный продукт, поскольку способность документировать, но и сохранять историческую память и отличает «творческий союз источниковедческой мысли с практической археографией и архивоведением»⁴. Делая прогноз динамики развития профессий историка и архивиста, О.М. Медушевская отмечала: «Человека от других живых существ отличает способность творить, создавать изделия, произведения, которые, будучи воплощены в материальной форме, не исчезают, объединяя человечество в единое целое... В масштабной иерархии гуманитарного познания историк и архивист осознают общность своих фундаментальных принципов и целей и совершенствуют специфические методы их реализации» [Медушевская 1998, с. 48].

Ольга Михайловна подчеркивала, что нравственным культурно-ценностным императивом информационной культуры является определение семантики духовных продуктов человеческой интеллектуальной деятельности при источниковедческом и архивоведческом анализе и поиске информации. Она отмечала, что «любой фрагмент прошлого, существуя в материальной форме, составляет самодостаточный компонент новой, современной реальности» [Медушевская 1995, с. 28–29], а науку следует понимать как особый

⁴ Адрес Археографической комиссии РАН по случаю празднования юбилея О. М. Медушевской (2002 г.).

вид духовного производства, неотделимый от культуры, которая духовна по своему существу и происхождению. Ольга Михайловна всегда писала о том, что в свете анализа общих тенденций эпистемологии гуманитарного знания должен быть системный подход к корпусу взаимосвязанных (генетически) источников как исторических явлений, как феноменов культуры.

Изучение произведения как явления культуры и как источника информации о реальности характерно и для сохранения естественно-исторических (генетических) связей документа в архивном фонде.

О.М. Медушевская подчеркивала роль компаративистики – сравнительно-исторических методов изучения источников. Еще в 1975 г. она обосновала концепцию источниковедения как теоретической и методологической основы гуманитарного знания, позволяющей сделать это знание точным и доказательным. Она первая аргументированно обосновала положение, что источниковедение и вспомогательные науки истории «изначально едины тем, что предмет их изучения – исторические источники – суть произведения культуры, общечеловеческой во всем многообразии ее проявлений. То есть, они гуманитарны во всем многообразии ее проявлений...» [Медушевская 1992, с. 12] как источники многоплановой информации о человеке. Ольга Михайловна говорила о тайне документа/источника, когда констатировала необходимость по-новому рассмотреть понятия «архивный документ» и «исторический источник» [Медушевская 1996, с. 58]. Она отмечала общую основу архивоведения и источниковедения – во первых, а во-вторых, два подхода к архивному документу – «сугубо академический» и «функционально-управленческий», которые имеют свою самостоятельность, они «реальность настоящего». Ольга Михайловна в предельно заостренной форме задает вопрос, в чем состоит «неполнота совпадения» понятий «архивный документ» и «исторический источник» и отвечает: «Противоречие состоит в том, что один и тот же документ (он же источник) функционирует в различных системах, ориентированных, соответственно, на собственные иерархии ценностей, на свои правовые критерии, стереотипы поведения и мотивации для принятия решений...» [Медушевская 1996, с. 60].

Информационно-культурная среда, отмечала Ольга Михайловна, должна изучать архивы как специфическое явление духовной культуры человека. Речь идет об обучении студентов архивоведения, т. е. об архивопонимании сущности архивов как историко-культурного феномена с одной стороны, и об архивографии, т.е. о прикладном архивоведении. Она исследовала взаимосвязь между состоянием архивов как органического комплекса документов, и уровнем духовной культуры общества.

Историко-сравнительный анализ динамики отношений в системе архивист-общество-государство, проведенный Ольгой Михайловой, носит поистине фундаментальный характер. В рамках сформулированной ею концепции «двуполюсности» профессии архивиста «как ученого в образе администратора и администратора-ученого» [Медушевская 1998, с. 20] одной из первых в истории отечественной архивоведческой мысли она обосновала тезис о губительности тенденции к самоизоляции историков и архивистов. Почти во всех ее работах настойчиво звучит призыв к тому, чтобы представители обеих профессий достигли понимания проблемы самодостаточности исторического источника не только как средства получения информации о тех или иных «фактах», но и самостоятельного реального объекта с доступными для научного исследования параметрами. Иначе говоря, архивный документ («фиксированная информация о становлении человека и человечества») высвечивается в качестве бесконечной единицы мирового документального наследия, размещающаяся в особом междисциплинарном пространстве, исследование которого немыслимо в узких рамках взаимной профессиональной изоляции и требующая от пользователя общегуманитарной эрудиции на эпистемологическом уровне.

О.М. Медушевская подчеркивала, что историк-архивист – это не только организатор архивных документов (в широком смысле), но и историк-исследователь, серьезно и глубоко ориентированный на непосредственную разработку архивных документов. Историк-архивист – это специалист, призванный вносить вклад в изучение науки о прошлом на всех этапах процесса – на этапе сбора и организации документов, на этапе обработки архивных документов (архивист – источниковед – археограф), на этапе использования архивных документов (их информации в конкретно-исторических исследованиях) и в целом при вводе исторического знания в общественное сознание. Из вышесказанного вытекает единство системы – архивист – источниковед – археограф – историк. В плане подготовки выпускника – изъять любое звено из этой цепи, отмечала Ольга Михайловна, – значит, разрушить ее. Архивиста высокой квалификации без источниковеда, археографа и историка быть не может (в противном случае достаточно архивного техникума). В основе взглядов О.М. Медушевской лежит усиление фундаментальности подготовки студента. Именно фундаментальные обобщения позволяют развивать у студента целостный взгляд на мир в полноте его реальных противоречий и определяющих тенденций. Таким образом Ольга Михайловна предложила научному сообществу вместо трансляции устоявшегося знания (готовых знаний) новую концепцию образования, заключающуюся в обучении мето-

ду, т. е. преподавание не может быть ограничено просто получением какого-то определенного количества знания по отечественной и зарубежной истории, независимо от того, совпадает объем этого материала с подобными курсами в других исторических вузах или нет. Преподавание в большой мере должно быть ориентировано на обучение методам исторического исследования, для чего необходимо усиление преподавания теоретико-методологических проблем исторического познания и исторического процесса. И в этой связи Ольга Михайловна отмечала, что для постижения и обретения смысла в диалоге культур необходимо обучать языку предмета, пониманию языка предмета и в конечном счете «мелодии» науки.

Труды О.М. Медушевской по проблемам научно-педагогической концепции гуманитарного знания и преподавания в высшей школе получили международное признание, поскольку имеют фундаментальный характер. Они отразили эволюцию научной школы Историко-архивного института, ее междисциплинарные аспекты гуманитарного образования и обогатили мировую педагогическую мысль. На базе усвоения идей и образцов истории науки и культуры в значительной степени происходит выработка личной философии, миропонимания. Ольга Михайловна разработала образовательную модель, которая, как она отмечала, – есть образ науки. [Медушевская 2017, т. 4, с. 38].

Феноменологический подход к научному знанию является вкладом О.М. Медушевской в историю науки.

Восприятие культуры через обучение не предполагает поляризацию предметов на гуманитарные, естественнонаучные и политехнические. Ольга Михайловна подчеркивала, что обучение культуре – это в значительной мере процесс восприятия мира через образное сопереживание, ориентирование самосознания на преемственность высших образцов человеческого духа и высоких традиций. На базе усвоения идей и образцов истории науки и культуры в значительной степени происходит выработка личной философии, миропонимания, генетических связей системы образования. На открытии Российско-французского центра исторической антропологии им. Марка Блока (в марте 1992 г.) О.М. Медушевская говорила о «странных сближениях»: в 1929 г. был создан журнал «Анналы», а в 1930 г. – Историко-архивный институт как научный центр, в котором сразу же возникло «определенное целостное представление о первоисточниках, о ремесле историка и о тех архивах, которые являются неиссякаемым источником знаний и генерации новых идей, без которых ремесло историка остается втуне». Медушевская отмечала также, что и французские ученые вообще, и представители школы «Анналов», в частности, всегда вызывали и вызывают огромный интерес у всех поколений историков ИАИ:

ученые Института обращались в своих лекциях к работам М. Блока, Л. Февра и исследованиям последующих поколений ученых этой «школы». «Этот высокий уровень французской и мировой науки может быть воспринят здесь, в стенах нашего университета», – заключила О.М. Медушевская⁵. Таким образом, образовательная модель, предложенная Ольгой Михайловной, показывает ориентир самостоятельного поиска информации, учитывая опыт и знания, «проводя разграничение подлинного и мнимого знания, творческого (основанного на обучении методу) и транслирующего (вторичного) образования» [Медушевский 2017b, т. 4, с. 31].

В интеллектуальной среде как нигде, важны нравственные ориентиры. В концепте О. М. Медушевской «мета-подход» речь идет именно об этическом аспекте методологии совместной работы, о великодушии и доброжелательности, благородстве и безупречной стройности системы ее ценностных ориентиров.

Таким образом, научное наследие О.М. Медушевской позволяет сделать вывод, что оно в совокупности составляет программную установку на понимание гуманитарно-этического измерения Памяти.

Редактор и составитель Собрания сочинений очень тонко и точно назвал внутренние целостные с неразрывным единством научные труды Ольги Михайловны трудами «обжигающей новизны» [Медушевский 2017a, т. 1, с. 5].

Она внесла свой уникальный вклад в становление гуманитарной целостности науки как основы самопознания человечества.

Именно поэтому новаторские идеи О.М. Медушевской, ее научное наследие и ее Личность привлекают все новых и новых исследователей во всем мире.

Литература

-
- Медушевская 2017 – *Медушевская О.М.* Собрание сочинений: В 4 т. / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017.
- Т. 1: *Философия история и теория исторического познания* / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.: Берлин, 2017. 820 с.;
- Т. 2: *Источниковедение: теория, история, метод* / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 880 с.;
- Т. 3: *Историческая география и антропология* / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 530 с.;

⁵ Становление университета нового типа: Материалы к расширенному заседанию Ученого совета РГГУ 31 августа 1992 г. М.: РГГУ, 1992. С. 125.

- Т. 4: Научно-педагогическая школа / Под общ. ред. А. Н. Медушевского. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 665 с.
- Медушевская 1992 – *Медушевская О.М.* Источниковедение и гуманитарная культура // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 12.
- Медушевская 1995 – *Медушевская О.М.* Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступлений на Всероссийской конференции. 20–22 декабря 1994. М., 1995. С. 27–36.
- Медушевская 1996 – *Медушевская О.М.* Между наукой и администрацией: противоречие и цельность профессиональной деятельности архивиста // Вестник архивиста. 1996. № 5(35). С. 58–63.
- Медушевская 1998 – *Медушевская О.М.* Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании ими прошлого в интересах настоящего и будущего: Междунар. науч. конференция. М., 1998. С. 15–29.
- Медушевская 1999 – *Медушевская О.М.* История как строгая наука // Вестник архивиста. 1999. № 2–3 (50–51). С. 160–168.
- Медушевский 2017а – *Медушевский А.Н.* Ольга Михайловна Медушевская: интеллектуальный портрет // Медушевская О.М. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1.: Философия история и теория исторического познания / Под общ. ред. А.Н. Медушевского. М.: Берлин, 2017. С. 10–55.
- Медушевский 2017б – *Медушевский А.Н.* Теория О.М. Медушевской и смена парадигм в современном гуманитарном познании, образовании и педагогической деятельности // Медушевская О.М. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Научно-педагогическая школа. М.: Берлин, 2017. С. 5–37.

References

- Medushevskaya 2017 – Medushevskaya, O.M. (2017) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collection of works in 4 vol.], Berlin: Direct-Media, Moscow, Russia.
- Vol 1: *Filosofiya, istoriya I teoriya istoricheskogo posnaniya* [Philosophy, History and Theory of Historical Knowledge];
- Vol. 2: *Istchnikovedeniye: teoriya, istoriya, metod* [Source Study: Theory, History, Method]; Vol. 3: *Istoricheskaya geografiya I antropologiya* [Historical Geography and Antropology];
- Vol. 4: *Nauchno-pedagogicheskaya shkola* [Scientific and Educational School].
- Medushevskaya, O.M., (1992), “Source study and humanitarian culture”, *Otechestvenniye archivy*, no. 4, p. 12.
- Medushevskaya, O.M., (1995), “Archival document as historical source in the present day reality”, *Archivovedeniye I istochnikovedeniye otechestvennoy istorii. Problemytsaimodeystviya na sovremennom etape* [Archival studies and source studies of domestic history. Problems of interaction at the present stage, All-Russian scientific conference summary reports, 20–22 Dec 1994], Moscow, Russia, pp. 27–36.

- Medushevskaya, O.M., (1996), "Between science and administration: contradiction and entirety of archive professional", *Vestnik archivista*, vol. 35, no. 5, pp. 58–63.
- Medushevskaya, O.M., (1998), "A historian and an archivist: spheres of their knowledge of the past", *Istoriki i archivisty: sotrudnichestvo v sohranении i posnanii imi proshlogo v interesah nastoyaschego i buduschego* [Historians and Archivists: Cooperation in preservation and cognition of the past for the sake of the present and the future: All-Russian scientific conference], Moscow, Russia, pp. 15–29.
- Medushevskaya, O.M., (1999), "History as rigorous science", *Vestnik archivista*, vol. 50–51, no. 2–3, pp. 160–168.
- Medushevsky, A.N., (2017), "Olga Medushevskaya: intellectual portrait", in Medushevskaya, O.M. (2017) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collection of works in 4 vol.] Vol. 1: *Filosofiya, istoriya i teoriya istoricheskogo posnaniya* [Philosophy, History and Theory of Historical Knowledge], Berlin: Direct-Media, Moscow, Russia.
- Medushevsky, A.N., (2017), "O. Medushevskaya's theory and changing of the paradigm in contemporary cognition, education and teaching" in Medushevskaya, O.M. (2017) *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Collection of works in 4 vol.] Vol. 4: *Nauchno-pedagogicheskaya shkola* [Scientific and Educational School], Berlin: Direct-Media, Moscow, Russia, pp. 5–37.

Информация об авторе

Татьяна И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, Миусская пл., д. 6, 125993 ioad@yandex.ru

Information about the author

Tatyana I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ioad@yandex.ru

In memoriam

Память о Друге

29 сентября 2019 года не стало нашего большого Друга, члена редколлегии нашего журнала, известного болгарского ученого-архивоведа Петра Пейкова.

Петр Пейков родился 12 января 1953 г. в г. Хасково (Болгария). После окончания в 1978 г. исторического факультета Великотырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия он стал специалистом Главного архивного управления (ГАУ) при Совете Министров Болгарии. В 1980 г. Петр Пейков поступил в аспирантуру Московского государственного историко-архивного института, где в 1984 году под руководством Нины Александровны Орловой защитил диссертацию по специальности 05.25.02 «Документалистика, документоведение, архивоведение» на тему «Теоретические и организационно-методические основы комплектования документальными источниками Центрального государственного архива Народной республики Болгарии» и стал кандидатом исторических наук. В 1996 году проходил стажировку на Международных архивных курсах в Париже и Национальном архиве Франции.

С 1984 по 1992 г. Петр Пейков являлся научным сотрудником Научно-исследовательской лаборатории архивоведения и документоведения при ГАУ Болгарии, с 1986 года стал ее руководителем. Там он сразу включился в подготовку Словаря болгарской архивной терминологии, и ряда аналитических разработок, относящихся к развитию архивной системы. В 1992–2000 гг. – эксперт Контрольно-

методического отдела ГАУ, в 2010 г. назначен начальником отдела «Документального менеджмента» Главной дирекции Архивной политики в Государственном агентстве «Архивы». Три десятилетия (с 1985 по 2016 г.) Петр Пейков был членом Центральной экспертно-поверочной комиссии ГАУ Болгарии, активно участвовал в комиссиях по изменению Закона о Государственном архивном фонде и по подготовке актуального и ныне Закона о Национальном архивном фонде Болгарии.

С 1987 г. он являлся членом редколлегии научного журнала «Архивен преглед», с 2010 по 2017 г. его главный редактор. В январе 2018 года Петр Пейков стал членом редколлегии научного журнала РГГУ «История и архивы».

С 2007 г. член Союза журналистов Болгарии.

Одновременно Петр Пейков занимался преподавательской деятельностью. Многие годы он преподавал архивистику и документоведение в Новом болгарском университете (НБУ) в Софии.

В Университете библиотековедения и информационных технологий (УниБИТ) при его активном содействии и профессиональной помощи в 2012 г. открылась специальность «Архивистика и документалистика». Он вел основные документоведческие дисциплины до последних своих дней.

С Петром можно было говорить и советоваться буквально обо всем, он умел слушать, а главное – слышать. Чуткость и деликатность были его врожденными качествами. С ним можно было с равным интересом с его стороны вести беседу и о житейских делах, и о научно-учебных. Он ненавязчиво давал неравнодушные советы и обладал огромным тактом.

В октябре 2019 г. Петр собирался приехать в Историко-архивный институт РГГУ для участия в Международной научной конференции «Архив. Документ. Информационное общество», где хотел выступить с докладом «Архивное законодательство Болгарии: история и современность». Однако 29 сентября его не стало.

Добрый, отзывчивый, светлый и порядочный Человек, отличавшийся высоким чувством справедливости и скромностью. Мы благодарны судьбе за неизменно теплые и интересные встречи и дружбу с этим умным и талантливым Человеком и Ученым.

*Стефка Петкова
Татьяна Хорхордина*

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

ЭЭЭЭ

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 14.03.2020.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,4. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 834

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06